

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

2-01

**ДЕСЯТЬ ЛЕТ
РОССИЙСКИХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РЕФОРМ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2001**

Серия

«Экономические и социальные проблемы России»

**Центр социальных научно-
информационных исследований**

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

В.А. Виноградов – академик, председатель;
Н.А. Макашева – д-р экон. наук, зам. председателя;
В.С. Автономов – член- корреспондент РАН;
И.Е. Дискин – д-р экон. Наук (ИСЭПН РАН);
В.Е. Маневич – д-р экон. Наук (ИПР РАН);
Н.Л. Полякова – канд. филос. наук (МГУ).

С 69

Редактор и составитель выпуска –
канд. истор. наук *И.Ю. Жилина*

Государство в рыночной экономике: новые подходы: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Отв. ред. и сост. Жилина И.Ю. – М., 2001. – 8 л. – 155 с. (Экономические и социальные проблемы России / Редкол. сер.: Виноградов В.А. – председатель и др.; 2001, 2.)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	4
<i>Е.А. Пехтерева.</i> Е.Т. Гайдар об экономических проблемах постсоциалистической России (обзор).....	8
<i>Н.П. Кононкова.</i> Реформы 90-х годов в работах экономистов сторонников постепенного реформирования (обзор)	29
<i>Е.Е. Луцкая.</i> Общероссийская дискуссия по проблемам стратегии экономического развития страны. Позиция оппонентов правительственных программ (обзор)	50
<i>И.Г. Минервин.</i> Зарубежные исследователи о путях трансформации Российской экономики: многообразие подходов, сходство выводов (обзор)	70
<i>Л.А. Зубченко.</i> Провал кредитно-денежной политики в России в 90-Х годах (сводный реферат).....	123
<i>В.И. Шабаева.</i> Реформируемая Россия: отношения со странами Европы (обзор).....	138

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Проблемы переходной экономики особенно в последнее десятилетие привлекают пристальный интерес экономистов. И это вполне естественно: именно в этот период происходил «массовый» переход бывших социалистических стран и бывших советских республик от централизованной плановой к рыночной экономике.

Особое место среди этих стран занимают республики бывшего СССР, в частности Россия. С самого начала было ясно, что трансформация экономики бывшего СССР в рыночную будет более трудной и дорогостоящей по сравнению со странами социалистического блока из-за размеров страны, ее замкнутости, безраздельного господства плановой экономики, ее милитаризации, парадоксальной слабости государства. Кроме того, переход к рынку был прыжком в неизвестность не только для практически всего руководства страны, но и экономических субъектов. Несмотря на всю историческую значимость горбачевской перестройки и приобретенный в ходе ее осуществления опыт, она не только не устранила эти препятствия, но и создала новые: нарушение макроэкономического равновесия привело к росту подавленной инфляции; частичная либерализация и ослабление ограничений, присущих плановой экономике, породили извращенное поведение субъектов хозяйственной деятельности. В результате последующего распада СССР были разорваны хозяйственные связи, произошла дезинтергация бюджетной и денежной систем.

Поскольку авторы не ставили своей целью детально, в хронологическом порядке описать ход и результаты экономических реформ в России, проиллюстрировав их последствия статистическими данными, хотелось бы напомнить о некоторых главных тезисах, положенных в основу преобразований российской экономики. Конечными целями реформ провозглашались экономическое возрождение России, рост и процветание отечественной экономики,

обеспечение на этой основе благосостояния и свободы граждан. Учитывая критическое состояние экономики страны, авторы реформ считали неизбежным ее временный спад.

Средства достижения целей – рынок, который должен был сформироваться с помощью снятия административных ограничений с цен, развития торговли взамен бюрократического распределения; создание конкурентной среды; стабилизация финансовой и денежной системы; приватизация, создание институциональных предпосылок эффективного рыночного хозяйства; структурная перестройка экономики и ее демилитаризация, повышение конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке; активная социальная политика с целью приспособления трудоспособного населения к новым условиям, защиты наиболее уязвимых слоев населения.

Начиная реформировать экономику правительство полагало, что:

- освобождение цен на большинство товаров вместе с ограничениями в денежно-кредитной сфере и налоговой реформой поможет ликвидировать бюджетный дефицит;
- либерализация внешнеэкономической деятельности приведет к насыщению внутреннего рынка и снижению первоначально взлетевших цен;
- широкая и скорая приватизация создаст основы частной собственности;
- экономика относительно быстро (в течение года) выйдет на нижнюю точку спада, и после этого, по крайней мере в некоторых отраслях, начнется оживление производства.

В конце 1991 г. правительство Е.Гайдара начало ускоренными темпами проводить эту политику в жизнь, не дожидаясь деблокирования международной помощи, не убедившись в связности бюджетной и денежной политики, не осуществив юридическое и институциональное оформление рыночной экономики, не прояснив отношения между Россией и другими бывшими республиками СССР. С точки зрения радикальных реформаторов, не было ничего важнее, чем «перейти Рубикон», на берегу которого остановился М.Горбачев, и решительно порвать с прошлым.

Нет ничего удивительного в том, что трансформация, начатая в таких условиях, не привела к ожидаемым результатам. Глубокие социально-экономические преобразования всегда сопряжены с потерями и ошибками, глубина и масштабы которых тесно связаны с состоянием общества и его экономики: согласием на реформы и тяготы, связанные с ними; организованностью общества и эффективностью государственной

власти; структурой экономики и состоянием ее производственного аппарата; уровнем развития науки и восприимчивостью общества к ее достижениям; социальной структурой общества; достигнутым уровнем благосостояния и т.д. Даже страны, находившиеся в более благоприятных условиях, прошли этот путь значительно болезненнее, чем ожидали эксперты: падение производства наблюдалось везде.

Известно, что мало кому из реформаторов удастся довести задуманные реформы до конца и еще меньшему числу – по намеченному сценарию, если таковой имелся. Но российские реформы напоминают тактику, о которой говорил Наполеон: сначала надо «ввязаться в бой», а уж затем посмотреть, что из этого получится.

Транзитивная экономика ставит перед специалистами множество вопросов, касающихся целей и содержания реформ, значимости приватизации в процессе реформирования, его темпов и последовательности этапов, роли государства в процессе преобразований и т.д. Однозначных ответов на эти вопросы пока нет, но опыт российских реформ помогает прояснить некоторые из них.

В настоящем сборнике предпринята попытка прежде всего представить взгляды российских и зарубежных экономистов, стоящих на различных, нередко противоположных теоретических позициях, на стратегию и методы реформирования российской экономики. Проанализированы взгляды Е.Гайдара на особенности функционирования и причины краха социалистической модели развития, а также основные проблемы постсоциалистического развития¹; эволюция отношения к радикальным реформам академического сообщества, стоящего в целом на позициях градуализма и неоднократно в течение последних лет предлагавшего свои варианты реформирования экономики². Определенное место уделяется трактовке в российской литературе вопроса выбора государством стратегии развития. Сопоставляются стратегические экономические программы, разработанные правительством, отечественными товаропроизводителями, Отделением экономики РАН, показываются их сильные и слабые стороны. Подробно рассматриваются предложения

¹ См.: Пехтерева Е.А. «Е.Гайдар об экономических проблемах постсоциалистической России».

² См.: Кононкова Н.П. «Реформы 90-х годов в работах экономистов-сторонников постепенного реформирования».

С.Ю.Глазьева, фактически взявшего на себя роль критика правительственных разработок, и его сторонников¹.

Большое место отводится в сборнике оценкам путей и проблем, успехов и неудач российских экономических реформ зарубежными специалистами, представляющими различные направления экономической теории. Но многообразие подходов и широкий спектр рассматриваемых проблем не помешали им прийти в целом к однозначным выводам. Надо отметить, что знакомство с анализом российской экономической реформы в определенной мере может служить иллюстрацией состояния и эволюции современной экономической науки².

В качестве иллюстрации ошибочности действий радикальных реформаторов приводится анализ западными специалистами основных направлений кредитно-денежной политики России в 90-х годах, которая привела к августовскому кризису 1998 г.³.

Наконец, анализируются пути поиска реформируемой Россией своего места в мировом сообществе, состояние и перспективы развития партнерских отношений с европейскими странами⁴.

И.Ю.Жилина

¹ См.: Луцкая Е.Е. "Общероссийская дискуссия по проблемам стратегии экономического развития страны. Позиция оппонентов правительственных программ".

² См.: Минервин И.Г. «Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: Многообразие подходов, сходство выводов».

³ См.: «Провал кредитно-денежной политики в России в 90-х годах».

⁴ См.: Шабаева В.И. «Реформируемая Россия: Отношения со странами Европы».

Е.А.ПЕХТЕРЕВА

**Е.ГАЙДАР ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ
ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ
(Обзор)**

Е.Гайдар с 1991 г. возглавлял рабочую группу экономистов при Госсовете РФ, разрабатывающую проект реформ российской экономики. В ноябре того же года был назначен заместителем председателя правительства по вопросам экономической политики и одновременно министром экономики и финансов в правительстве Б.Ельцина. С июня по декабрь 1992 г. был исполняющим обязанности председателя Совета Министров. Е.Гайдар вошел в историю как государственный деятель, начавший реализацию в России рыночных реформ. Он был смещен со своего поста по требованию оппозиции и после отставки возглавил Институт экономических проблем переходного периода (ИЭППП). Одновременно Е.Гайдар стал консультантом президента РФ по экономическим вопросам. В сентябре 1993 г. указом Президента он был назначен первым заместителем председателя Совета министров, а в январе 1994 г. вышел в отставку. В настоящее время является одним из лидеров блока "Союз правых сил". Е.Гайдар продолжает играть серьезную роль в формулировании экономической политики нынешней власти, которую проводят экономисты "гайдаровской школы". Крупные блоки реформ, в частности налоговый, в значительной части подготовлены Е.Гайдаром и его сотрудниками.

АНАЛИЗ МОДЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Несколько работ Е.Гайдара посвящены изучению модели социалистического развития и причин ее краха (1; 3; 10; 12).

Е.Гайдар анализирует социалистическую модель развития через призму ее предшественницы – модели направляемой государством импортозамещающей индустриализации. Характерными чертами социалистической модели являются: формирование управленческой иерархии, обеспечивающей координацию хозяйственной деятельности всей страны на основе прямых распорядительных актов, ликвидация системы рынков как основы микроэкономического регулирования, господство государственной собственности, ликвидация независимой от власти легитимной частной собственности; доминирующая роль государства в мобилизации, распределении и использовании национальных сбережений; эгалитаризм (уравнение доходов); догоняющая индустриализация на базе перераспределения ресурсов из аграрной сферы в промышленную; жесткий политический контроль; идеология, проповедующая необходимость добровольного самоограничения и самоотверженного труда.

Этот набор институциональных инноваций позволяет на время снять ряд ограничений, накладываемых на экономический рост рыночными механизмами. Масштабы национального накопления перестают зависеть от трудноуправляемых параметров – частных сбережений и инвестиций. Высокий уровень налогообложения не подавляет хозяйственную активность – она не зависит от автономных решений частных предприятий. Каналы бегства капитала надежно перекрыты. Практически отсутствуют ограничения на объем финансовых ресурсов, мобилизуемых государством на цели накопления. Предельно высокая, долгосрочно устойчивая норма национальных сбережений обеспечивает индустриальный рывок и высокие темпы экономического роста.

Фундаментальная проблемой рыночной индустриализации – инерционность нормы национальных сбережений. Социалистическая модель индустриализации эту проблему решила радикально. Однако отключение рыночных механизмов (стимулов к эффективному использованию ресурсов, механизмов отбора эффективных инноваций) привело к повышению ресурсоемкости и, в частности, энергоемкости ВВП.

Именно факторы, обуславливающие чрезвычайно высокие темпы социалистической индустриализации (снижение уровня жизни сельского населения, максимально возможное перераспределение на этапе ранней индустриализации ресурсов из традиционной аграрной сферы), порождают наиболее серьезную, по мнению Е.Гайдара, аномалию

социалистического роста – расходящиеся траектории развития промышленности и сельского хозяйства (1, с.29).

Рано или поздно дефицит продуктов питания в такой модели становится долгосрочной структурной проблемой, а их импорт – жесткой необходимостью. Низкая доля внешней торговли в ВВП затрудняет решение этой проблемы за счет роста экспорта обрабатывающих отраслей.

После того как первоначальные ресурсы индустриализации за счет резервов традиционного сектора исчерпаны и социалистическая страна стала импортером сельскохозяйственной продукции, на ее топливно-энергетический сектор ложится двойная нагрузка. Во-первых, рост экспорта энергоносителей – необходимая предпосылка наращивания импорта продовольствия и технологического обмена с мировой экономикой. Во-вторых, стабильная энергоемкость ВВП предполагает постоянный рост внутреннего энергопотребления по мере экономического роста. Возможности социалистического развития после исчерпания ресурсов аграрного сектора заданы верхним пределом устойчивого душевого производства энергетических ресурсов.

Теоретически, пишет Е.Гайдар, бедные ресурсами страны после первого индустриального рывка, позволяющего им повысить норму сбережения, сформировать промышленную структуру, повысить уровень образования, при своевременной смене ориентиров экономической политики могут выйти на основную (мировую) траекторию развития за счет сохраняющихся ресурсов традиционного сектора. Напротив, богатые ресурсами страны имеют возможность в рамках социализма пройти значительно более длинный путь индустриального развития. Но когда возможности роста оказываются исчерпанными, запуск рыночных механизмов для них становится более сложным делом, поскольку должен происходить в условиях острого кризиса сформированной при жесткой иерархической системе и не приспособленной к рыночным условиям структуры экономики. В то же время бедная ресурсами социалистическая страна достигает в рамках социалистической модели невысокого уровня экономического развития, при котором рождение мощных демократических процессов маловероятно. Напротив, богатая ресурсами страна способна сформировать социально-экономические предпосылки демократизации общества. Поэтому для ресурсообеспеченной социалистической страны вероятность серьезного политического кризиса тоталитарного режима существенно выше, чем для бедной ресурсами (1, с. 27, 30).

В СССР социалистическая модель развития сформировалась в конце 20-х — начале 30-х годов. Снижение уровня крестьянского потребления, масштабное изъятие ресурсов из деревни было стержнем экономической политики периода первого индустриального рывка 1929-1934 гг. Обеспеченные массированным ресурсным потоком из аграрной сферы капиталовложения позволили добиться высоких темпов роста промышленного производства. В 30-х годах в СССР ярко проявилась первая характерная черта социалистической модели роста: расходящиеся траектории развития промышленности и сельского хозяйства, необычайно высокие темпы роста промышленного производства на фоне кризиса и стагнации продуктивности сельского хозяйства.

Коллективизация сняла рыночные ограничения на мобилизацию ресурсов традиционного сектора и экспорт сельскохозяйственной продукции. И все же рост экспорта оказался крайне неустойчивым. Ему мешали торговые барьеры, крайне неблагоприятная конъюнктура основных экспортных рынков. Несмотря на активные усилия по наращиванию экспортных поступлений, падала не только доля внешней торговли в ВВП, но и абсолютный объем внешнеторгового оборота. Хронический дефицит валютных ресурсов приходилось покрывать масштабным экспортом золота, применять жесткие меры экономии, отказываться от услуг иностранных специалистов.

Уровень ВВП на душу населения в СССР конца 30-х годов примерно соответствовал уровню душевого ВВП в Японии или Италии перед Первой мировой войной. Однако структура ВВП по конечному использованию радикально отличалась от этих рыночных экономик. Аномально низкая доля личного потребления позволяла одновременно обеспечивать высокий уровень накопления и масштабное государственное потребление (в первую очередь – оборонные расходы).

После Второй мировой войны в СССР линия на максимальную мобилизацию ресурсов из аграрного сектора была продолжена. Разница закупочных и розничных цен на продовольствие достигла максимума. Уже к началу 50-х годов стало ясно, что модель ранней социалистической индустриализации за счет ресурсов аграрного сектора подошла к пределу своих возможностей. В начале 60-х годов начинаются дотации аграрному сектору и уже приходится закупать зерно за границей.

В результате кризиса ранней социалистической модели роста, считает Е.Гайдар, сформировалась модель так называемого "развитого" социализма. Его характерными чертами стали: постоянный рост бюджетной нагрузки, обусловленный дотированием

сельскохозяйственной продукции; устойчивый рост импорта продовольствия, нарастающий дефицит продовольствия (1, с.33).

К концу 60-х годов, когда потенциал перелива рабочей силы из деревни в город был в основном исчерпан, необходимой предпосылкой роста советской экономики должно было стать повышение доли экспорта продукции обрабатывающих отраслей.

Поскольку возможности традиционного роста иссякли, коммунистической элите предстояло выбрать: либо начать перестройку механизмов экономического регулирования, попытаться вновь подключить рыночные регуляторы, позволяющие устранить внутренние ограничения на экономический рост в рамках социализма, либо принять как данность утрату экономического динамизма, сделав упор на стабильность и устойчивость сложившихся структур.

Объективные трудности реформирования зрелой индустриальной социалистической экономики, а также опыт Чехословакии, где реформы проложили дорогу политической дестабилизации режима, побудили руководство ЦК КПСС к концу 60-х годов твердо отказаться от серьезных рыночных экономических преобразований. Казалось, что ресурсная база и тоталитарный политический контроль гарантировали СССР долгосрочную устойчивость при низких или нулевых темпах экономического роста. Однако особенности самого социалистического роста в 70 – 80-е годы предопределили исторически быстрый крах весьма прочной на первый взгляд системы.

Е.Гайдар попытался обосновать следующую гипотезу: экономическое развитие СССР и тесно связанных с ним стран – членов СЭВ в 70-80-х годах носило внутренне неустойчивый характер, и с той траектории уже не было выхода в режим стагнирующей, но устойчивой социалистической экономики с нулевыми или стабильно низкими темпами роста. То есть падение производства в постсоциалистических странах было обусловлено не только объективными трудностями перехода, но и невозможностью устойчиво поддерживать функционирование экономических структур, сформированных в процессе роста в 70-80-е годы (1, с. 34).

Два близких по времени события сыграли определяющую роль в развитии поздней социалистической экономики: открытие высокоэффективных месторождений нефти и газа в Западной Сибири и скачкообразное повышение цен на топливо на мировых рынках после 1973 г.

"Нефтедоллары" заменили ресурсы аграрного сектора. Появились новые источники финансирования развития: быстрорастущие доходы от

внешнеэкономической деятельности заменили прежний налог с оборота на сельхозпродукцию. Появилась валюта для обеспечения комплектных поставок технологического оборудования и закупок сельхозпродукции. Энергоресурсы позволили наращивать производство и повышать доходы на душу населения без роста показателей энергоотдачи.

Вместо того чтобы направить дополнительные свободные ресурсы на обеспечение "мягкого" выхода из социализма, запуска рыночных регуляторов, их использовали для поднятия душевого ВВП выше уровня, который может устойчиво поддерживаться в рамках социалистической модели.

С начала 70-х годов экономический рост в СССР становится все более аномальным. Доля экспорта сырья быстро растет, а экспорта продукции обрабатывающих отраслей падает. В структуре экспорта в развитые капиталистические страны доля машин, оборудования и транспортных средств снижается с 5,8% ВВП в 1975 г. до 3,5 % ВВП в 1985 г. Продолжает расти и так слишком высокая доля оборонных расходов в ВВП (1, с. 35).

Развитие событий в 1970 – 1985 гг. показало, что социальная деформация традиционного сектора, порожденная социалистической моделью индустриализации, носила глубокий и труднообратимый характер. Ее последствия на этапе развитого социализма не удалось компенсировать даже большим притоком финансовых ресурсов.

В 60-е годы СССР (если исключить торговлю со странами СЭВ) был страной с относительно закрытой экономикой, с высокой ресурсообеспеченностью сложившихся экономических структур. К 1985 г. роль внешнеэкономических связей в экономике резко выросла. От внешней торговли тогда в определяющей мере стали зависеть финансовая стабильность (доходы бюджета), сохранение достигнутых норм потребления (масштабный сельскохозяйственный импорт), функционирование сельского хозяйства (импортные корма), работа предприятий, использующих комплектное импортное оборудование.

В то же время доходы от внешней торговли все в большей мере определялись ситуацией на рынке топливно-энергетических ресурсов. При неблагоприятных колебаниях конъюнктуры социалистическое хозяйство вынуждено было функционировать в условиях сокращающейся ресурсообеспеченности, что противоречит его сути. Национальные органы власти практически были не в состоянии контролировать экономическую ситуацию в стране.

Освоение новых богатых нефтяных месторождений (типа Самотлора) позволяло какое-то время обеспечивать крайне низкие

капиталоемкость и себестоимость тонны добываемой нефти. Однако при переходе к разработке средних, малых, а также глубоких и труднодоступных месторождений капиталоемкость добычи выросла в разы и на порядки. Экономика, которая приспособилась к потреблению масштабной нефтяной ренты, столкнулась с неразрешимой задачей взрывного роста потребностей в капиталовложениях в топливно-энергетический комплекс для того, чтобы хотя бы поддерживать сложившийся уровень добычи нефти.

По мнению Е.Гайдара, выбор стратегии роста, основанной на форсированном наращивании нефтедобычи и экспорта нефти, сделал социалистическую экономику заложницей не просто наличия запасов топлива, а регулярного ввода в эксплуатацию уникальных по своим характеристикам месторождений, что было за гранью реального.

Явные признаки истощения модели роста, основанной на нефтяных доходах, начали проявляться уже в начале 80-х годов. Несмотря на продолжающийся быстрый рост капиталовложений в топливно-энергетический комплекс (ТЭК) (в 1985 г. они в два раза превысили уровень 1975 г.) и доли ТЭК в общем объеме капиталовложений, рост добычи нефти остановился. Стоимостной объем экспорта нефти, достигнув в 1983 г. максимума, начинает сокращаться. В тот момент, по мнению Е.Гайдара, включился механизм катастрофического развала социалистической системы, резкого падения производства и уровня жизни. Лихорадочные попытки остановить падение добычи нефти в 1986-1987 гг. привели лишь к перефорсированию месторождений и ускорению темпов последующего снижения добычи. Экономика попала в порочный круг: "Недостаток средств для капиталовложений на поддержание добычи нефти – падение добычи нефти – углубление кризиса энергоемкого народного хозяйства – дальнейшее сокращение капиталовложений в нефтяную промышленность – ускорение падения производства" (1, с. 37).

К началу 80-х годов СССР утратил былую свободу финансового маневра. Активнее стали привлекаться товарные кредиты на финансирование многочисленных закупок. Обслуживание взятых кредитов происходило за счет получения новых, причем структура кредитов постепенно ухудшалась, увеличивалась доля среднесрочных и краткосрочных займов. К началу перестройки нарастание внешнего долга страны приобрело лавинообразный характер.

Когда в 1985 г. М. Горбачев пришел к руководству страной, ее экономическое положение лишь на поверхностный взгляд казалось застойно устойчивым. На деле возможности не только развития, но и

сохранения сложившегося уровня производства и потребления полностью зависели от внешних факторов: мировой конъюнктуры на нефтегазовых рынках и возможностей привлечения долгосрочных иностранных кредитов по низким процентным ставкам. Начавшееся в 80-е годы падение цен на нефть на мировом рынке, снижение абсолютного уровня экспортных поступлений свидетельствовали о том, что чуда не произойдет, "мыльный пузырь", надутый в 70-80-х годах, обречен был лопнуть (1, с. 38). С конца 1989 г. в мире заговорили, что Советский Союз начал срывать сроки платежей. По данным западной финансовой статистики, валютные резервы СССР за 1990 г. сократились почти втрое (с 14,4 до 5,1 млрд. долл.) (3, с. 16).

В этой связи принципиальное значение имел следующий факт. Основанный на нефтяных доходах экономический рост к началу 80-х годов позволил стране вплотную приблизиться по уровню ВВП на душу населения к группе развитых рыночных демократий, что объективно расшатывало тоталитарный режим. После первых робких либерализационных шагов М.Горбачева, сделанных в период ранней перестройки (1985-1987), именно эти факторы, пишет Е.Гайдар, определили появление мощной демократической волны, быстро вышедшей из-под контроля власти. Экономический кризис, порожденный падением нефтяных доходов, придал этой волне дополнительную мощь. Лишенные силовой поддержки из Москвы, стали рушиться коммунистические режимы в странах Восточной Европы.

В СССР на рубеже 1988-1989 гг. на инвестиционный цикл наложились два процесса: экономическая реформа и политическая дестабилизация. В начале 1990 г. обозначился клубок экономико-политических противоречий. Инвестиционный бум начала 80-х годов, не всегда профессионально продуманные хозяйственные реформы создали мощный заряд подавленной инфляции. Нарастающий развал системы административного управления не позволил откладывать формирование рыночных механизмов.

Экономическая логика подсказывала: надо пойти на любые меры, чтобы устранить основные источники инфляционного давления: дефицит государственного бюджета, экспансию денежной массы. В начале 1990 г. правительство подготовило так называемую "программу оздоровления": предполагалось, уменьшив централизованные капиталовложения и оборонные расходы, сократить дефицит бюджета. Введя специальный налог, взять под контроль рост оплаты труда, перераспределить ресурсы в пользу выпуска и импорта потребительских товаров. Пока рыночные

механизмы не запущены хотя бы частично, восстановить дисциплину и порядок в народном хозяйстве.

Однако практика показала, что в условиях не работающих рычагов управления предприятия игнорируют поток поступающих сверху указаний. Попытки затормозить рост номинальных доходов населения не удалась. Не удалось добиться увеличения платежей на прибыль предприятий, продолжали возрастать дотации и ассигнования на социальные программы. Программа оздоровления экономики так и не начала реализовываться.

Когда во главе исполнительной власти СССР встал президент в лице М.Горбачева, правительство подготовило документ, получивший в обществе название “программа шоковой терапии”. Его смысл: если не удастся справиться с подавленной инфляцией, значит надо разом включить механизм рыночного регулирования, дать свободу рук предприятиям в формировании производственных связей, начать разгосударствление собственности. Для защиты населения от последствий роста цен предлагалось ввести индексацию доходов.

Е.Гайдар писал тогда, что программа была внутренне логичной, но предельно рискованной. При сохраняющихся серьезных финансовых диспропорциях первым следствием освобождения цен вполне могло стать массовое бегство от обесценивающихся денег, резко повысившее бы скорость их обращения. Темпы инфляции неудержимо пойдут вверх. Сделав героический прыжок к рынку, общество окажется у разбитого корыта гиперинфляции. В той ситуации перестройка цен лишь углубила бы финансовые диспропорции. Позднее эта программа была представлена Верховному Совету в урезанном виде: цены предлагалось не разморозить, а лишь существенно повысить (3, с. 13).

Сообщение о предстоящем крупном повышении цен дало мощный импульс инфляционным ожиданиям населения и предприятий: и те, и другие отреагировали в соответствии с азбукой экономической теории: энергичными попытками сократить денежные активы, обратить деньги в любые материальные ценности. Произошло абсолютное сокращение вкладов населения, ажиотажный спрос распространился практически на все поддающиеся хранению товары.

На фоне расстройства системы хозяйственных связей, регионализации рынков и формирования местных таможен темпы падения выпуска важнейших видов продукции постепенно ускорились. Особенно опасной стала эта тенденция в нефтедобыче. Однако обострение политической обстановки в Персидском заливе привело к росту цен на нефть. Кризис в Персидском заливе также

продемонстрировал миру, как важен стабильный и предсказуемый Советский Союз. Во второй половине 1990 г. на СССР обрушилась лавина государственных кредитов. К сожалению, пишет Е.Гайдар, международная помощь была неэффективна. Государственные финансы разваливались из-за безудержного роста расходов, зарубежные кредиты лишь стимулировали дальнейший рост потребительских ожиданий, беспочвенные иллюзии, что кто-то за нас даром решит наши собственные проблемы (3, с. 16-17).

Надежда, что финансовое положение удастся стабилизировать до того, как подавленная инфляция перейдет в открытую, еще раз появилась, когда руководители Союза и России договорились объединить усилия в разработке и реализации программы углубления реформы.

Появившийся в результате документ (Программа "500 дней") воспроизводил основные идеи ортодоксальной стабилизационной программы. В тот период нужно было немедленно сломать инфляционные ожидания, сформированные предыдущей программой правительства, остановить перераспределительный азарт, накачку бюджета новыми социальными программами. Ничего подобного ни на республиканском, ни на союзном уровне не сделали.

19 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял "Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике". Этот документ в принципиальных вопросах воспроизводил логику программы "500 дней", но в радикально изменившейся ситуации он уже не имел смысла. Инфляционный механизм был запущен на полную мощность. Кризис вступил в новую фазу. Теперь финансовую стабильность можно было восстановить только на принципиально ином уровне цен, когда их рост, оторвавшись от увеличения номинальных доходов, сведет к нулю последствия предшествовавшей перераспределительной вакханалии. Е.Гайдар посчитал тогда, что необходимо принять открытую инфляцию как факт и пересмотреть экономико-политические рекомендации (3, с. 18).

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

По выражению Е.Гайдара, первые годы складывающейся рыночной экономики – это ее "детство", которое задает контуры развития на долгие годы (2, с. 4). Именно поэтому он считает, что тот период теоретических дискуссий и практических решений был очень важным для России.

Дискуссии об инфляции. К решению проблемы инфляции существует два основных подхода. Первый рассматривает инфляцию как преимущественно денежный феномен, которым можно управлять при помощи денежной политики. Второй трактует инфляцию как некий структурно заданный процесс, который предопределен технической отсталостью экономики, особенно ее монополизмом. Сравнивая эти подходы, Е.Гайдар пишет, что при изучении феномена инфляции в странах бывшего социалистического содружества бросается в глаза, что уровень инфляции исключительно сильно варьировался по странам: от 10% в Чехии в 1994 г. до 4730% в Украине в 1993 г. Причем во всех странах прослеживается четкая зависимость между темпами инфляции и предшествующим ростом денежной массы со стандартным лагом. Именно продолжительность этого лага и является специфической особенностью, зависящей как от структуры национальной экономики, так и от степени ее адаптированности к рынку. Лаг короче в экономиках меньшего масштаба (в Украине он не превышает трех месяцев, а в России приближается к шести). Лаг удлиняется в экономиках с более развитой структурой рыночных (прежде всего финансовых) институтов (в России в 1992 г. он составлял примерно три месяца, а в 1995 г. – уже шесть). Из этого Е. Гайдар делает однозначный вывод: динамика цен определяется темпами роста денежной массы с некоторым лагом (7, с.5).

Если инфляция, как полагают отдельные ученые, это некоторый структурно заданный феномен, предопределенный технической отсталостью экономики страны и монополизмом, то неизбежно напрашивается вывод, что, скажем, Украина в 50 раз технически более отсталая страна, чем Албания: ведь в 1994 г. инфляция в них составляла соответственно 900 и 16%.

Е.Гайдар предложил рассмотреть динамику инфляции также во временном разрезе. В России наблюдается очень четкая зависимость темпов роста цен от перепадов денежной политики. В ИЭППП была разработана модель, включающая в себя два фактора – рост денежной массы и инерцию инфляции с соответствующими весами. Ретроспективная проверка модели дала коэффициент корреляции роста денежной массы и инфляции, равный 0,9. По мнению Е.Гайдара, это является убедительным свидетельством в пользу того, что инфляция в России представляет собой денежный феномен и ею можно управлять при помощи денежных параметров. Такой вывод, однако, верен лишь для ситуации, когда уровень инфляции составляет выше 50% в год. Если же инфляция ниже этого уровня – включаются и другие факторы. Инфляция может поддерживаться на довольно высоком (по сравнению с

нормальным 2-3% в год) уровне – 10-40% – на протяжении достаточно продолжительного периода времени. Основным параметром, обуславливающим рост цен, является тогда не изменение спроса на деньги и не изменение скорости их обращения, как это было в период высокой инфляции, а прежде всего процесс дедолларизации экономики и соответственно рост денежной базы в связи с увеличением валютных резервов (7, с. 7).

Инфляция и экономический рост. На начальном этапе реформ в экономической литературе широко дискутировался вопрос о том, является ли денежная стабилизация необходимой предпосылкой восстановления экономического роста или, напротив, только рост объема производства позволяет стабилизировать финансы и денежное обращение. Е.Гайдар пишет, что на основе анализа данных, характеризующих развитие различных стран было доказано, что высокая (больше 40% годовых) инфляция создает серьезные препятствия на пути экономического роста. В подавляющем большинстве случаев рост ВВП начинается лишь после того, как при помощи проведения соответствующей денежной политики удастся подавить инфляцию до достаточно низких значений. Как правило, экономический рост возобновляется примерно через два года после запуска серьезной программы финансовой стабилизации.

Дискутируя по этой проблеме с экономистами, которые считают, что небольшая инфляция необходима для поддержания экономического роста, Е.Гайдар пишет, что в интервале трех-четырех месяцев (краткосрочный период) снижение темпов роста номинальной денежной массы действительно может обусловить дополнительное падение производства. Но рассмотрение развития событий в долгосрочном аспекте приводит к прямо противоположному выводу. Выясняется, что экономический рост в пореформенный период начинается только в тех странах, где инфляция опускается до уровня ниже 50% в год. Там, где инфляция выше, падение производства продолжается, хотя и разными темпами (7, с. 8).

При обобщении данных об инфляции и экономическом росте (спаде) Е.Гайдар делит страны на три группы. В первую входят страны с уровнем инфляции свыше 100% в год, для которых характерно устойчивое падение производства. В вторую – страны, где этот показатель ниже 50%. Там, как правило, наблюдается устойчивый рост. В третью – страны, в которых этот показатель составляет 50-100%: для таких стран характерны разнонаправленные помесечные изменения (не наблюдается ни устойчивого роста, ни устойчивого падения). Высокая

инфляция – свидетельство показной заботы о производителе (льготы, кредиты, взаимозачеты). В то же время – это высокий налог на сбережения в национальной валюте, неизбежное "бегство" капитала, приоритет краткосрочных финансовых операций по сравнению с инвестициями в национальную промышленность. Таким образом, экономический рост жестко блокируется.

В краткосрочном периоде только там, где удастся сбить инфляцию до уровня ниже 50% в год, создаются реальные предпосылки роста. Но, скажем, в интервале от 10 до 40% уже встает вопрос: насколько жесткой должна быть денежная политика и остается ли приоритетным дальнейшее снижение темпов инфляции? В этих условиях начинает действовать ряд структурных факторов, из которых наиболее влиятельным является неэластичность цен в сторону их понижения, порождающая тенденцию к повышению уровня инфляции при устранении ценовых диспропорций. Но такие факторы становятся действенными при инфляции в интервале 10-40% в год, а никак не при инфляции в 300%.

Поэтому возник вопрос – принципиальный с точки зрения современной экономической политики России, с точки зрения перехода ее в фазу экономического роста: нужно ли снижать инфляцию до уровня, совместимого с экономическим ростом, или вновь придется пойти по пути ее "разгона", что блокирует экономический рост на перспективу.

Некоторые экономисты, например Г.Явлинский, тогда писали, что в России на протяжении ряда лет будет сохраняться достаточно высокая инфляция. Суть его тезиса состоит в том, что российской экономике внутренне присуща некая "фоновая" инфляция порядка 10% в месяц, и ниже она в ближайшие годы никак опуститься не может по причинам структурного характера. Раз так, раз инфляция "внутренне присуща" России, нечего пытаться ее снижать. Практический опыт ни одной из посткоммунистических стран не подтверждает подобный вывод. Везде, где финансовая политика была более или менее последовательной, инфляция снижалась до величин, гораздо более низких, чем 120% годовых, или 8% в месяц. В 1992 г. в России удалось снизить рост цен до 10% в месяц, а в 1994 г. данный показатель опустился ниже 5% (7, с. 9).

В российской экономике с середины 90-х годов падения производства не было, а инфляция постепенно снижалась. И в такой ситуации раздавались призывы отказаться от жесткой финансовой политики и начать покрывать дефицит госбюджета за счет эмиссионных кредитов Центрального банка. Если внимательно присмотреться к опыту попыток стабилизации 1992 и 1994 гг., то ясно видно, что процесс

блокирования инфляции срывался в результате мощного давления законодателей, принимавших решения об увеличении бюджетных расходов. Логика событий свидетельствовала о том, что "фоновый" уровень инфляции создают не какие-то внешние экономические факторы, а конкретный политический механизм, соответствующим образом "институционально" оформляемый законодателями, но это уже совсем иная зависимость (7, с.10).

Экономическая реформа и налоги. Е.Гайдар в своих работах значительное внимание уделяет налоговой политике. В настоящее время доля налоговых изъятий в наиболее развитых странах колеблется в пределах от 30 до 50% ВВП. Уровень налоговых изъятий в 50% ВВП присущ "социально ориентированным" экономикам типа шведской, переживающим в настоящее время тяжелый финансовый кризис, 30%-ный уровень характерен для стран, находящихся в стадии устойчивого роста (7, с. 11).

Рассматривая экономики с уровнем развития, соответствующим российскому (ВВП на душу населения равен примерно 5 тыс.долл.), следует отметить, что лишь посткоммунистическим экономикам присущи более чем 30%-ные налоговые изъятия. Когда иерархическая система рушится и начинает действовать рыночная система координат, возникает острейшее макроэкономическое, воспроизводственное противоречие. Вся экономика привыкла работать в условиях перераспределения через бюджет половины ВВП, а сейчас государство не способно получить для этих целей более 30-35%, да и то при огромном напряжении сил. Вся экономическая структура оказалась приспособленной под такой уровень вовлеченности государства в экономику, который несовместим с работой рыночных механизмов.

Опыт показывает, что из этой ситуации существует только один стратегический выход: решительное приведение в соответствие реальных бюджетных расходов и источников налоговых поступлений, а также максимальное упрощение налоговой системы с целью повышения ее эффективности. Проблема бюджетного дефицита не может быть решена посредством повышения налоговых ставок, поскольку такие меры лишь загоняют все большую часть экономики в теневой сектор.

Вопросы упрощения налоговой системы, максимального ограничения и отмены налоговых льгот при максимальном сокращении круга применяемых налогов всегда были стратегическими для российской экономики, считает Е.Гайдар (7, с. 11).

Проблемы государственной нагрузки на экономику. Характерная черта социалистической экономики – аномально высокая

государственная нагрузка на экономику. В условиях рынка обеспечить столь масштабное перераспределение финансовых ресурсов через государственный бюджет крайне сложно или невозможно. Это явилось общим источником бюджетного кризиса, который с той или иной степенью остроты поразил на этапе стабилизации почти все страны Восточной Европы и постсоветского пространства. Бюджетные (фискальные) кризисы создают серьезные угрозы самому существованию новых социальных институтов, сложившихся за последние годы.

В постсоветском пространстве ход событий был модифицирован большей продолжительностью периода высокой открытой инфляции. Тенденция сокращения налоговых поступлений в условиях высокой инфляции (эффект Оливьера-Танзи) – хорошо изученный экономический феномен. Длительная высокая инфляция формирует "мягкую" финансовую среду: нет эффективно работающего механизма, обеспечивающего ответственность за выполнение финансовых обязательств; массовой формой ухода от налогов становятся взаимные неплатежи; пренебрежительное отношение к налоговым обязательствам укореняется в качестве социальной нормы. В результате в странах, прошедших через период длительной и высокой инфляции, государственные расходы приходится сокращать до уровней, значительно более низких, чем в странах, осуществивших стратегию радикальной дезинфляции.

Проведенные в ИЭППП расчеты по 25 странам, осуществляющим рыночные преобразования, позволили выявить статистически значимую зависимость между долей доходов бюджета расширенного правительства (под ним понимается консолидированный бюджет плюс внебюджетные фонды) и десятичным логарифмом накопленной инфляции предшествующего пятилетия. Расчеты убедительно выявили тенденцию: чем больше была в стране накопленная инфляция, тем ниже доля доходов бюджета в ВВП в период стабилизации, и наоборот (2, с. 13).

Крах социалистической экономики открывает так называемый период "чрезвычайной политики", когда традиционные лобби (особенно отраслевые) дезориентированы, не успели приспособиться к радикально изменившимся условиям и границы экономико-политического маневра резко расширяются. В это время оказывается возможным проведение политики максимально жесткого сокращения дотационной нагрузки на бюджет. В государствах, где проводились радикальные реформы и стабилизация была осуществлена при относительно высоком уровне государственных расходов, это оставляло свободу маневра не только для

стабилизации, но в ряде случаев и для роста доли социальных расходов в ВВП.

В тех странах, где процесс преобразований был растянутым, отраслевые лобби успевали приспособиться к новым условиям и попытки сокращения объемов дотирования встречали мощное сопротивление. В результате на этапе завершения стабилизации государственные доходы в этих странах оказываются гораздо ниже, чем в странах, где проводились радикальные реформы, а дотационная нагрузка – выше. В такой ситуации тяжесть сокращения государственных расходов ложится главным образом на социальные программы, возможности финансирования которых, в конечном счете, значительно сокращаются.

Таким образом, характерными особенностями отложенной стабилизации становятся более жесткая заданность бюджетной политики, предельно ограниченные возможности внутреннего финансирования дефицита бюджета, вынужденная радикальная рестрикция государственных расходов, в первую очередь за счет их социальной компоненты. К тому времени, когда необходимость стабилизационной политики осознается политическими элитами, доверие к национальной денежной системе уже серьезно подорвано, спрос на деньги становится низким, уровень налоговой дисциплины – расшатанным. В этой ситуации даже скромные по мировым стандартам масштабы внутреннего финансирования дефицита бюджета оказываются опасными. Высокая процентная ставка по государственным заимствованиям одновременно обуславливает рост расходов, связанных с обслуживанием долга, и поглощает ограниченные национальные денежные ресурсы, стимулируя экспансию неплатежей в реальном секторе. Е.Гайдар выделил три варианта решения этой проблемы.

1. Стабилизация доходов и расходов государства на уровне 35 – 40% ВВП, упрощение налоговой системы, реформы позволяющие приспособить объем государственных обязательств к заданным доходам.

2. Стабилизация государственных расходов и доходов на низком (по стандартам постсоветского пространства) уровне, радикальный демонтаж социальных обязательств социалистического периода (прекращение функционирования пенсионной системы, приватизация расходов на образование и здравоохранение). Такое развитие событий характерно для государств, прошедших через период гиперинфляции, социально-политического хаоса. Пример – Грузия.

3. Сочетание резкого сокращения текущего финансирования государственных расходов с сохранением высокого уровня декларируемых государственных обязательств, отрыв бюджетных

обязательств от реального финансирования. Именно такая ситуация имела место в России и в большинстве других стран СНГ. В этом случае государство хронически не выполняет взятые на себя обязательства.

Подобное развитие событий – результат своеобразного равновесия общественных сил, формирующегося на этапе денежной стабилизации. С одной стороны, власти не идут по пути массированного эмиссионного финансирования дефицита бюджета. С другой – сам факт денежной стабилизации, остановки инфляции придает бюджетному кризису вялотекущий характер, не позволяет снять политические ограничения на проведение структурных реформ, повышающих эффективность использования государственных средств, приводящих государственные обязательства в соответствие с реальными финансовыми ресурсами.

В той ситуации Е.Гайдар предлагал реализовать набор мер, обеспечивающих повышение эффективности бюджетных расходов, ограничить объем государственных обязательств реальными доходами. Только такой вариант, по его мнению, позволил бы справиться с бюджетным кризисом, дополнить денежную стабилизацию финансовой. Уровень государственных расходов и обязательств, достижимый на основе таких реформ, связан обратной зависимостью с периодом времени до начала их реализации. Отсрочка реформ ведет к дальнейшему падению доходов бюджета, популистским экспериментам и в среднесрочной перспективе лишь к еще большему вынужденному ограничению роли государства в экономике.

Бюджетная политика России, однако, в конце 90-х годов строилась по принципу сохранения status quo. Бюджет базировался на заведомо нереальных гипотезах динамики государственных доходов. Финансирование было ограничено наличными финансовыми ресурсами, и бюджет становился генератором финансовой нестабильности в экономике. Изменение пропорций распределения бюджетных ресурсов способно временно облегчить бремя недофинансирования некоторых социальных направлений (снизить задолженность по пенсиям, денежному довольствию военнослужащих), но лишь за счет усугубления проблем в других бюджетных сферах (образование, здравоохранение, наука). Текущее распределение финансовых ресурсов в этой ситуации определялось давлением различных социальных и профессиональных групп на федеральные, региональные и местные органы власти. Сохранение такой ситуации грозит возвратом к масштабному эмиссионному кредитованию дефицита бюджета.

Е.Гайдар делает важный вывод. Если определять уровень "социальности" рыночной экономики показателями доли

государственных расходов в ВВП и государственных расходов на социальные нужды в ВВП, а радикальность постсоциалистических реформ – темпами дезинфляции, то выясняется, что уровень "социальности" формирующейся экономики прямо и однозначно связан с тактикой реформ: чем радикальнее были реформы, чем быстрее был преодолен постсоциалистический инфляционный кризис, тем больше оказывается итоговая государственная нагрузка на экономику. Анализ накопленного опыта показывает: вне зависимости от собственных устремлений и идеологических пристрастий именно радикальные реформаторы постсоциалистического мира объективно вели свои страны по пути к социальной рыночной экономике. Напротив, те, кто выступал за "мягкое", медленное вхождение в рынок, инфляционное финансирование, также вне зависимости от личных устремлений объективно подталкивали свои страны к необходимости предельно жесткой "десоциализации" (2, с. 25).

Пути снижения государственной нагрузки на бюджет.

Рассуждая об опасности бюджетных кризисов в постсоветской России, Е.Гайдар рассматривает реальные пути сокращения государственных расходов. Он считает, что государственные инвестиции могут играть лишь вспомогательную роль в стимулировании роста, и надежда на устойчивое развитие российской экономики связана в первую очередь с перспективами частных капиталовложений. Именно их динамика является определяющей. Если стержень традиционной политики роста – повышение уровня налогообложения для финансирования государственных капиталовложений, то в центре новой политики должно быть снижение бюджетной нагрузки на экономику, чтобы создать благоприятные условия экспансии частных инвестиций.

Разгрузка формирующегося частнопредпринимательского сектора от избыточного бремени финансовых обязательств перед государством становится не одним из вопросов краткосрочной финансовой стабилизации, а важнейшей предпосылкой устойчивого развития. Короче говоря, надо обеспечить базу того, что называется "экономическим чудом на российской почве". Ясны и контуры важнейших преобразований.

Страна, налогоплательщики больше не могут позволить себе покрывать из бюджета неэффективность общественного сельского хозяйства. Нужна глубокая аграрная реформа, всемерное содействие развитию рыночной инфраструктуры на селе. Фактор, воспроизводящий зависимость сельского хозяйства от государственного финансирования и

связанную с ним экстремальную нагрузку на бюджет, – неразвитость системы коммерческого сезонного кредитования. Эта проблема, в свою очередь, упирается в вопрос о легализации полноценной частной собственности на землю, в свободу купли-продажи, залога земли. Помощь государства в становлении финансовой инфраструктуры, способной на коммерческих началах обеспечить обоснованные потребности в сезонном кредитовании, – естественное направление среднесрочной аграрной политики. Так же, как и развитие системы форвардных контрактов для обеспечения государственных нужд, расширение отечественного продовольственного рынка, а по мере его стабилизации – внедрение элементов таможенной защиты отечественных сельскохозяйственных производителей. Движение в этом направлении позволит уже в краткосрочной перспективе резко сократить потребность в прямых государственных ассигнованиях, а в среднесрочной – свести бюджетную нагрузку, связанную с проводимой аграрной политикой, до принятых в мировой практике норм.

Важнейшая социальная проблема России – неудовлетворенная потребность в жилье российских семей. Масштабы потенциального спроса на новое строительство огромны. Если, используя меры государственной политики, удастся переломить традицию низких сбережений домашних хозяйств в России, то экспансия жилищного строительства может стать мотором восстановления экономического роста в России. Основное препятствие на пути использования такой возможности – острая диспропорция между ограниченными семейными доходами среднеобеспеченных групп населения и стоимостью нового строительства, слабое развитие залогового кредитования. Одновременно государство в больших масштабах участвует в текущем финансировании содержания жилого фонда.

Недостаток бюджетных ресурсов не позволяет государству проводить активную жилищную политику. Выбраться из этого порочного круга можно лишь на основе серьезной реформы государственной жилищной политики. Ее необходимыми элементами являются: постепенное повышение доли населения в оплате текущего содержания жилого фонда, формирование системы жилищных дотаций для малообеспеченных семей, развитие системы коммерческого кредитования жилищного строительства, упорядочение земельной собственности в городах, разработка правовой базы регулирования отношений собственности на жилище, создание на федеральном и местном уровнях программ предоставления бюджетных ссуд и субсидий, позволяющих сократить разрыв между реальными финансовыми

возможностями семей со средним доходом и стоимостью нового жилища.

Е.Гайдар писал, что главной ставкой России в борьбе за место в мировой цивилизации является сравнительно высокий образовательно-культурный уровень населения, а не природные ресурсы. Однако масштабы бюджетного финансирования отраслей социально-культурной сферы в России отнюдь не чрезмерны по стандартам развитых рыночных экономик. Доля этих расходов в ВВП на протяжении многих лет существенно не изменялась, что привело к примерно 30%-ному снижению реального размера ассигнований. Отсюда падение реальной заработной платы занятых в этих отраслях работников, ухудшение их материального обеспечения, общий кризис социально-культурных отраслей.

Реально продвинуться в решении этих проблем можно, по мнению Е.Гайдара, лишь дополнив бюджетные ассигнования частным финансированием. В рыночных экономиках сопоставимые с российскими масштабы бюджетного финансирования здравоохранения, например, сочетаются с массовым привлечением на эти нужды частных ресурсов. Необходимо также повышать целевую направленность использования выделяемых государственных ресурсов, последовательно переходить от финансирования учреждений к финансированию программ и результатов.

При решении проблемы государственных расходов возникает острое противоречие между экономически необходимым и политически возможным. Е.Гайдар отмечает, что хорошо известна связь между экспансией социальных обязательств и ростом участия низкодходных групп в голосовании. В стабильных демократиях, которые шли от ограниченной цензовой демократии к демократии, основанной на всеобщем избирательном праве, фактором, в какой-то степени сдерживающим форсированное наращивание социальных обязательств, было традиционно более ограниченное участие в выборах низкостатусных и низкодходных групп, чем высокостатусных и высокодходных. Этот фактор расширяет свободу политического маневра в плане снижения государственной нагрузки на экономику.

В России, как и в большинстве других постсоциалистических стран, ситуация диаметрально противоположная. Еще жива традиция, когда участие в выборах было признаком политической лояльности к социалистической системе. Поэтому в России низкостатусные и низкодходные группы более активно участвуют в голосовании, чем средне- и высокостатусные. В результате политика, которая жестко

задана экономически, является крайне трудноосуществимой с политической точки зрения.

В этом, по мнению Е.Гайдара, кроется причина "рваного" ритма российских либеральных реформ. Они ускоряются в условиях очевидного и острого кризиса, как, скажем, в начале 1997 г., при многомесячных задержках с выполнением социальных обязательств, и при малейших признаках стабилизации тормозятся в силу действия политических факторов. Именно пути разрешения противоречия между жестко заданной либеральной экономической политикой и политическими ограничениями возможностей ее реализации будут определять ход развития событий в России в ближайшие 10-15 лет (9, с. 12).

Список литературы

1. Гайдар Е. Аномалии экономического роста // Вопр. экономики. – М., 1996. – N 12. – С. 20-39.
2. Гайдар Е. "Детские болезни" постсоциализма: (К вопросу о природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации) // Там же. – 1997. – N 4. – С. 4-25.
3. Гайдар Е. В начале новой фразы: Экон. обозрение // Коммунист. – М., 1991. – N 2. – С. 8-19.
4. Гайдар Е. Логика реформы // Экономика и жизнь. – М., 1993. – N 49. – С. 1.
5. Гайдар Е. Нам удалось добиться главного // Там же. – 1993. – Спецвып. – С. 7.
6. Гайдар Е. Новые задачи: Выбор за нами // Вопр. экономики. – М., 1994. – N 9. – С. 4-10.
7. Гайдар Е. Посткоммунистические экономические реформы: прошло пять лет // Вопр. экономики. – М., 1995. – N 12. – С. 4-11.
8. Гайдар Е. Самая верная политика – это ответственная политика, а не популизм // ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск, 1993. – N 11. – С. 3-10.
9. Гайдар Е. Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику // Вопр. экономики. – М., 1998. – N 4. – С. 4-13.
10. Гайдар Е. Трудный путь от социализма // Экон. реформы = Econ. reforms. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 4-13.
11. Гайдар Е. Удастся ли затормозить гиперинфляцию? // ЭКО : Экономика и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск, 1993. – N 4. – С. 119-
12. Гайдар Е. Экономические реформы и иерархические структуры / Отв. ред. Шаталин С.С.; АН СССР. Ин-т экономики и прогнозирования науч.-техн. прогресса. – М.: Наука, 1990. – 219 с.

Н.П.КОНОНКОВА

**РЕФОРМЫ 90-х ГОДОВ В РАБОТАХ ЭКОНОМИСТОВ –
СТОРОННИКОВ ПОСТЕПЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ
(Обзор)**

Идеи радикальной реформы были сформированы рядом представителей интеллектуальной российской элиты еще в 60-е годы. Уже тогда становилось очевидным, что сложившаяся социально-экономическая система и соответствующая ей модель хозяйствования не обладают необходимой восприимчивостью к запросам научно-технической революции, лишены гибкости и внутренних импульсов саморазвития, не способны обеспечить высокую эффективность экономики и ее социальную направленность. При этом из истории становления и функционирования рыночной экономики были сделаны и взяты на вооружение весьма поучительные выводы.

Мировой опыт свидетельствует о том, что, во-первых, без развитого рыночного механизма не существует высокоэффективной экономики; во-вторых, рыночная экономика не создается с помощью указов или всеобщего голосования. Она является результатом длительного исторического развития, предполагающего ответственную инфраструктуру, правовую базу и глубокие изменения в системе ценностей; в-третьих, современная рыночная экономика не является унифицированной схемой, она включает в себя огромное многообразие форм и моделей, учитывающих своеобразие отдельных регионов и стран; в-четвертых, рыночный механизм не может быть всеохватывающим и предполагает активную деятельность государства; в-пятых, естественная логика реформы нарушается либо в силу возобладания консервативных тенденций, либо в силу дестабилизации социально-политической обстановки.

Эти теоретические обобщения служат отправным пунктом для анализа хода экономической реформы и, в случае необходимости,

корректировки проводимого курса. Наиболее последовательно накопленный потенциал знаний и опыта реформирования использовался сторонниками постепенных преобразований в лице ученых Российской академии наук (РАН) (3; 11; 14; 15; 17 и др.).

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ КОНЦЕПЦИИ РАДИКАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Подготовка концепции была возложена на Государственную комиссию по экономической реформе, образованную в 1989 г. в составе правительства во главе с Н.Рыжковым. В эту комиссию вошли руководители экономических ведомств, опытные хозяйственники, ведущие ученые-экономисты. Среди них можно назвать академиков Л.Абалкина, А.Аганбегяна, С.Шаталина, директора Института мировой экономики и международных отношений, ныне академика В.Мартынова, крупнейших специалистов в области управления Р.Евстигнеева, Г.Егизаряна и Б.Мильнера.

В течение короткого срока был сформирован относительно немногочисленный, но высокопрофессиональный рабочий аппарат комиссии. О его потенциальных возможностях говорит не только объем и качество подготовленных документов, но и то, что большинство его сотрудников и в настоящее время занимают ключевые позиции в органах управления экономикой и в общественной жизни. Заместителями председателя Комиссии по реформе стали П.Кацура, С.Асекритов, А.Орлов и В.Покровский. Отделы и сектора возглавили Г.Явлинский, Е.Ясин, Г.Меликян, Ю.Хачатуров.

Комиссия занимала особое место в аппарате правительства, инициировала постановку ключевых вопросов реформирования экономики, взяла на себя разработку основных нормативных актов. Были подготовлены проекты законов о собственности, об акционерных обществах, о Государственном банке и банковской системе. В тесном контакте с нарождающимися союзами предпринимателей и на основе обобщения первого опыта их работы готовились предложения по финансовой стабилизации, развитию малого бизнеса, антимонопольной политике.

Как пишет академик Л.Абалкин, опыт создания специализированного правительственного органа по управлению процессом реформирования экономики полностью оправдал себя (3). Вместе с тем, он признает наличие существенных ограничений полномочий комиссии, которые не только осложняли синхронизацию

мер по проведению реформы, но и служили одним из основных тормозов в ее работе.

Концепция «Радикальная реформа: Первоочередные и долговременные меры» (23) была принята уже через три месяца после образования правительства и создания самой Комиссии. Большое значение придавалось общественному мнению. Необходимо было придать концепции широкое звучание, сделать ее открытой и понятной всем слоям общества. Сокращенный вариант концепции был опубликован в газете «Экономика и жизнь», а сама концепция вынесена на обсуждение Всесоюзной научно-практической конференции (ноябрь 1989 г., г. Москва).

Реакция на представленный документ как в стране, так и за рубежом была далеко неоднозначной, но ясно демонстрировала степень готовности общества к радикальным переменам. Анкетирование среди самих участников конференции показало, что реалистичной предложенную программу считают 62% опрошенных. Треть дали отрицательный ответ. Наиболее скептически отнеслись к предложенной программе работники вузов, а самую большую поддержку она получила у работников предприятий (3, с.33).

В концепции радикальной реформы подробно прописывались действия, которые намечалось осуществить после ряда предварительных шагов, включая:

- 1) стимулирование перехода государственных предприятий на аренду, их преобразование в акционерные общества и иные хозяйственные товарищества, кооперативы, коллективные предприятия;
- 2) жесткую политику финансового оздоровления с использованием новых налоговых и кредитных рычагов, стабилизацию денежного обращения;
- 3) активную структурную политику, направленную на ускоренное развитие производства потребительских товаров и услуг, производственной и социальной инфраструктуры, укрепление экспортного потенциала, ресурсосбережение;
- 4) последовательное и неуклонное формирование рынка (продажа продукции сверх государственных заказов по свободным ценам, которые снижаются по мере увеличения объемов реализуемой на рынке продукции и ограничения денежной массы; введение антимонопольного законодательства и поощрение состязательности);
- 5) поэтапное приближение государственных твердых и регулируемых цен к свободным ценам, балансирующим спрос и

предложение на рынке, приведение их в соответствие с ценами мирового рынка;

6) формирование финансового рынка, создание фондовых бирж и системы государственного регулирования торговли ценными бумагами;

7) интенсивное развитие внешнеэкономических связей, стимулирование иностранных инвестиций, создание совместных предприятий, зон совместного предпринимательства;

8) развитие валютного рынка, начиная с проведения валютных аукционов и кончая организацией нормальной торговли валютой, подготовка условий для введения вначале частичной конвертируемости рубля;

9) перестройку организационных структур управления в связи с изменениями в распределении их функций, расширением самостоятельности предприятий и формированием рынка (3, с.34).

Отличительной чертой предложенной концепции является ее взвешенность. Реформирование предполагалось разделить на конкретные этапы: 1990, 1991-1992 и 1993-1995 гг., с четкой разбивкой задач, решаемых на каждом из них (к концепции был приложен соответствующий график). Согласно приведенным расчетам, к концу третьего этапа, т.е. к 1995 г., удельный вес предприятий, находящихся в государственной собственности, должен был составить 30% (по стоимости основных фондов), доля акционерных предприятий приблизиться к 25, арендных предприятий – к 20, кооперативов – к 15% (3, с. 35).

По замыслу авторов концепции, осуществление вышеперечисленных мер должно было заложить основу для эффективного функционирования социально ориентированной рыночной экономики без серьезных потрясений и жертв со стороны населения.

При разработке концепции были проанализированы и просчитаны три возможных варианта ее реализации: эволюционный, радикальный и умеренно-радикальный. Радикальный вариант соответствовал сценарию, названному в последующем «шоковым».

Он предполагал сконцентрированную на коротком отрезке времени коренную ломку сложившихся структур, одновременное снятие всех ограничений для действия рыночного механизма, осуществление самых решительных мер по финансовому оздоровлению, сокращение государственных расходов на инвестиции и дотации к розничным ценам, жесткую кредитную политику. Рыночный механизм должен был включаться путем полного, или почти полного, отказа от контроля за ценами и доходами.

Все последствия такого радикального варианта хорошо осознавались разработчиками концепции. Стране грозили галопирующая инфляция, разорение большого числа предприятий при одновременном обогащении других, нарушение сложившейся системы хозяйственных связей, спад производства, массовая безработица, существенное снижение уровня жизни. Поэтому, опираясь на проведенный анализ и основное содержание концепции, правительство Н.Рыжкова избрало так называемый умеренно-радикальный вариант и приступило к его реализации.

Первые шаги радикальной экономической реформы (1988-1990) проявились в следующем.

1. Начался реальный процесс разгосударствления экономики (прежде всего – управления). Был ликвидирован ряд союзных министерств, на базе которых возникли первые государственные концерны: «Газпром» и «Агрохим». Все преобразования происходили в то время при упорном сопротивлении Верховного Совета СССР.

2. Наряду с созданием мелких акционерных обществ было принято решение о создании АО «Камаз», на опыте работы которого намечалось отработать механизм акционирования крупнейших предприятий, комбинатов и других хозяйственных объектов. Причем правительство действовало с опережением: акционерные общества создавались до принятия соответствующих законов.

3. Оперативно решались вопросы разграничения полномочий центра и регионов в вопросах долевого разделения акций создаваемых акционерных обществ.

4. Кардинальные изменения произошли в банковской системе. Был принят закон о Государственном банке, в соответствии с которым он выводился из подчинения правительству. Началось формирование двухуровневой банковской системы, возникли первые коммерческие (в том числе кооперативные) банки.

5. Начался переход от традиционной схемы материально-технического снабжения к оптовой торговле, т.е. к рыночной форме оборота средств производства. Принципиальные изменения вводились в систему государственного заказа, который должен был размещаться в договорном порядке.

6. Произошел массовый сдвиг в общественном сознании в сторону принятия идеи эффективно регулируемого рынка.

О прочности закладываемого фундамента реформ можно судить по проведенным Институтом экономики РАН исследованиям. Специальный анализ наиболее эффективно работающих в середине 90-х

годов компаний, банков, ассоциаций показал, что большая их часть была создана в 1989-1990 гг. и выросли из первых кооперативов, арендных предприятий или коммерческих банков.

Эти первые практические шаги по реализации умеренно-радикального варианта реформы были революционными по своему значению и рыночными по своей природе. Они требовали огромных усилий, глубокой научной проработки, тщательного изучения мирового опыта, «и происходили они, естественно, в упорной борьбе, поскольку натывались на стереотипы и догмы уходящей со сцены системы» (3, с.38).

Значение первой концепции радикальной экономической реформы, разработанной в 1989 г., состоит в том, что она открыла путь к активным действиям. История ее создания весьма поучительна и позволяет развеять миф, согласно которому радикальная реформа началась якобы лишь в 1992 г. Однако внешние условия, прежде всего обострившаяся политическая ситуация в стране, серьезно осложнили ее проведение в жизнь. Вскоре она стала заложницей политических страстей и амбиций, а позднее и наложницей в коварных руках политических деятелей.

ОШИБКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Команде Н.Рыжкова приходилось работать в крайне тяжелых условиях неприятия реформы со стороны консервативно настроенных членов правительства и постоянной критики со стороны более радикальных реформаторов. Нарождавшаяся оппозиция «демократов» объединяла всех недовольных прошлым и настоящим, критиковавших все подряд: административную систему, партократию, консерваторов, привилегии, имперские замашки.

В конечном счете правительство Н.Рыжкова было объявлено «демократами» консервативным и обвинено в сопротивлении реформам. Эта мысль довольно успешно внедрялась в массовое сознание. До сих пор многие серьезные ученые и политики, в том числе и на Западе, верят в сложившийся стереотип (13; 24).

Разработчики реформы признают, что правительство не сразу осознало исключительную важность работы с прессой, борьбы за массовое общественное сознание. Потом оно спохватилось, но было уже поздно. Необходимость подкреплять радикальные экономические преобразования целенаправленной работой по формированию их массовой поддержки – один из важнейших уроков этого периода.

Мощным дестабилизирующим фактором становились сепаратистские устремления ряда республик. Его значение особенно возросло с провозглашением Россией своего суверенитета и верховенства на ее территории республиканских законов. Фактически это был курс на разрушение Союза. Активную атаку на союзное правительство повело трио Б.Ельцин – Н.Силаев – Р.Хасбулатов и их многочисленные союзники. В результате летом 1990 г. была заблокирована реформа цен – важный шаг радикальной реформы. Едва ли не больше всех возражали против нее те, кто потом осуществлял либерализацию цен в ее антинародном варианте. Правительство при этом допустило ряд тактических ошибок, не проявило необходимой твердости в решениях.

К концу 1990 г. у правительства Н.Рыжкова было все: четкая программа действий, исполнители, определенный опыт реформирования. Не было лишь одного – доверия. Перестройка исполнительной власти и избрание первого Президента СССР не улучшили ситуацию. Теоретически такая перестройка могла стабилизировать обстановку в стране и способствовать продолжению курса реформ. Этого, к сожалению, не произошло. «Но не в силу порочности принятого решения, а в результате отсутствия тех самых «определенных условий» – политической мудрости и воли; общественного согласия, основанного на подчинении групповых устремлений высшим национально-государственным интересам; готовности последовательно и решительно проводить в жизнь выработанный курс», – отмечает Л.Абалкин (3, с.45).

Правительственной концепции была противопоставлена альтернативная программа, получившая название «500 дней» или «программа Шаталина – Явлинского». Формально речь шла о разработке «основы экономической части союзного договора». В рабочую группу был включен и Е.Ясин, продолжавший работать над правительственной концепцией. Это открывало ему полный доступ к информации, наработкам и конкретным рекомендациям правительства, разрабатывавшего в тот момент программу первоочередных мер по переходу к рынку в соответствии с принятой концепцией.

Если бы группа Г.Явлинского строго придерживалась линии на разработку основных принципов экономической части союзного договора, то столкновения программ можно было бы избежать. Но уже с первых шагов стало ясно, что она взяла курс на разработку альтернативной программы радикальной реформы.

Таким образом, главными ошибками правительства Н.Рыжкова в осуществлении первого этапа радикальной реформы Л.Абалкин считает:

- некомплексное ее осуществление, когда, например, самостоятельность предприятий не была подкреплена соответствующими изменениями в методах планирования, введением налоговых ограничений, изменениями ценообразования и др.;

- медлительность осуществляемых шагов, откладывание назревших преобразований, касающихся, в частности, перестройки кредитной политики, перехода к оптовой торговле средствами производства;

- политические амбиции правящей элиты;

- отсутствие твердости правительства в проведении выработанной линии;

- отсутствие единого понимания природы накопившихся проблем и путей их разрешения;

- недостаточное внимание к формированию массового общественного сознания (1, с.110-113).

Наполненный драматическими событиями 1991 г. с его круто закрученной интригой и трагическим финалом оказался для экономической реформы периодом безвременья. Какие-то решения принимались. Продолжалось славословие по поводу рынка. Однако стратегическая нить преобразований оборвалась, за практическими шагами не просматривалось сколько-нибудь продуманной и выверенной концепции.

Политические потрясения тяжело сказались на экономике, привели к глубокому спаду производства. Валовой национальный продукт сократился на 17% в 1991 г. по сравнению с 1990 г., объем промышленной продукции почти на 8%, розничный товарооборот – на 7,1%. Причем спад нарастал от месяца к месяцу, от квартала к кварталу (3, с.53). Подобных потрясений страна не испытывала со времен Отечественной войны.

Августовский путч спровоцировал развал Союза и выбор «шокового» варианта экономической реформы. События, происшедшие во второй половине 1991 г., радикально изменили ситуацию и во многом предопределили новый этап экономической реформы (2, с.7). Позже, когда стали очевидными пагубные последствия этого варианта, появились аргументы, призванные доказать, что альтернативы избранному курсу не было.

КРИТИКА ПОЛИТИКИ «ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ»

В основе критики позиции радикальных реформаторов лежит взятая на вооружение академическим сообществом теория альтернативности. В соответствии с этой теорией будущее любого общества не однозначно. Оно всегда представлено в виде веера возможных вариантов или сценариев. Особенно рельефно альтернативность общественного развития проявляется в переходные эпохи, в процессе радикальной ломки и обновления сложившихся структур и отношений. Выбор пути является итогом действия многочисленных факторов и происходит в результате острейшей социально-экономической, политической, информационной борьбы. Как только один из вариантов становится определяющим, другие отпадают, возврат или переход к другим сценариям становится уже нереалистичным.

Эти теоретические послышки используются сторонниками постепенных преобразований для опровержения аргументов, доказывающих, что «шоковая терапия» была единственно возможным путем преобразований. Аргументы радикальных реформаторов сводятся к тому, что, во-первых, до прихода правительства реформаторов, начавшего свою деятельность с либерализации цен, никаких реформ в стране не проводилось, было топтание на месте. Во-вторых, развал потребительского рынка, проявившийся в конце 1991 г. в пустых прилавках, не мог быть устранен другим путем. В-третьих, в распоряжении государства не оставалось реальных рычагов власти, поэтому единственной надеждой оставалась саморегулирующая роль рынка.

Отвечая оппонентам, сторонники постепенного реформирования отмечают следующее.

1. Тезис о том, что реальные реформы начались лишь в 1992 г., является одним из мифов, активно внедряемых в массовое сознание. По мнению ученых РАН, это отнюдь не превращает миф в правду. Так, в многочисленных работах Л.Абалкина, посвященных анализу экономических реформ в России, приведены неопровержимые доказательства реальных шагов, направленных на создание в стране социально ориентированной рыночной экономики (1; 3; 4).

2. Опустошение прилавков произошло не столько в результате объективных причин, сколько вследствие заявлений о предстоящей либерализации цен. Обострившийся дефицит в 1991 г. был не

первопричиной либерализации цен, а реакцией на объявленные намерения.

3. Мировой опыт развития рыночной экономики показал необходимость активного участия государства в хозяйственной жизни и несостоятельность идеи полного ухода от государственного регулирования. Необходимо создать качественно новую систему управления и регулирования, адаптированную к условиям рынка (3, с.55).

Альтернативы выбранному пути не только были, они всесторонне обосновывались учеными, доказавшими нецелесообразность радикального варианта реформ и пагубность его последствий. Впоследствии были проведены специальные исследования, посвященные проблеме оптимального выбора вариантов, который зависит не только от политических амбиций, но и от оценки реальных возможностей экономики. По мнению В.Рязанова, например, выбор альтернативы реформирования в немалой степени зависит от того, насколько точно определено исходное состояние национальной хозяйственной системы (19), особенно степени развития товарно-рыночных черт.

В зависимости от исходной концепции экономического строя (рыночная или нерыночная) можно судить о том, каким образом реформировать экономику. «Так, опираясь на постулат о нерыночности советской экономики, в недалеком прошлом был сделан неправомерный вывод, что сложившуюся систему государственной экономики (бюрократического рынка) нельзя изменить, ее можно только разрушить. Реформаторы либерального толка вынесли приговор: система не поддается постепенной перестройке. Именно такие оценки стали теоретической опорой в обосновании выбора реформы рыночного шока в России, запустившей кризис и распад, а значит, предопределившей обнищание значительной массы населения» (19, с.435).

В.Рязанов убежден в том, что неререформируемых экономик не бывает. Любая экономика поддается улучшениям и преобразованиям, поскольку всегда представляет собой «экономику живых людей». Кроме того, к 1985 г. наша страна представляла собой фактически смешанное, многосекторное хозяйство с ограниченным действием рыночных механизмов. Вместо «шоковой терапии» необходимо было проводить политику постепенной трансформации планово-рыночного хозяйства в хозяйство социального типа с регулируемыми рыночными отношениями.

Стремление «подхлестнуть» преобразования, осуществить переход к рынку одним прыжком было подвергнуто серьезной критике со стороны многих ученых. Поставленные объективно в довольно сложные

условия инициаторы стремительного реформирования не имели возможности разработать стратегию преобразований и в то же самое время не желали использовать имеющиеся заделы. Эта поспешность является отличительной особенностью нового (названного российским) этапа радикальных реформ, начавшегося в 1992 г., и долгое время считалась главной ошибкой реформаторов радикального толка (2).

В основе избранного российским руководством курса лежал монетарный подход. При этом имелся в виду не просто монетаризм как одно из направлений экономической науки, а монетаризм с ярко выраженной национальной окраской.

Российский монетаризм – это политика и идеология, основанные на придании доминирующего значения денежным факторам и ориентированные на достижение соответствующих показателей (объем денежной массы в обращении, темпы инфляции, величина бюджетного дефицита). Все другие факторы либо недооцениваются, либо просто игнорируются. Сложнейшие экономические и социальные процессы рассматриваются сквозь узкую щель денежного обращения. Так, Е.Ясин, отказавшийся от поддержки постепенных преобразований, утверждал, что единственной причиной инфляции является бюджетный дефицит, забывая при этом о влиянии на цены издержек производства, транспортных тарифов, монополизма производителей, величин налоговых ставок и ссудного процента. В результате методы подавления инфляции оказывались крайне ограниченными и неэффективными (3).

Односторонность российского монетаризма проявлялась и в стремлении выйти на заданные параметры любой ценой. Главное – добиться финансовой стабилизации, а все остальное в экономике нормализуется само собой. Рынок сам расставит все по своим местам. Такой подход, кстати, объясняет и отсутствие у правительства четкой структурной политики, системы общенациональных приоритетов (3, с.58).

Кроме того, команду Е.Гайдара критикуют за то, что она не пользовалась советами ведущих ученых нашей страны. Исключение было сделано лишь для западных консультантов – сторонников монетаризма (Дж.Сакса, руководителей МВФ и других международных финансовых организаций), которые не столько давали советы и рекомендации, сколько выдвигали условия, обязательные для выполнения при получении кредитов или различных видов помощи.

К этому следует добавить, что советники из МВФ всегда отличались крайней самоуверенностью, безапелляционностью своих суждений и поразительно слабым знанием российской действительности,

истории страны и ее культуры, духовного склада населения и сложившейся системы ценностей. Отрицательные последствия осуществленных в 1992 г. мер были настолько велики и разрушительны, что поразили самих авторов «шоковой терапии». Не удалось остановить спад производства, обуздать инфляцию, добиться финансовой стабилизации, предотвратить обнищание населения.

Уже после первых месяцев радикальных реформ Институт экономики РАН дал развернутый анализ принципиальных ошибок правительства (17). Констатируется, что кабинет министров Е.Гайдара за основу взял экономические принципы, разработанные группой специалистов США и известные как идеи «Вашингтонского консенсуса». Это – вытеснение государства из сферы экономики и свобода рыночного саморегулирования, массовая приватизация собственности, либерализация торговли и системы ценообразования, форсированное сжатие денежной массы как средство подавления инфляции, валютно-финансовая открытость экономики, упор на внешние заимствования как источник экономического роста.

Однако ни одной из стран, пытавшихся реализовать подобную программу, не удалось добиться успеха. Наиболее ярко несостоятельность идей «Вашингтонского консенсуса» проявилась в Индонезии, в большинстве стран СНГ и, конечно, в России. Сегодня многие крупные зарубежные экономисты резко критикуют возведение в абсолют таких принципов (4, с.187).¹

Результаты преобразований по навязанной «Вашингтонским консенсусом» модели были настолько ошеломляющими, что ученые усомнились не только в профессионализме реформаторов, но и в том, что наша страна стала ближе к рыночной экономике в 1995 г. по сравнению с 1991 г. В.Рязанов справедливо полагает, что реформирование должно служить развитию производства и общества, а не их разрушению. Если же при проведении реформы преобладают чисто разрушительные механизмы, а главной целью становится уничтожение старой системы, такие процессы нельзя называть классической реформой (20, с.227).

На фоне указанных социально-экономических потрясений возникли качественно новые явления. В частности, изменилась природа самого экономического кризиса, который утратил способность создавать внутренние источники возрождения. Начавшийся в 1993 г. кризис

¹ Подробнее см.: обзор И.Г.Минервина «Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: Многообразие подходов, сходство выводов» в настоящем сборнике.

перерос в прямой развал экономики. В итоге принципиально иной стала и стратегия реформ, вылившаяся в весьма примитивную стратегию выживания.

В связи с этим сотрудники Института экономики РАН приходят к выводу о том, что фактически с конца 1993 г. никаких реформ в стране уже не проводилось. «Безуспешные попытки правительства залатать постоянно возникающие дыры – это отнюдь не движение по пути реформ, а всего лишь способ выживания» (5, с.180).

Тем не менее, когда летом 1994 г. правительство приняло решение о разработке программы реформ и развития экономики на 1995-1997 гг., специалисты расценили расширение горизонтов стратегического видения до трех лет как новую возможность выработки четких социально-экономических приоритетов, определения ключевых проблем структурной и инвестиционной политики. Но, к сожалению, работа над программой пошла по хорошо накатанной колее. Все беды российской экономики объяснялись «объективными закономерностями», а не ошибочностью выбранного курса.

Поэтому в целом возобладал инерционный подход – упрямое продолжение ранее принятого курса. В качестве главной цели выдвигалась финансовая стабилизация, которая по времени должна предшествовать подъему производства, оживлению инвестиционной активности и решению социальных задач.

Инерционный подход не получил поддержки в академических кругах по следующим причинам.

Во-первых, разведение во времени задач финансовой стабилизации и оживления в реальном секторе экономики (подъем производства и наращивание инвестиций) теоретически несостоятельно и практически неосуществимо. Не может быть здоровых финансов при больной экономике. Как и невозможно увеличить доходы бюджета при падающем производстве.

Во-вторых, ошибочно сводить финансовую стабилизацию к состоянию федерального бюджета и снижению темпов инфляции «любой ценой». С народнохозяйственных позиций финансовая стабилизация предполагает, как минимум, нормализацию денежного обращения, преодоление непомерно затянувшегося кризиса платежей, укрепление финансового положения главных субъектов рыночной экономики, восстановление функций денежных сбережений населения.

В-третьих, финансовую стабилизацию нельзя фетишизировать при проведении рыночных реформ.

Стало очевидным, что правительство, продолжая клясться в верности курсу реформы, все чаще прибегает к использованию отживших и скомпрометировавших себя методов административного контроля и управления (попытки восстановить тотальный контроль за распоряжением всеми финансовыми ресурсами, предложения о вне рыночном и внесудебном порядке объявления предприятий банкротами). Именно поэтому сторонники постепенных преобразований считали программу 1995-1997 гг. новым вариантом монетаристских иллюзий и обещанием выполнить указания международных организаций как условие получения финансовой помощи.

Однако, критикуя своих оппонентов, ученые все-таки признают некоторые позитивные моменты «российского» этапа реформы. В ее актив зачисляются: преодоление тотального огосударствления экономики, слом административно-командной системы управления, начало создания структуры и инфраструктуры современного рынка, появление хотя и массового, но довольно неоднородного слоя российских предпринимателей. Но все это, считают они, создает лишь предпосылки для достижения конечных целей реформы.

Если таковыми являются создание высокоэффективной и социально ориентированной экономики, гибкой и восприимчивой к нововведениям, обеспечивающей высокое качество жизни и органически включенной в мировое хозяйство, то очевидно, что эти цели достигнуты не были. Реальный ход экономических и социальных процессов привел к прямо противоположным результатам. Причина видится прежде всего в том, что увлекательная и опьяняющая ломка сложившейся системы явно опередила созидательную работу. Но самую главную причину неудач радикальных реформаторов сторонники постепенной трансформации видят в порочности избранного курса социально-экономических преобразований, ошибочности стратегии и тактики их проведения.

Ученые сходятся во мнении о бесперспективности навязанной модели реформирования и о чрезмерности разрушений, совершенных ельцинскими реформами (4; 5; 12; 20; 21; 22 и др.). Так, Б.Ракитский приходит к выводу, что реформы российского периода не только не создали предпосылок хозяйственного подъема и социального благополучия, но породили опасные факторы необратимого разрушения хозяйства и деградации населения России, сделали весьма вероятной утрату Россией своей самостоятельности (22, с.83).

ИДЕИ ОБНОВЛЕНИЯ КУРСА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Убедившись в неспособности «шокотерапевтов» создать не только социальноориентированную рыночную экономику, но и достаточно убедительную стратегию выживания, сторонники постепенных преобразований настойчиво рекомендуют смену курса социально-экономической политики. Ученые РАН предложили новую программу, направленную на обновление курса реформ и против разрушительных процессов искажения последнего.

В концентрированном виде эта концепция изложена в совместном докладе ряда видных экономистов России и США – Л.Абалкина, О.Богомолова, В.Макарова, Л.Клейна, В.Леонтьева, Д.Тобина, М.Интрилигейтора, М.Поумера и др., опубликованном в июле 1996 г., за два дня до второго тура президентских выборов (14). Однако идея обновления курса сразу была воспринята радикальными реформаторами как уход от реформ, усиление авторитаризма, поскольку в основу нового курса предлагалось положить опыт китайских преобразований. Их суть состоит в том, что власть остается в руках старой номенклатуры благодаря сохранению однопартийной системы и идеологической жесткости режима. Экономические преобразования проводятся постепенно и под контролем номенклатуры, а попытки альтернативной политической деятельности жестко подавляются (13, с.6).

На самом деле именно потому, что к 1996 г. в стране все больше нарастало недовольство результатами реформ, и появились «опасные признаки отказа от радикальных преобразований и возврата к прошлому» (4, с.26), и именно для того, чтобы не произошло «отката назад» сотрудники Института экономики РАН разработали «Новую экономическую политику». Новая экономическая политика была направлена против «старой»: против примитивной демонетизации экономики, государственной монополизации финансового рынка, удушающего малый бизнес законодательства, разрушения социальной сферы. Она предполагала продуманный и взвешенный путь перехода к рынку вместо создания его рыночных суррогатов, профессионализм, заменяющий импровизации, высокое качество жизни вместо массового обнищания населения.

Особенно подчеркивалось, что обновление курса реформ не является одномоментным актом. В отличие от локальных решений, таких, например, как ставка процента или размер налоговых платежей, фиксация курса рубля, изменение таможенных пошлин или налоговых платежей, которые могут вводиться с определенной даты, переход к

новой стратегии требует времени. Наряду с четким определением ее целевых установок и выбором национальных приоритетов, необходимо проведение крупного структурного маневра.

Одной из ключевых задач является восстановление управляемости экономики, создание надежного механизма управления государственной собственностью. Необходимыми условиями успеха обновления должны стать российская идея, расширение социальной базы реформ и доверие населения к власти.

Таким образом, ученые Отделения экономики РАН были и остаются инициаторами и сторонниками глубоких социально-экономических преобразований общественной жизни страны. Правильность сделанных в статье о новой экономической политике выводов подтверждается самой жизнью. К сожалению, в то время ни переизбранный президент, ни члены правительства не прислушались к высказанным рекомендациям.

Разразившийся в августе 1998 г. финансовый кризис, который не был неожиданностью для экономистов, работающих над проблемами реформирования экономики страны, показал, что дискуссия между сторонниками радикальных реформ («шокотерапевтами») и приверженцами постепенных преобразований (градуалистами) о том, что лучше, быстрый или постепенный переход к рынку, потеряла актуальность. История российских реформ свидетельствует, во-первых, о том, что шоковые реформы оказались на деле не такими быстрыми, как предполагалось; во-вторых, что скорость реформирования не является определяющей в осуществлении перехода к рынку, гораздо большее значение имеет макроэкономическая политика и эффективность институтов, измеряемая изменением доли государственных доходов и теневой экономики в ВВП (13; 16 и др.). В результате сторонники постепенных преобразований пришли к выводу, что главная причина ошибок реформаторов-радикалов состоит не в ускоренном проведении реформ, а именно в неправильном выборе курса реформирования, ориентированного на рекомендации западных специалистов (4; 20; 21; 22).

Последствия проводимых реформ и разразившегося 17 августа 1998 г. кризиса подробно изучены специалистами. Нет смысла перечислять все испытания, выпавшие на долю народа, их слишком много и все они слишком тяжелы. Главным же последствием проводившейся политики является то, что наша страна перешагнула еще один критический рубеж, поставивший ее в качественно иную ситуацию.

Институт экономики РАН много лет занимался расчетами, связанными с экономической безопасностью страны. Согласно международным критериям, страна считается независимой при разработке целей, стратегии, направлений, ориентиров экономической политики, если ее внешний долг не превышает 60% от годового ВВП. Совокупный долг РФ, накопленный как за годы существования Советского Союза, так и независимой России, равен округленно 150 млрд. долл. По курсу доллара 1:6 внешний долг страны до 17 августа 1998 г. составлял 900 млрд. руб. Это было чуть больше трети ВВП. По курсу доллара 1:16 (к ноябрю 1998 г.) эти же 150 млрд. внешнего долга составляют 2 трлн. 400 млрд. руб., или почти 80% ВВП (4, с.203). Фактически страна поставлена в положение должника при тех же фондах и производственных мощностях.

Когда Россия оказалась на краю пропасти, и в очередной раз предлагалась модель развития уже латиноамериканского образца, ученые Отделения экономики РАН посчитали своим профессиональным долгом (за несколько дней до назначения академика Е.Примакова Председателем Правительства РФ) обратиться к Президенту России, Федеральному собранию и Правительству России со своими предложениями по обеспечению минимальной экономической безопасности населения и страны от реальных угроз разразившегося финансового кризиса.

Открытое письмо, подписанное Д.Львовым, Л.Абалкиным, О.Богомоловым, В.Макаровым, Д.Некипеловым, Н.Петраковым, С.Ситаряном, Н.Федоренко и др., содержало изложение эмиссионной идеи вывода страны из кризиса (15). Несмотря на критику предложенного варианта, в пользу эмиссии высказались абсолютное большинство тех ученых и практиков, к чьим мнениям стоило по разным причинам прислушаться.

Основные положения программы заключаются в следующем:

- регулярная индексация заработной платы, пенсий, пособий и стипендий за счет дополнительных бюджетных поступлений, «базирующихся на росте цен»;
- создание государственного фонда для централизованных закупок импортного продовольствия;
- расширение массивной денежной поддержки банков, реанимация механизма кредитования промышленности через уполномоченные банки;
- обязательная продажа экспортерами 100% валютной выручки Центральному банку; резкое сокращение числа банков, уполномоченных проводить валютные операции;

- восстановление института спецэкспортеров для определенных категорий «стратегических товаров»;
- решение проблемы неплатежей за счет «контролируемой эмиссии» и покрытия просроченных незначительных долгов за счет разового вливания денег в экономику;
- создание условий для роста российского промышленного производства за счет стимулирования потребительского спроса на отечественные товары (6, с.12).

Открытое письмо широко обсуждалось в прессе. Реформаторы в лице Е.Ясина посчитали программу оторванной от реальной жизни (24). «Востребованные властью советские академики» подверглись критике, а их программа была окрещена как «манифест нового курса», выражающего интересы бывших советских директоров.

По мнению Ю.Латыниной, например, программа сторонников постепенных преобразований, на которых радикальные реформаторы возлагали вину за половинчатость реформ, потребовалась правительству для расширения «своей социальной базы» (10). Однако она не согласна с мнением радикальных реформаторов о том, что реформы получились половинчатые по вине «ретроградов».

В действительности в половинчатости российских реформ виноваты сами реформаторы, поскольку при приватизации социалистического государства была приватизирована только половина того, что состояло на балансе. А именно – активы. Обязательства же остались у самого государства. Реформы удавались только тогда, когда теоретические построения реформаторов совпадали с практическими потребностями «новых русских». Скажем, приватизация жилья – т.е. активов государства – оказалась делом простым. А вот жилищно-коммунальные услуги – т.е. пассивы государства – остались на дотации у бюджета.

Благодаря вышеописанной половинчатости государство превратилось в высокодоходный финансовый инструмент, доступный крайне ограниченному кругу лиц. А так как помимо того, чтобы служить финансовым инструментом, государство являлось еще и средой обитания российских олигархов, то в погоне за прибылью среда обитания оказалась испорченной. И когда неприкрытый паразитизм кончился дефолтом, власти потребовалась более широкая социальная база, которую обеспечили своей программой ученые-академики.

Она не предусматривает возврата к социализму, но, по мнению экспертов, является несколько расширенным и демократизированным вариантом той системы, которая сформировалась за годы реформ в

России. «Та партия бывших советских директоров крупных и средних предприятий, выразителями интересов которой можно считать бывших советских академиков, вовсе не заинтересованы в государственной собственности на средства производства. Они заинтересованы в другом – в предоставлении директорам тех прав, которыми сейчас пользуются только олигархи» (10, с.13). Именно для расширения круга соискателей финансовой милости, пишет Ю.Латынина, вводятся новые механизмы и осуществляется переход от сугубо индивидуальных концессий к поточному методу предоставления льгот, каковым являются институты спецэкспортеров или множественность валютных курсов.

Тем не менее, после утверждения нового состава правительства во главе с Е.Примаковым идеи, которые нарабатывались в предшествующие годы, были на определенное время востребованы. И хотя, как отмечает Л.Абалкин, «замалчиванию богатейшего потенциала российской экономической науки пришел конец» (4, с.6), дальнейшие события показали, что устойчивое и системное привлечение ученых РАН, в том числе не только экономистов, к разработке программы возрождения России еще не состоялось.

*

* *

Оценивая в целом эволюцию взглядов сторонников постепенных преобразований, можно сказать, что они неуклонно следовали курсу реформ, предлагая правительству различные, основанные на теории социальных альтернатив, программы вывода страны из кризиса на протяжении десятилетнего периода преобразований. Поэтому потери и разрушения как неизбежная расплата за ошибки реформаторов не рассматриваются как научно состоятельные.

Радикальные реформы, по их мнению, начались в 1989 г., когда была разработана первая концепция радикального реформирования экономики. Весь период реформ они делят на два этапа: первый, советский этап преобразований (1989-1990) и второй, российский этап, начавшийся в 1992 г.

«Шоковая терапия» и последующий переход к стратегии выживания воспринимаются «градуалистами» как отклонение от курса реформ. Более того, высказывается мнение, что с определенного момента рыночные реформы в смысле перехода к социально ориентированной рыночной экономике в стране вообще не проводились, их заменил ошибочный курс социально-экономической политики, который лишь назывался «реформами». В результате было потеряно доверие народа к правительству, финансовым организациям и самим реформам.

Наблюдается и смена акцентов в оценке «шокотерапевтов». Если в первые годы российских реформ основным недостатком политики их проведения считалось желание одним скачком перейти к рынку, то со временем было признано, что ошибочны не столько выбранные темпы преобразований, сколько выбранный стратегический курс.

“Градуалисты” неоднократно подчеркивали, что второй этап реформирования отличается замалчиванием богатейшего потенциала российской экономической науки и обращением к рекомендациям малоизвестных и плохо знающих Россию экспертов МВФ. Они обосновывают необходимость крутого, радикального поворота проводимой в стране социально-экономической политики, доказывая, что продолжение старого курса носит тупиковый характер. При этом, если в начале преобразований предполагалось, что программу перехода к рынку можно осуществить за полтора-два года, то затем был сделан вывод о том, что смена курса это не одномоментный акт и требует достаточно много времени. Кроме того, ученые уже не ориентируются на какую-либо западную или восточную модель развития, считая наиболее важным учет национальных особенностей страны.

Несмотря на пессимистические оценки западных экспертов (8)¹, сторонники постепенных преобразований по-прежнему считают, что Россия имеет шанс на возрождение и должна идти по пути нравственного подъема, социального творчества и созидания, освоения своего богатого наследия и вновь стать великой экономической державой (4; 5; 7; 11; 19; 21 и др.)

¹ Подробнее см.: обзор И.Г.Минервина «Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: Многообразие подходов, сходство выводов» в настоящем сборнике.

Список литературы

1. Абалкин Л. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. – М., 1991. – 304 с.
2. Абалкин Л. В тисках кризиса. – М., 1994. – 271 с.
3. Абалкин Л. Зигзаги судьбы: Разочарования и надежды. – М., 1996. – 289 с.
4. Абалкин Л. Спасти Россию. – М., 1999. – 254 с.
5. Абалкин Л. Выбор за Россией. – М., 1998. – 212 с.
6. Галиев А. Раздвоение личности//Эксперт. – М., 1998. – № 35. – С.10-12.
7. Греф Г. Внутри каждого сидит ожидание чуда//Известия. – М., 2000. – 29 дек. – С.1-2.
8. Грэм Т. Возрождение России отнюдь не неизбежно//Моск. комсомолец. – М., 2001. – 13 февр. – С.2.
9. Конотопов М., Сметанин С. Из тупика: экономический опыт мира и путь России. – М., 2000. – 383 с.
10. Латынина Ю. Директора против олигархов//Эксперт. – М., 1998. – № 35. – С.13.
11. Львов Д. Будущее Российской экономики//Экономист. – М., 2000. – № 12. – С.3-18.
12. Макаревич Л. Кризис постсоветской экономической модели//Бюл. фин. информации. – М., 1998. – №9. – С.4-21.
13. Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков//Вопр. экономики. – М., 1999. – № 11. – С.4-23.
14. Новая экономическая политика для России: Совместное заявление российских и американских экономистов//Независимая газ. – М., 1996. – 1 июл. – С.1.
15. Открытое письмо ученых Отделения экономики РАН Президенту, Федеральному собранию и Правительству РФ//Экономика и жизнь. – М., 1998. - № 37. – С.2-3.
16. Попов В. Шокотерапия против градуализма: конец дискуссии//Эксперт. – М., 1998. – № 35. – С.14-19.
17. Проблемы и необходимые коррективы политики экономической реформы/РАН: М., 1992. – 108 с.
18. Ростовский М. Игры патриотов//Моск. комсомолец. – М., 2001. – 13 февр. – С.2.
19. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв.. – СПб: Наука, 1998. – 796 с.
20. Рязанов В.Т. Смена трансформационной модели в России: причины и перспективы//Шансы российской экономики/Под ред. Осипова Ю., Зотовой Е. – М., 1997. – С.225-251.
21. Ханин Г. Стабилизация кризиса//ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск, 2000. – № 3. – С.11-50.
22. Шансы российской экономики/Под ред. Осипова Ю., Зотовой Е. – М., 1997. – 665 с.
23. Экономическая реформа: поиск решений. Материалы Всесоюзн. Науч.-практ. конф. по проблемам радикал. экон. реформы, 13-15 ноября 1989 г./Под общ. ред. Абалкина Л., Милокова А. – М., 1990. – 288 с.
24. Ясин Е. Не надо приставать к людям//Известия. – М., 2001. – 12 февр. – С.1, 10.
25. Ясин Е. Поражение или отступление? (Российские реформы и финансовый кризис)//Вопр. экономики. – М., 1999. – №2. – С.4-28.

Е.Е.ЛУЦКАЯ

**ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ДИСКУССИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ
СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ.
ПОЗИЦИЯ ОППОНЕНТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРОГРАММ
(Обзор)**

В важности выбора государством стратегии экономического развития Россия убедилась на собственном опыте последнего десятилетия. В результате неверных стратегических решений в осуществлении радикальных реформ страна оказалась отброшенной по ключевым показателям народнохозяйственного развития на 25-30 лет назад. Двукратное падение производства, пятикратное сокращение инвестиций, вывоз за рубеж более 300 млрд. долл. капитала, более чем стомиллиардный ущерб от “утечки умов”, финансовое банкротство государства – все это плоды ошибочной политики, приведшей экономическую безопасность страны к критической черте.

В этой связи большое значение приобретает анализ допущенных ошибок – он должен составлять неотъемлемую часть разработки предложений по выбору стратегии дальнейшего развития России.

В феврале-мае 2000 г. Комитетом Государственной думы по экономической политике и предпринимательству совместно с Отделением экономики РАН, Российским торгово-финансовым союзом и “Российским экономическим журналом” была организована общероссийская дискуссия по проблемам стратегии экономического развития России. Материалы этой дискуссии нашли отражение в периодической экономической литературе.

В настоящем обзоре отражена позиция ученых и специалистов, выступивших с критикой правительственных стратегических программ, – Л.И.Абалкина, С.Ю.Глазьева, Д.С.Львова, С.А.Батчикова,

А.Ю.Мелентьева и др. Основной акцент сделан на рассмотрении точки зрения члена-корреспондента РАН, председателя Комитета Государственной думы по экономической политике и предпринимательству С.Ю.Глазьева, который по существу взял на себя роль главного оппонента в споре со сторонниками этих программ.

В ходе дискуссии сопоставлялись различные стратегические экономические программы: “Программа развития реального сектора экономики (предложения отечественных товаропроизводителей)”, принятая II Всероссийским съездом товаропроизводителей; предложения Отделения экономики РАН; “Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года”, подготовленная правительственным Центром стратегических разработок; программные наброски Совета Федерации. Обсуждался также правительственный документ “Об основных направлениях социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу”. В наиболее законченном виде позиция правительства отражена во втором из перечисленных выше документов.

Как отмечает С.Ю.Глазьев, в программном правительственном проекте “Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года” (далее – “Стратегия”) системный анализ допущенных ошибок отсутствует, результатом чего становится поверхностная характеристика хозяйственных трудностей, соответственно – неадекватное структурирование важнейших задач экономической политики. Так, “основные причины, которые не дают возможности реализовывать имеющийся у страны потенциал” сгруппированы в “Стратегии” в три основные категории: 1) неблагоприятный деловой климат (излишнее вмешательство государства в хозяйственную деятельность и одновременно его недостаточная роль в обеспечении базовых рыночных условий); 2) обременительная для общества государственная финансовая система; 3) неэффективная структура экономики, в которой преобладает производство товаров с низкой долей добавленной стоимости (1, с.10).

В действительности же, как считает С.Ю.Глазьев, неблагоприятный деловой климат является следствием неправильной макроэкономической политики и криминализации экономики. Дело не в избыточном вмешательстве государства, а в его неэффективности, подчинении государственной политики частным интересам, противоречащим целям социально-экономического развития. Разложение государства в свою очередь сделало невозможным нормальное функционирование механизмов рыночной самоорганизации. При отсутствии действенного госрегулирования рынки оказались под

контролем организованной преступности, заблокировавшей механизмы свободной конкуренции. Ложная диагностика существенно затрудняет прогнозирование дальнейшей эволюции экономики.

Сопоставляя представленные стратегические программы, С.Ю.Глазьев отмечает, что то немногое, что их объединяет, – это признание необходимости достижения устойчивых и значительных темпов экономического роста (не менее 5% по ВВП, чуть выше – по промышленности и еще более высоких – по инвестициям) и повышения конкурентоспособности российской экономики. В остальном, а главное, в определении насущных проблем экономики, в выборе целей экономической политики и обеспечении механизмов их реализации, между программами существуют значительные расхождения. Так, в программах отечественных товаропроизводителей, Совета Федерации и в предложениях Отделения экономики РАН в качестве ключевых рассматриваются проблемы износа основных фондов и нехватки инвестиций для их восстановления, дезинтеграции экономики, слабой связи реального и финансово-спекулятивного секторов, разрушения научно-производственного потенциала и низкой конкурентоспособности отечественной продукции, крайне низкой оплаты труда и обнищания населения. В “Стратегии” главными проблемами называются несовершенство рыночной инфраструктуры, недостаточная защита прав собственности, слабость конкурентной среды и т.п.

Весьма существенны расхождения в определении приоритетов развития экономики. В программе товаропроизводителей в качестве таковых называются подъем инвестиционной активности и рефинансирование реального сектора экономики на основе создания механизма притока денег в этот сектор. А в “Стратегии” акцент сделан на государственном дерегулировании; “модернизация экономики” понимается не как структурная перестройка народного хозяйства на базе новых технологий, а как реструктурирование предприятий, “отбраковка” неэффективных предприятий и их банкротство. То есть речь идет о модернизации не в смысле усовершенствования технологической структуры экономики, а в плане изменения производственных отношений и перераспределения прав собственности.

Отсюда вытекают и разногласия относительно мер экономической политики. Различия в программах четко прослеживаются в трактовке трех укрупненных блоков проблем.

Первый блок – макроэкономическая политика. Важнейшая ее составляющая – денежно-кредитная политика. Если программа товаропроизводителей делает акцент на снижение процентных ставок и

создание механизма рефинансирования производственной сферы, на переход к более гибкой, ориентированной на спрос денежной политике, то Центр стратегических разработок привержен стандартной схеме регулирования денежной массы в обращении ради недопущения высокой инфляции. Главная проблема, согласно авторам “Стратегии”, – “необходимость стерилизовать избыточную денежную массу”, которую они предлагают решить посредством эмиссии государственных ценных бумаг. То есть, как замечает С.Ю.Глазьев, – это путь, который страна уже прош-ла в 1996-1998 гг. (7, с.25). Он характеризуется сверхприбыльностью поддерживаемых государством финансовых инструментов, завышенными процентными ставками, оттоком капитала из производственной сферы, сжатием производственных инвестиций и закономерно заканчивается банкротством государства, финансовым крахом.

Регулирование денежных потоков в программе товаропроизводителей предлагается осуществлять посредством внедрения механизма переучета векселей производственных предприятий, формирования механизмов развития – Бюджета развития, государственных гарантий и других средств, призванных привлечь государственный капитал в реальный сектор. Авторы же “Стратегии”, игнорируя тот факт, что львиная доля капиталовложений производится в настоящее время за счет собственных средств предприятий, считают, что основным способом привлечения инвестиций является развитие фондового рынка (путь, который чреват резким увеличением объема денежной массы).

Итак, в зависимости от решений властей возможны три варианта макроэкономической динамики. При неизменной денежной политике вероятны либо повышение курса рубля, либо – в случае, если главным амортизатором притока денег станет фондовый рынок, – новое пришествие финансовых “пирамид” госбумаг со старыми последствиями. Согласно третьему варианту, – коль скоро все-таки удастся втянуть избыточные деньги в развитие производства – вкупе с иностранными инвестициями мы получим приток денежных средств как в реальный сектор, так и на финансовый рынок (7, с.24-25).

Второй блок мер экономической политики – микроэкономическое регулирование. Расхождения отмечаются прежде всего по вопросам ценообразования и регулирования деятельности монополий. В большинстве программ, в частности в программе товаропроизводителей, делается акцент на необходимость кардинального усиления государственного контроля над ценами, особенно в монополизированных

отраслях, чтобы устранить выгодные монополиям ценовые диспропорции, блокирующие рост производства в обрабатывающей промышленности. Центр стратегических разработок, напротив, считает, что нужно продолжать линию на либерализацию ценообразования, предлагая ослабить госконтроль над ценами даже в отраслях естественных монополий. При этом какая-либо системная политика регулирования цен вообще не предусматривается.

Третий блок мер касается институциональных преобразований. Расхождения между программами в этой области весьма существенны. “Стратегия” предусматривает продолжение приватизации госсобственности исходя из предположения, что чем больше частных предприятий, тем эффективнее экономика. Авторы программы товаропроизводителей видят цель преобразований в повышении эффективности управления собственностью и в частном, и в государственном секторах; соответственно, приватизация предприятий может иметь смысл лишь в случае, если она ведет к повышению эффективности производства.

Принципиальные различия есть и в подходах к реструктурированию банковской системы. Авторы “Стратегии” предлагают стимулировать укрупнение банков, что, по их мнению, позволит сконцентрировать денежные ресурсы и тем самым увеличить возможности для роста инвестиций. Данный тезис оспаривается авторами других программ, которые отмечают, что при таком подходе пострадают прежде всего региональные банки, работающие, как известно, в тесной связи с реальным сектором. В программе товаропроизводителей содержится положение о необходимости ориентации банковской системы на кредитование материального производства (создание специализированных банков, работающих при поддержке государства, – таких, как Банк развития, Россельхозбанк, Российский экспортно-импортный банк, и т.п.).

Расхождения в трактовках стратегии институциональных преобразований касаются и вопроса о роли госсектора в целом. В частности, в отличие от “Стратегии”, программа товаропроизводителей рассматривает этот сектор не просто как “собес”, призванный решать социальные проблемы и проблемы национальной безопасности, но прежде всего как локомотив экономического развития (7, с.24-26).

Как отмечает С.Ю.Глазьев, даже поверхностное сравнение экономических программ дает основание сделать вывод о том, что правительственная программа не создает необходимых макроэкономических условий для достижения устойчивого и

сравнительно быстрого экономического роста. Эта программа не позволяет задействовать механизмы инвестиционной и инновационной активности, в результате чего весь имеющийся потенциал экономического роста может быть исчерпан уже через три-четыре года. Причины понятны: лавинообразное выбытие устаревших производственных мощностей, ухудшение качества подготовки кадров, исчерпание освоенных природных ресурсов, и т.п.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Значительное место в дискуссии о перспективах развития российской экономики отводится роли государства и государственной экономической политике. Полемизируя с распространенным среди российских экономистов представлением о государстве как некоей надстройке над экономической деятельностью самостоятельных субъектов, С.Ю.Глазьев подчеркивает активную и возрастающую роль государства в социально-экономическом развитии страны. Такая роль предопределена прежде всего растущим значением научно-технического прогресса в генерировании современного экономического роста. Показательно, что волна дерегулирования экономики, прокатившаяся по развитым странам с 80-х годов, охватила главным образом традиционные отрасли, практически не затронув высокотехнологический сектор. В нем, напротив, усилилось значение институтов прямой господдержки инновационной активности и даже непосредственной организации наиболее капиталоемких производств. Возросла роль государственных целевых программ.

Такой же точки зрения придерживается Л.И.Абалкин, который, критикуя политику дерегулирования как первоочередную цель экономической политики согласно правительственным программам, отмечает, что в развитых странах действует противоположная тенденция – не снижение доли государства в ВВП, а, напротив, ее увеличение. В документе “Основные направления” фигурирует следующая цифра: уровень неправительственных расходов бюджета составляет 55% ВВП (методика расчетов не указана). На самом деле, подчеркивает Л.И.Абалкин, этот уровень в России не превышает 35%. Даже в первом разделе документа, где речь идет о социальном партнерстве, государство почему-то выводится из соответствующих отношений. Тогда как во всех странах в соглашениях о социальном партнерстве участвуют три субъекта: предприниматель, наемный работник и государство (7, с.32).

Активная роль госрегулирующего не умаляет значения рыночной самоорганизации в обеспечении структурной перестройки экономики и перехода к устойчивому росту. Структурная политика государства не подменяет предпринимательскую инициативу, а создает необходимые предпосылки для роста частной инвестиционной активности и экономического подъема на основе освоения новых перспективных технологий. Даже по отношению к малому бизнесу вовсе не дерегулирование служит ключевым условием “создания благоприятного предпринимательского климата”. Главные препятствия для его нормального функционирования и развития в России – криминализация экономики, недоступность кредита и злоупотребления монополий.

Роль и конкретное наполнение функций государства в ходе общественного развития меняются, но значение госрегулирующего безусловно возрастает в периоды обострения внешних и внутренних конфликтов и экономических кризисов. Конкретное содержание тех или иных функций зависит также от степени развитости негосударственных институтов управления и механизмов рыночной самоорганизации. По мере их совершенствования относительно снижается значение таких функций, как регулирование цен, внешней и внутренней торговли, прав собственности, и возрастает – таких, как обеспечение социальных гарантий и предотвращение социальных конфликтов, защита прав потребителей, развитие инфраструктуры транспорта и связи, и др.

Характерные для современной экономики глобализация хозяйственных связей и международная интеграция обуславливают серьезные изменения и во внешнеэкономических функциях государства, существенное усложнение совокупности инструментов защиты национальных интересов. В условиях, когда мировая конкуренция ведется уже не столько между странами, сколько между транснациональными воспроизводственными системами, от государства требуются стимулирование конкурентных преимуществ и сохранение национального суверенитета в отношении основных жизнеобеспечивающих комплексов и ресурсов страны. Стабильное функционирование российской экономики предполагает осуществление государством также ряда специфических функций, связанных с ослаблением факторов снижения конкурентоспособности национальной экономики, – таких как повышенная энергоемкость производства, транспортные и оборонные народнохозяйственные нагрузки и др.

Причина того, что все эти функции не нашли отражения в “Стратегии”, кроется в удовлетворении запросов заказчика этой

разработки – представителей крупного бизнеса, усматривающих в сильном государстве угрозу своим интересам (1, с.20-22).

ПРИОРИТЕТЫ И МЕТОДЫ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Традиционная для развитых стран форма проведения структурной политики – выбор приоритетных направлений развития экономики, исходя из анализа глобальных закономерностей технико-технологического прогресса и национальных конкурентных преимуществ, и их реализация с помощью государственных целевых программ, госзакупок, льготных кредитов и других подобных инструментов.

В “Стратегии” вопросы структурной политики трактуются более широко и вместе с тем расплывчато поверхностно. Декларируя в качестве основного направления этой политики наращивание конкурентных преимуществ российской экономики, авторы документа исходят из таких принципов, как формирование конкурентной среды, минимизация госвмешательства в экономику и дальнейшая либерализация хозяйственной деятельности.

Между тем, преимущества в глобальной конкуренции достигаются не путем простого устранения препятствий для частной инициативы, а посредством обеспечения передового научно-технического уровня экономики. Известно, что частный бизнес, ориентирующийся на максимизацию текущей прибыли, не склонен финансировать нововведения, которые характеризуются высокой степенью неопределенности результатов. Чем выше степень неопределенности по тому или другому направлению НИОКР, тем значительней роль государства в их организации и финансировании. Так, в промышленно развитых странах фундаментальные исследования практически полностью финансируются государством; его участие в финансировании НИОКР в авиакосмической промышленности, ядерной энергетике и микроэлектронике достигает 50% и выше.

Игнорируя эти базовые закономерности экономической динамики, авторы “Стратегии” ратуют за “активное позиционирование на рынках”, т.е. за такую стратегию, которая “базируется на постепенном изменении сложившейся структуры экономики за счет имеющихся преимуществ отраслей, конкурентоспособных на мировом рынке, при последовательном распространении импульсов роста в смежные отрасли промышленности и другие народнохозяйственные комплексы” (1, с.23).

Как считают оппоненты “Стратегии”, результатом политики пассивного следования конъюнктуре мирового рынка станет закрепление сырьевой специализации российской экономики с характерными для нее низкими темпами развития, высокой безработицей и неэквивалентным внешнеэкономическим обменом. Возможно, что в отдельных секторах машиностроения будет иметь место рост производства оборудования для высокодоходных экспортных отраслей. Но даже 20%-ного годового прироста производства нефтегазового оборудования окажется недостаточно для достижения устойчивого роста промышленного производства с желаемым темпом в 6-8% (1, с.24). Максимальные темпы экономического роста, которые могут быть достигнуты при сырьевой специализации, не превышают 2% в год – это именно тот рост, который определяется спросом на сырье на мировом рынке (6, с.2).

Без перехода к активной структурной политике российская экономика к концу десятилетия окончательно утратит способность к самостоятельному развитию, основанному на собственном научно-промышленном потенциале, к использованию преимуществ емкого внутреннего рынка. Пресловутая “голландская” болезнь (закрывающаяся в снижении конкурентоспособности обрабатывающей промышленности в результате повышения обменного курса национальной валюты вследствие роста экспорта дешевого сырья) уже существенным образом затронула нашу экономику; причем эта болезнь усугубляется ориентацией российских экспортеров на вывоз капитала, неблагоприятной макроэкономической ситуацией и нарастающим технологическим отставанием отечественного машиностроения.

Чтобы переломить тенденцию к деградации российской экономики, нужно кардинально изменить приоритеты и методологию структурной политики государства. Сочетание активной инновационной политики с концентрацией усилий на основных направлениях становления нового технологического уклада позволяет обеспечить реализацию имеющихся в стране возможностей экономического роста. Как известно, на долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров, организации производства, приходится 80-95% прироста ВВП развитых стран (1, с.25). В России химическая, электротехническая, авиационная, судостроительная, атомная, космическая, гидроэнергетика, телекоммуникации и многие другие наукоемкие отрасли имеют немалые ресурсные возможности и при соответствующей экономической политике государства вполне в состоянии доказать свою конкурентоспособность. Многие из этих

отраслей развиваются с темпом 25-30% в год, а биотехнологии – даже до 100% (6, с.2).

Как считают оппоненты правительственных программ, необходимо выделить следующие приоритеты структурной политики, реализация которых обеспечит успешное долгосрочное развитие страны: 1) конверсия наукоемкой промышленности; 2) обновление парка гражданской авиации на основе организации массового выпуска отечественных самолетов новых поколений; 3) развитие космических технологий;

4) производство современных средств гибкой автоматизации, программного обеспечения, электронно-вычислительной техники; 5) развитие новых микроэлектронных технологий; 6) опережающее развитие биотехнологий; 7) замена оборудования электростанций, развитие ядерной энергетики и повышение безопасности АЭС; 8) модернизация транспортных узлов; 9) наращивание жилищного строительства и реконструкция инженерных сетей в городах; 10) развитие информационной инфраструктуры и др. (1, с.26-27).

В “Стратегии” анализ структурной политики затрагивает сырьевые отрасли, металлургический и топливно-энергетический комплексы, а также технологически сопряженные с ними отрасли машиностроения; ни одна из современных отраслей индустрии вообще не упоминается. Из поля зрения авторов документа выпала даже авиационная отрасль, особо значимая для конкурентоспособности российского экономического пространства и имеющая неплохие шансы на роль “локомотива” экономического роста. Очевиден также дефицит внимания авторов к задачам повышения научно-технического уровня приоритетных отраслей и их модернизации на новой технологической основе, без решения которых реформирование организационно-производственной структуры не даст ожидаемого результата.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Для того чтобы выйти на траекторию устойчивого экономического роста, России нужно резко – в 2,4-3 раза повысить темпы инвестиционной активности. Сегодня, после многократного сокращения за последнее десятилетие производственных инвестиций и объемов НИОКР, сделать это гораздо сложнее, чем накануне либеральной революции 1991 г. Тем не менее эту задачу нужно решить в ближайшие два-три года, поскольку вследствие чрезмерного износа

производственных фондов через три года ожидается их массовое выбытие на 25%, а к 2006 г. – на 50% (4, с.13).

Сложившаяся в России модель инвестиционной деятельности характеризуется крайней неэффективностью. Ни фондовый рынок, ни банковская система не выполняют своих функций по аккумулярованию внутренних сбережений и их трансформации в инвестиции. Главными инвесторами являются сами предприятия, на долю которых приходится 84% всего объема инвестиций, в том числе почти 70% финансируется за счет их собственных средств – прибыли и амортизации. В результате аккумулируемые предприятиями средства для инвестиций в 3-5 раз меньше объема потребляемого ими основного капитала (износа и выбытия фондов).

В то же время объем внутренних сбережений в стране вполне достаточен для трехкратного увеличения капиталовложений, т.е. для достижения уровня, необходимого для простого воспроизводства основного капитала в реальном секторе экономики. Так, в 1999 г. совокупные сбережения страны составили 31,4% ВВП, тогда как все валовые накопления – 15,1%. Весь же имеющийся в российской экономике совокупный инвестиционный капитал, включая остатки средств на корреспондентских счетах кредитных организаций, средства в валюте на руках граждан (50 млрд долл.), нелегальный отток капитала за рубеж (ежегодно около 20 млрд. долл.) и др., используется менее чем на одну треть (4, с.14).

Рассматривая составляющие экономической политики, необходимой для реализации инвестиционного потенциала России, оппоненты правительственных программ утверждают, что при нынешнем состоянии российской экономики в качестве основного механизма обеспечения роста инвестиций может использоваться только система государственных банков развития. Другие механизмы, прежде всего частные банки и фондовый рынок, могут дополнять первый.

Обосновывая эту точку зрения, авторы отмечают, что российские банки не могут играть главную роль в политике инвестиций прежде всего по причине их дисфункциональности. Большинство коммерческих банков не выполняют свою главную функцию – трансформировать сбережения в производственные инвестиции. С самого начала они развивались как центры финансовых спекуляций. В настоящее время совокупный капитал частных российских банков оценивается в 6,2 млрд. долл. (что сравнимо с капиталом одного крупного зарубежного банка), а их суммарный вклад в финансирование инвестиций в основной капитал не превышает 5%. При этом российские банки работают в своеобразном

институциональном вакууме – отсутствуют институты и инфраструктура, обслуживающие инвестиционный процесс (4, с.16).

Что касается фондового рынка России, то он характеризуется многократно заниженным уровнем капитализации, низким рейтингом корпоративных ценных бумаг. По оценкам специалистов, общая сумма капитализации российского рынка корпоративных ценных бумаг составляет 60-80 млрд. долл., что в два раза меньше суммы капитализации такой компании, как “Кока-кола корпорэйшн”. Сочетание незначительного объема и спекулятивного характера этого рынка обуславливает его нацеленность на обслуживание краткосрочных спекулятивных инвестиций. Таким образом, в ближайшие пять-десять лет фондовый рынок будет иметь, скорее всего, вспомогательное значение в плане привлечения инвестиций в реальный сектор экономики (4, с.21).

Государственные инвестиционные банки, функционирующие как институты развития, должны компенсировать отсутствие эффективно работающего рыночного механизма внутри- и межотраслевого перелива капитала. Такие банки осуществляют целевое кредитование инвестиций под относительно низкий процент в приоритетных с точки зрения государства видах хозяйственной деятельности.

При всем многообразии институтов развития можно выделить два их базисных типа. Первый – это институты, получившие от государства монопольное право на использование тех или иных источников дешевых денежных ресурсов. Например, в Японии государство ограничило максимальный процент по депозитам населения 2%; одновременно оно добивается дешевизны и долгосрочности кредитов, предоставляемых банками развития на цели финансирования приоритетных направлений экономической деятельности. Второй тип институтов развития – это те, которые имеют непосредственный доступ к кредитам эмиссионного центра (обычно, Центрального банка). Преимуществом институтов этого типа является их способность обеспечивать высокие темпы инвестиций независимо от объема сбережений, накапливаемых в экономике.

В российских условиях наиболее эффективной может стать двухуровневая система государственных институтов развития, состоящая из Российского банка развития, реализующего задачу привлечения инвестиций в приоритетные области, и специализированных отраслевых и функциональных банков развития. Решения о создании некоторых из этих банков – Росэксимбанка, Россельхозбанка – уже приняты, но ни один из них как институт развития пока не работает (4, с.21).

Сложившаяся в России структура распределения сбережений позволяет реализовать оба описанных выше механизма финансирования институтов развития – как основанного на привлечении внутренних сбережений, так и использующего кредитные ресурсы Центрального банка России (ЦБР). После финансового краха 1998 г. основная часть сбережений граждан концентрируется в Сбербанке РФ. С учетом этих средств (40% всех накопленных сбережений), а также средств других государственных банков и крупных предприятий государство контролирует не менее половины всех денежных ресурсов банковской системы, которые могут быть использованы для инвестиций. Следовательно, считает С.Ю.Глазьев, можно создать механизм рефинансирования институтов развития, аналогичный действующему в Японии: сбережения населения, аккумулируемые Сбербанком, размещаются в банках развития в пропорциях, устанавливаемых правительством, под его гарантии.

Другой возможной схемой остается рефинансирование банков развития ЦБР. В этом случае потребуется кардинальное изменение технологии управления кредитной эмиссией. Она будет осуществляться ЦБР с учетом необходимости первоочередного кредитования банков развития по нормативам и в пропорциях, устанавливаемых ежегодно законом в составе бюджетного пакета. Кредитование инвестиций через централизованные процедуры денежного предложения, разумеется, не означает восстановления административной технологии распределения капиталовложений. Централизация будет ограничиваться установлением пропорций распределения общих инвестиционных ресурсов государственной инвестиционной системы. Собственно инвестиционные решения принимаются банками развития самостоятельно с соблюдением всех рыночных критериев окупаемости и надежности проектов.

В общем виде предлагаемая С.Ю.Глазьевым система организации денежного предложения и обеспечения инвестиционной активности будет функционировать следующим образом. Денежное предложение осуществляется ЦБР через каналы, обеспечивающие рефинансирование текущей производственной деятельности (с использованием технологии кредитования коммерческих банков под залог векселей производственных предприятий), инвестиций в основной капитал с целью модернизации и расширения производства (через банки развития), внешнеэкономической деятельности (через приобретение иностранной валюты). Параллельно контуру денежного обращения “ЦБР – банки развития – производственные предприятия” действует контур “сбережения населения – Сбербанк – банки развития – производственные

предприятия”. Таким образом, большая часть накапливаемых и вновь создаваемых денежных ресурсов трансформируется в инвестиции, способствуя экономическому росту. По оценкам, данная система позволяет решить задачу утсроения объема инвестиций в основной капитал в течение одного-двух лет (4, с.25-26).

Развитие государственной инвестиционной системы означает усложнение денежно-кредитной политики. Государству придется отказаться от управления денежным предложением посредством формального планирования прироста денежной массы; в первую очередь должен учитываться спрос на деньги со стороны реального сектора экономики. Процентные ставки должны быть существенно снижены, с тем чтобы стимулировать направление денежных потоков в реальный сектор экономики. По мнению С.Ю.Глазьева, реализация этой схемы требует от правительства четкого целеполагания, долгосрочного планирования, прогнозирования развития производства. Требуется также жесткий валютный контроль, поскольку в условиях низких процентных ставок возникает угроза притока на российский рынок спекулятивного валютного капитала (6, с.2).

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

Наиболее четко приоритеты экономической политики государства проявляются в ее бюджетной и макроэкономической составляющей. До последнего времени главной функцией налогово-бюджетного механизма, если судить по структуре бюджетных расходов и налоговых обязательств, было перераспределение национального дохода для обслуживания искусственно раздуваемых государственных обязательств. На основе критического анализа новейших программных документов правительства – “Стратегии развития Российской Федерации до 2010 года” и “Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу” оппоненты этих программ приходят к выводу, что приоритеты бюджетной политики останутся без изменений и в ближайшие годы.

В качестве генеральной целеустановки разработчики бюджета 2001 г. рассматривают достижение нулевого бюджетного дефицита и минимизацию зависимости от внешних заимствований. Очевидно, что это легче всего достигается путем тотального урезания госрасходов, что и становится при такой логике самодовлеющим императивом бюджетной политики. С учетом расходов на погашение госдолга, которые рефинансируются за счет новых займов, совокупные расходы

государства, направляемые в адрес его кредиторов, составляют почти 489 млрд. руб. (более 40% расходной части бюджета). Совокупные платежи по госдолгу превышают расходы: на воспроизводство человеческого капитала – в 2,7 раза; на национальную оборону – в 2,4; на финансируемые из федерального бюджета государственные капиталовложения – в 18,7; на науку и содействие научно-техническому прогрессу – в 24 раза. Резкое сокращение в последние годы финансовой поддержки государством науки во многом обусловило массовую “утечку умов”, ослабление интеллектуального потенциала нации. В этой сфере Россия эволюционирует в противоположном по сравнению с развитыми странами направлении (2, с.4).

По своим макроэкономическим последствиям такая бюджетная политика ведет к сжатию спроса, к ограничению инновационной и подавлению инвестиционной активности, конечным же ее результатом может стать лишь угнетение экономического роста. Специфически российским “новшеством” бюджетной политики стало превращение системы госфинансов в “дойную корову” для финансовых спекулянтов, которые с помощью своих лоббистов в федеральных органах власти отладили “механизмы разграбления казны путем сооружения финансовых пирамид гособязательств”.

В целом, приходится констатировать, пишет С.Ю.Глазьев, что федеральный бюджет фактически утратил свою целевую направленность. “Отсутствие программно-целевого подхода и ответственности за расходование бюджетных средств, произвол в планировании их динамики и отрыв этого планирования от приоритетов социально-экономического развития означают утрату бюджетом своей естественной роли важнейшего инструмента созидательной государственной политики” (2, с.6).

Потенциал факторов, обеспечивших постдефолтное оживление экономики и рост бюджетных доходов в 1999-2000 гг., близок к исчерпанию, если уже не исчерпан. Согласно имеющимся прогнозам ведущих экономических институтов, при отсутствии господдержки экономического роста едва ли стоит ожидать в ближайшие два года годового прироста ВВП более чем на 2-3% против ожидаемых в 2001 г. 5,5% (вследствие нарастающего выбытия производственных мощностей и деградации научно-производственного потенциала страны). Тем более что бюджетом 2001 г. предусматриваются следующие деструктивные акции.

1. Искусственное увеличение платежей по госдолгу посредством приведения к рыночным условиям и продажи на вторичном рынке ранее

реструктурированных гособязательств, находящихся в распоряжении ЦБР, разрешение последнему эмитировать собственные долговые обязательства, а также планируемая эмиссия новых гособязательств на сумму 89,2 млрд. руб. Реализация этой меры стимулирует привлечение инвестиций в развитие производства – прямое их уменьшение превысит 100 млрд.руб.

2. Необоснованное снижение ставок импортных тарифов, их унификация. Помимо прямых потерь бюджетных доходов (50 млрд. руб.) эта мера принесет еще большие косвенные потери, обусловленные снижением конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей.

3. Опережающее повышение цен на энергоносители и услуги естественных монополий. Согласно правительственному прогнозу, рост этих тарифов для промышленных потребителей превысит общий индекс промышленности на 4-5%. Рост цен на энергоносители с мая 1999 г. уже спровоцировал инфляцию издержек, что серьезно ухудшило финансовое положение предприятий обрабатывающей промышленности. Дальнейшее развитие этих тенденций приведет к ослаблению их конкурентоспособности.

4. Снижение объема добычи газа на 2% с одновременным увеличением объема его экспортных поставок на два пункта.

5. Закрепление сложившейся ситуации в банковской системе, продемонстрировавшей свою неспособность обеспечить трансформацию сбережений в инвестиции. В 2001 г. основным источником инвестиций по-прежнему останутся собственные средства предприятий, на долю которых придется 60%; доля же привлеченных предприятиями кредитов коммерческих банков составит примерно 5%. Судя по намечаемому сокращению доли федерального бюджета в финансировании капитальных вложений до 4%, отказу от использования госгарантий и Бюджета развития для стимулирования инвестиций, правительство РФ не планирует действенных мер по достижению необходимых темпов роста капиталовложений.

6. Прогнозируемое падение доли оплаты труда в ВВП до 41% фактически означает отказ от проведения активной политики доходов. Тем самым сохраняется значительная (около 30%) доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, что затрудняет повышение конечного рыночного спроса (2, с.9-10).

Как отмечает С.Ю.Глазьев, при явной недостаточности запланированных мер поддержки экономического роста в бюджете-2001 проигнорированы немалые резервы. Не учтены, в частности,

возможности повышения бюджетных доходов на основе пресечения нелегального вывоза капитала; получения государством природной ренты с добываемых и экспортируемых сырьевых товаров, а также прибыли естественных монополий и части прибыли ЦБР; резкого повышения эффективности использования всего госимущества, в том числе в банковской сфере; усиления госконтроля над рынком алкогольной продукции; отмены необоснованных льгот в таможенном законодательстве. Использование перечисленных источников позволило бы увеличить бюджетные доходы по меньшей мере в полтора раза (5, с. 25-28). Причем эти возможности никак не связаны с повышением налогов; напротив, их реализация позволила бы снизить налоги на труд и производство.

Кроме того, для привлечения дополнительных доходов могут быть повышены налоги на покупку иностранных денежных знаков. Следует также повысить уровень собираемости налогов – рост этого показателя лишь на 1% означает прирост доходов федерального бюджета более чем на 11 млрд. руб. Существуют немалые резервы экономии расходов на обслуживание госдолга (2, с.11-12).

Существующая в России налоговая система и методы ее реформирования также являются предметом серьезной критики со стороны оппонентов правительственных программ. Налоговая реформа, по их мнению, сделана в пользу богатых. 13%-ный подоходный налог никакого реального смысла для подъема экономики не имеет. Для того чтобы налоговая система могла стать одним из механизмов экономического роста, нужно ощутимо снизить налоги на производство и труд, освободить от налогов расходы предприятий из прибыли на инвестиции и на научные исследования. При этом дополнительные доходы бюджета следует брать за счет рентных платежей как наиболее эффективного источника доходов государства. Тем более это очевидно для экономики России, 70% национального дохода которой имеют в качестве источника природную ренту. Согласно имеющимся оценкам, если бы рентные платежи шли в доход бюджета, то его можно было бы увеличить вдвое. На пути такого реформирования налоговой системы стоят крупные частные собственники, завладевшие сырьевыми отраслями в результате приватизации и последовавшего за ней передела собственности (6, с.2).

Критикуя бюджетную политику, нацеленную на эмиссию гособязательств, т.е. увеличение рыночных займов, С.Ю.Глазьев предостерегает: если доходность гособязательств превышает темпы экономического роста, то отдавать долги придется либо ценой

сокращения будущих расходов бюджета, либо путем сооружения “финансовой пирамиды”, чреватой банкротством государства по своим обязательствам. Кроме того, если доходность безрисковых гособязательств превышает среднюю норму рентабельности в производственной сфере, их эмиссия создает труднопреодолимый барьер на пути привлечения производственных инвестиций.

По мнению Л.И.Абалкина, С.Ю.Глазьева и других специалистов, вместо денежной эмиссии, нацеленной на рефинансирование коммерческих банков, которые используют полученные денежные средства преимущественно в целях расширения финансовых спекуляций, экономически более оправданной и инфляционно менее опасной является денежная эмиссия (в том числе в форме нерыночных госзаймов) для поддержки инвестиционной и в целом экономической активности. Инфляционный эффект определяется скоростью обращения денег: проходя через инвестиционные программы, они оборачиваются в среднем не более одного-двух раз в год, тогда как при использовании в финансовых спекуляциях скорость их оборота в десятки раз выше.

Как считает Л.И.Абалкин, при консервировании на протяжении предстоящего десятилетия нынешнего уровня монетизации экономики невозможно решить проблемы долгов и восстановления инвестиционной активности. “Удержание инфляции на минимальном уровне, хотя и важное слагаемое экономической деятельности, но никак не центральный пункт правительственной деятельности” (7, с.32).

В правительственных бюджетных документах отсутствуют какие-либо обоснования отказа от применения нерыночных займов у ЦБР, как нет и аргументов в пользу фактической передачи в его распоряжение всех доходов от реализации госмонополии на денежную эмиссию. Заложенный в проекте бюджета 2001 г. первичный профицит в сумме 243 млрд. руб. (или 3,1% ВВП) необходим правительству для обеспечения центробанковского кредитования операций с гособязательствами и выплаты огромных платежей по госдолгу.

Привлечение нерыночных займов для рефинансирования внутренних правительственных обязательств позволило бы сократить первичный профицит бюджета на 83,7 млрд. руб. В ситуации устойчивой тенденции к росту валютных резервов оправдано также привлечение кредитов ЦБР на цели погашения внешнего долга, что дало бы возможность уменьшить профицит бюджета еще на 156 млрд. руб. Сэкономленные таким образом средства могли бы быть направлены на финансирование НИОКР, госинвестиций, целевых программ социально-экономического развития страны (2, с.14-15).

По мнению С.Ю.Глазьева, в бюджетной и денежной политике России пора отказаться от монетаристской доктрины “Вашингтонского консенсуса”, ограничивающей госконтроль над использованием эмиссионного ресурса. Следование этой доктрине уже очень дорого обошлось стране. Вывоз из страны капитала, платежный кризис, резкое сокращение производственных инвестиций, банкротство государства и глубокое расстройство денежной системы – вот результаты этой политики. Между тем, опыт многих развитых стран, в частности Японии, США, Великобритании, Франции и др., свидетельствует об успешном применении денежной эмиссии для поддержки экономической активности и оздоровления финансовой системы. Эмиссионная деятельность государства должна, разумеется, сопровождаться применением соответствующих банковских технологий, институтов развития, инструментов фондового рынка, механизмов бюджетного контроля и т.п. (2, с.15-16).

Подводя итог анализу общероссийской дискуссии о стратегии экономического развития России, С.Ю.Глазьев отмечает, что проведение грамотной экономической политики при имеющемся в стране научно-производственном потенциале и благоприятной конъюнктуре позволяет достичь темпов экономического роста до 7% и роста инвестиций порядка 25% в год. Но для этого нужна активная государственная поддержка прогрессивных структурных изменений, валютный контроль, стимулирование инноваций, регулирование финансовых потоков и т.д. (6, с.2).

В отношении содержания такой политики в среде многих российских ученых и специалистов достигнуто согласие. Так, в “Заключении по итогам общероссийской дискуссии о стратегии экономического развития России”, подписанном С.Ю.Глазьевым, Д.С.Львовым, С.А.Батчиковым и А.Ю.Мелентьевым, зафиксирована целостная система мер обеспечения указанных темпов экономического роста посредством госстимулирования инвестиционной и инновационной активности, модернизации и структурной перестройки экономики на базе нового технологического уклада.

Вместе с тем, в этом документе отмечается наличие серьезных изъянов и недостатков в правительственных программах развития экономики России, в частности в “Основных направлениях социально-экономической политики Правительства на долгосрочную перспективу”. В их числе: 1) отсутствие необходимых мер по формированию благоприятных макроэкономических условий для роста производства и инвестиций; 2) сохранение дискредитировавших себя методов денежного

планирования и денежно-кредитной политики, повлекших демонетизацию производственной сферы, расстройство денежной системы и финансовый кризис; 3) недостаточность намечаемых мер по повышению инвестиционной и инновационной активности; 4) ошибочная структурная политика, недооценивающая сохранившийся в России научно-технический потенциал; 5) непонимание роли государства в обеспечении развития современной экономики, в стимулировании научно-технического прогресса, создании условий для повышения конкурентоспособности национальной экономики; 6) недооценка возможностей увеличения доходов государственного бюджета, неверная ориентация на дальнейшее сокращение госрасходов на цели развития (7, с.46-47).

Без устранения этих изъянов, отмечается в “Заключении”, нельзя рассчитывать на достижение продекларированных правительством целей экономического развития.

Список литературы

1. Глазьев С. В очередной раз – на те же грабли?: (К оценке “Стратегии развития Российской Федерации до 2010 года” Фонда “Центр стратегических разработок”). // Рос. экон. журн. – М., 2000. – № 5/6. – С.10-41.
2. Глазьев С. Инструментом какой социально-экономической политики быть бюджету-2001? // Там же. – № 9. – С.3-16.
3. Глазьев С. О правительственном плане действий в области социальной политики и модернизации экономики на 2000-2001 годы. // Там же. – № 8. – С.3-9.
4. Глазьев С. Пути преодоления инвестиционного кризиса. // Вопр. экономики. – М., 2000. – № 11. – С.13-26.
5. Глазьев С., Петров Ю. Стратегия экономического развития и увеличение бюджетных доходов: где взять ресурсы? // Рос.экон. журн. – М., 2000. – № 2. – С.17-28.
6. Глазьев С. Экономическая ситуация в России и ее перспективы на 2001 г.: Выступление на семинаре руководителей региональных отделений НПСР 16 февраля 2001 г. // Правда Москвы. – М., 2001. – Март. – № 211. – С.2.
7. Стратегия экономического развития России: По материалам общерос. дискус., проведенной Ком. Госуд. думы по экон. политике и предпринимательству, Отд. экономики РАН, Рос. торгово-фин. союзом и “Рос. Экон. журн.”. // Рос. экон. журн. – М., 2000. – № 7. – С.3-48.

И.Г.МИНЕРВИН

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПУТЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ:
МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ, СХОДСТВО ВЫВОДОВ
(Обзор)**

Экономическая реформа в России, как и в других постсоциалистических странах, судьбы переходной экономики привлекли вполне объяснимое внимание широкого круга западных экономистов, представляющих различные теоретические школы и направления. В их работах анализ путей и проблем, успехов и неудач российских экономических реформ последнего десятилетия дан с различных, подчас противоположных теоретических позиций, а оценки и рекомендации нередко носят противоречивый характер.

Трудно найти компонент реформы или сферу реформируемой экономики России, которые не являлись бы объектом критики со стороны тех или иных ведущих западных экономистов, не подвергающих сомнению ценности рыночной экономики. Однако если на первоначальном этапе переходного периода их взгляды на процесс и перспективы трансформации колебались от положительных и оптимистичных до резко отрицательных, а недостатки зачастую оправдывались трудностями и непоследовательностью проведения реформы, то впоследствии количество критических оценок, включая признание ошибочности многих позиций самих западных специалистов, стало явно преобладать, а их характер углубился. Как заметил профессор Техасского университета Джеймс К. Гэлбрейт, “экономисты США, высказывавшиеся относительно российских проблем, далеко не во всем были правы. Сейчас то время, когда нужны правильные исторические оценки” (5, с. 32).

Круг вопросов, обсуждавшихся западными специалистами, чрезвычайно широк, как широк и спектр проблем, связанных с экономикой переходного периода. Не только практический, но и теоретический интерес к рассматриваемым проблемам определяется в том числе и тем, что знакомство с анализом российской экономической реформы в определенной мере может служить иллюстрацией многообразия теоретических представлений современной экономической науки и их эволюции. Предпринимая попытку представления этих оценок, мы, естественно, рассмотрим лишь основные моменты, более подробно остановившись на проблемах, которые лауреат Нобелевской премии К.Эрроу выделил как главные – факторы времени и роли государственного регулирования (36, с. 76).

ЦЕЛИ И СОДЕРЖАНИЕ РЕФОРМ

Достаточно четко расхождение теоретических позиций представителей неоклассической школы, в основном придерживавшихся положительных оценок, и экономистов других направлений, которые в целом более склонны к критическому подходу, проявилось в анализе различных аспектов реформы, прежде всего ее методов, воплотившихся в “шоковой терапии”. Так, если часть зарубежных экспертов обращали внимание прежде всего на проблемы макроэкономического дисбаланса и монетаристские рецепты их преодоления, то другую группу экономистов объединяет резко отрицательное отношение к радикально-либеральному пути рыночной трансформации в России и его результатам.

Очевидно, что различия в оценках имеют и более глубокую причину – они коренятся в трактовке целей и содержания реформ и процессов экономической трансформации. При сравнении позиций различных экономистов этот вопрос естественным образом возникает одним из первых.

Французский экономист М.Буайе следующим образом проанализировал особенности подходов к экономическим реформам в транзитивной экономике приверженцев неоклассической теории и сторонников регулирования.

1. Неоклассики считают главной целью экономической политики сокращение денежной массы и дефицита госбюджета, тогда как сторонники регулирования рассматривают это сокращение как необходимое, но недостаточное условие оздоровления экономики, предлагая обращать особое внимание на то, чтобы создание новых форм

организации не тормозилось ростом безработицы и экономическим спадом (рецессией).

2. Сторонники неоклассической теории рассматривают рынок как главный (если не единственный) способ координации различных форм деятельности, выступая за минимизацию участия государства в экономике и за скорейшее и полное разрушение “социалистических” форм организации. Сторонники регулирования указывают на многочисленные недостатки рынка, которые должны компенсироваться с помощью политики государства и предлагают перестраивать некоторые прежние координирующие институты, а не уничтожать их полностью.

3. Стратегия перехода к рыночной экономике, по мнению неоклассиков, должна быть направлена прежде всего на стабилизацию денежной системы и внедрение рыночных инноваций, поскольку рынок априори играет конструктивную роль. Сторонники регулирования предлагают в первую очередь создать институты, стимулирующие производство, инновации и новые правила игры.

4. Сторонники неоклассической теории полагают, что процесс реформ может считаться завершенным только тогда, когда структура экономики реформируемых стран будет подобна структуре наиболее развитых стран Запада. По их мнению, на это потребуется не более десяти лет, а успех реформ будет зависеть от того, насколько последовательно реформаторы будут следовать советам западных экономистов. Сторонники регулирования считают, что для этого потребуется не менее двух-трех десятилетий, при этом каждая страна может идти особым путем, выбор которого будет определяться историческим наследием и стратегическими целями. Результатом преобразований может стать смешанная экономика, модели которой могут различаться (40).

Согласно весьма распространенной точке зрения сущность реформы сводится к преобразованию централизованной плановой экономики в рыночную с помощью известной “триады”: либерализация, макроэкономическая стабилизация и приватизация (19). Именно эта программа, предложенная западными экономистами и международными кредитными организациями (“Вашингтонский консенсус”), явившаяся, по определению самих американских специалистов, крайней формой неолиберализма, была взята на вооружение правительством Е.Гайдара.

Этой модели придерживается, например, ведущий представитель неоклассической школы П.Самуэльсон в последнем издании известного учебника, написанного совместно с В.Нордхаусом. По его схеме элементами трансформации в рыночную экономику являются

либерализация цен, ведущая к установлению “свободного определения цен спросом и предложением”, жесткие бюджетные ограничения с целью установления финансовой ответственности предприятий, приватизация, необходимая для принятия экономических решений частными хозяйствующими субъектами (25, с. 751-752). Таким образом, суть реформы фактически сводится к тактическим, или даже инструментальным целям стимулирования экономического роста, выработанным международными финансовыми организациями для стран с развивающимися рынками.

Следует отметить, что именно вокруг этой “триады” развернулась широкая и, подчас, весьма острая дискуссия. Эти задачи, решение которых, по мнению неоклассиков, составляют суть преобразований, по крайней мере на их первом этапе, получившем название “шоковой терапии”, представителями других направлений рассматриваются скорее как необходимый, но не достаточный перечень условий проведения глубоких преобразований, или как средства формирования институциональной системы, адекватной провозглашаемой экономической системе.

“Шоковая терапия” и оценка ее результатов стали своеобразным водоразделом в позициях экономистов. Среди тех, кто поддерживал необходимость “шоковой терапии” в транзитивной экономике, выделяется профессор Гарвардского университета Дж.Сакс, выполнявший функции советника российского правительства (а до этого – правительства Польши). В качестве аргументов он приводил нестабильность политического режима и необходимость быстрых преобразований (57). Оценивая условия и трудности проведения реформы, Дж.Сакс и Д.Липтон, преподаватель Центра У.Уилсона, считали, что опасность экономическим реформам в России несут “всеобщий беспорядок, контратака коммунистов и безразличие Запада” (55, с. 30). В более поздних работах к этому списку добавились ссылки на рентоориентированное поведение, укоренившиеся интересы и трудности их преодоления (18; 46; 53).

Подчеркивалась и опасность инфляции для процесса перехода к рыночной экономике. Оценивая деятельность правительства Е.Гайдара, Дж.Сакс и Д.Липтон отмечали, что в России было начато осуществление радикальной программы приватизации, либерализованы цены и предприняты фундаментальные правовые реформы. Одновременно отмечалось, что гиперинфляция, которая, по их мнению, имела исключительно монетарные корни и могла “превратить этот переход из упорядоченного процесса в опасный хаос”, поставила все это под угрозу

(55, с. 32). Для ликвидации угрозы гиперинфляции предлагались меры монетаристского характера, прежде всего прекращение субсидирования неэффективных предприятий, сокращение бюджетных расходов.

Несмотря на постоянный “рукопашный бой” с противниками, отмечает Дж.Сакс, реформаторы чрезвычайно много добились. Положительными результатами он считает конвертируемость рубля, ослабление системы государственного регулирования и контроля. Приватизация (имелся в виду ее первый этап) создала основу для формирования нового среднего класса и класса предпринимателей, а также для реальной структурной перестройки многих предприятий. Рынок начал работать, хотя и находится в зачаточном состоянии. Дефициты в большей мере устранены. Удалось предотвратить гиперинфляцию. В целом, общее направление реформ было выбрано правильно и при поддержке Запада у России были хорошие перспективы развития капитализма и демократии (56, с. 6; 57).

Первый заместитель исполнительного директора МВФ С.Фишер и сотрудник исследовательского отдела МВФ Р.Сахай, проводя сравнения переходных процессов в различных странах, приходят к выводу, что главные факторы успешности реформ – быстрота и последовательность в их осуществлении. По их мнению, резкое сокращение доходов госбюджета и вынужденное урезание расходов “подорвали способность властей проводить реформы”. Причем именно пример России показывает, что сочетание стойкого бюджетного дефицита и медленных структурных реформ делает невозможной устойчивую стабилизацию. Зато отмечаются успехи в снижении инфляции. При этом специалисты МВФ утверждают, что в первоначальном плане реформ присутствовал ряд важных элементов, в том числе правовая реформа, которые не были реализованы. Также предполагалось, что процессы институциональных реформ и реструктуризации предприятий займут значительно больший период времени (45).

Другая группа экономистов оценивают идею и методы, а также и результаты “шоковой терапии” весьма негативно, многие реформаторские меры, считавшиеся успешно реализованными, рассматриваются ими как ошибки и просчеты, вызвавшие отрицательные последствия и замедление реформ. Прежде всего это относится к спонтанной либерализации цен и мерам монетарной политики, направленной на подавление инфляции. Характерным является высказывание лауреата Нобелевской премии Дж.Тобина, который прямо указывает, что “профессиональные западные советники по вопросам управления переходом посткоммунистических государств к рыночному

капитализму – экономисты, финансисты, руководители бизнеса, политики – способствовали появлению ложных ожиданий. ...Советы давались в одном направлении: демонтируйте инструменты коммунистического контроля и регулирования, приватизируйте предприятия, стабилизируйте финансы, уберите с дороги правительства и наблюдайте, как рыночная экономика вырастет из пепла. Оказалось, что все не так просто” (29, с. 73).

Дж.Тобин отмечал, что финансовая стабилизация, на которой настаивали иностранные советники, на практике означает балансирование государственных бюджетов, ограничение кредитов государственного банка и денежной эмиссии, дерегулирование финансовых сделок и стабилизацию валюты. “Все это, конечно, необходимо для предотвращения или прекращения гиперинфляции. Однако опасной ошибкой является вера в то, что монетарная стабильность представляет собой достаточное условие для оживления производства, перестройки промышленности и достижения необходимой реаллокации ресурсов” (29, с. 71).

По мнению ряда американских специалистов, политика переходного периода, проводившаяся в жизнь в странах бывшего СССР и Восточной Европы, в каждой из них имеет свои особенности, но в целом она не соответствовала уже достигнутому ими достаточно высокому уровню индустриального развития и, в то же время, олигополистической структуре мирового рынка 90-х годов. Конкретно это выразилось в том, что “шоковая терапия” была чрезмерно инфляционной, вызвала стагнацию или коллапс производства, деиндустриализацию значительной части региона (37, с. 31).

Касаясь проблемы инфляции и ее влияния на экономический рост, бывший вице-президент и до января 2000 г. главный экономист Всемирного банка Дж.Стиглиц и сотрудник Института экономического развития при Всемирном банке Д.Эллерман отмечают, что ее сокращение до уровня ниже 20% если и дает, то очень незначительный выигрыш в производительности и экономическом росте, в то время как издержки таких действий весьма велики. Так, чрезмерное ужесточение кредитно-денежной политики послужило одной из причин увеличения неплатежей и бартерного обмена, который может оказаться еще более разрушительным для ценовой системы, чем инфляция. Специалисты Всемирного банка обращают внимание на тот факт, что в странах Центральной и Восточной Европы с наиболее высокими темпами роста были отнюдь не самые низкие показатели инфляции. Таким образом, спад частично связывается с антиинфляционной, а в России и с валютной

политикой. Завышенный валютный курс поддерживался ростовщическими процентными ставками, которые заблокировали инвестиции и предпринимательскую активность. Как и многие другие авторы, Дж.Стиглиц и Д.Эллерман связывают подъем последнего времени (в частности, в импортозамещающих отраслях) с девальвацией 1998 г. (28, с. 9).

В целом ряде работ “монетаристская догма”, согласно которой увеличение денежной массы всегда ведет к инфляции, и рекомендации МВФ были подвергнуты критике. Профессор Массачусетского университета (США) Д.Котц положительно оценил наметившиеся в 1998 г. тенденции к погашению задолженности по заработной плате и пенсиям, а также по платежам поставщикам, и возможность финансирования этих расходов за счет увеличения денежной массы, что, по его мнению, должно привести к росту выпуска товаров. Он отмечал, что основа антикризисной программы состоит, по существу, в отказе от российского неолиберального эксперимента, результатом которого явились многолетнее падение государственных расходов и такое значительное ограничение денежной массы и кредита, что половина всех сделок осуществляется с помощью бартера (14, с. 22).

Многие специалисты предупреждали, что стратегия “шоковой терапии” чревата массовой безработицей и депрессией совокупного спроса, что будет оказывать дестимулирующее воздействие на потенциальных предпринимателей и инвесторов. При этом, в условиях, когда отсутствуют позитивные программы обеспечения занятости высвобождаемых работников, они продолжают использоваться и оплачиваться в устаревших и непроизводительных видах деятельности (29, с. 68).

По мнению профессора экономики и политологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (США) М.Интрилигейтора, “шоковая терапия” как попытка России совершить переход к рыночной экономике потерпела “шокирующий провал” (8, с. 129). Анализируя ее отдельные элементы – стабилизацию, либерализацию, приватизацию (подход СЛП), он отмечает, что они дали результаты, сильно отличающиеся от тех, на которые рассчитывали инициаторы этой политики.

Макроэкономическая стабилизация не только не стабилизировала экономику, но привела к сочетанию спада промышленного производства и инфляции, обесценения рубля и долларизации экономики. Инфляция уничтожила сбережения и не дала возможности подняться среднему классу. Среди других последствий –

истощение инвестиций с вытекающей отсюда эрозией основного капитала и “бегством” накоплений, намного превышающим по своим объемам помощь, полученную Россией от Запада. Либерализация цен привела к тому, что в российской действительности цены вопреки теории устанавливаются не столько рынками, сколько монополиями, мафиозными группировками и коррумпированными чиновниками. Такая либерализация при отсутствии эффективной приватизации и конкуренции ведет не к эффективному производству, а к созданию условий для обогащения лиц, находящихся у власти. Приватизация, в результате которой новыми собственниками оказались бывшие менеджеры госпредприятий, обусловила появление частных монополий с соответствующим монополистическим поведением и стремлением новых собственников к получению личных краткосрочных выгод даже за счет ликвидации активов. Урок, который следует извлечь из российской приватизации: проведение последней без должного правового регулирования и действенной юридической системы создает стимулы не к росту эффективности, а к криминализации экономики (8, с. 131-132).

К этому мнению в той или иной степени присоединяются большое число аналитиков. Профессор Гарвардского университета М.Голдман, стоящий на более умеренных позициях и признающий, что радикальные реформаторы сделали достаточно много для перестройки правовой системы, адаптировав ее к рыночным условиям, отмечает, что они не вняли “предупреждениям бывших советологов относительно того, что шоковая терапия срабатывает должным образом лишь в том случае, когда страна располагает эффективной инфраструктурой и рыночными институтами, включая конкуренцию, механизм банкротства, гражданский кодекс и суды, антимонопольное законодательство”. Они, по его мнению, не совсем ясно представляли, что принятие новых законов отнюдь не означало их обязательного исполнения. На это, как и на освоение новых правил бизнеса, новых норм поведения, изменение культуры предпринимательства требовалось время (2, с. 19-20).

Поэтому “шоковая терапия”, введенная сразу после падения существовавшего строя, обрекалась на неудачу, по крайней мере, отмечает профессор Университета Джорджа Вашингтона (США) П.Реддавей, она была преждевременной. Однако последователи философии “шоковой терапии” и лежащей в ее основе теории рационального выбора, которая игнорирует культурные и исторические факторы как не относящиеся к делу, этого не учли (23, с. 24).

Критики указывали, что либерализация, проводимая до демонополизации и приватизации, неизбежно ведет к опасному

перераспределению доходов, что отрицательно сказывается на объеме и структуре совокупного потребительского спроса, вызывает снижение спроса на отечественную продукцию, а также отрицательно влияет на объем сбережений. Все это усиливает депрессию и затрудняет рыночные реформы.

Проблема заключается в том, что “шокотерапия” разрушила институты социалистической экономики, но не создала институтов экономики рыночной. Возникший вакуум заполнили институты, являющиеся в значительной степени криминальными. М.Интрилигейтор видит выход в альтернативном “подходе ИКП”: институты, конкуренция, правительство. Его эффективность подтверждается опытом Китая, который пошел не столько по пути приватизации госпредприятий, сколько поощрения создания новых частных предприятий (Интр. 1, с. 134).

Американский, в прошлом советский, экономист И.Бирман считает, что при анализе экономических реформ наибольшую трудность представляет оценка степени их результативности, поскольку не выработаны ее критерии, наиболее важным из которых он считает формирование основ капиталистической экономики. Однако российские реформаторы, по его мнению, придают большее значение финансовой стабилизации, темпам инфляции и т.п. Эти критерии важны, но не могут служить главными индикаторами успеха реформ. Более существенны результаты приватизации, скорость проведения реформ, динамика жизненного уровня основной массы населения, а также такие дополнительные показатели, как увеличение численности среднего класса, рост внутреннего производства, масштабы монополизации, внешняя задолженность и т.д.

И.Бирман выделяет следующие “драматические ошибки” монетарной и финансовой политики правительства Е.Гайдара:

- сокращение бюджетных расходов, которое привело к уменьшению количества денег в обращении, кризису неплатежей, ухудшению положения населения, росту доходов мафиозной экономики;
- ограничение сферы государственного управления предприятиями, которые продолжали оставаться в собственности государства;
- “ликвидация” сбережений населения, которая вызвала резкий скачок цен и от которой пострадали миллионы людей (38).

Профессор Новой школы социальных исследований (США) Л.Тэйлор, рассматривая итоги первых лет переходного периода, критикует “господствующую ортодоксию”, отмечая, что лежащий в ее

основе принцип, отвергающий вмешательство государства в рыночные процессы и провозглашающий энергичное осуществление внутренней и внешнеторговой либерализации, не находит исторического подтверждения. Ни одной экономике не удалось достичь в таком режиме устойчивого роста производства. По его мнению, разумное государственное вмешательство в рыночные процессы – начиная с проблем макроэкономического управления и кончая политикой роста – в переходный период абсолютно необходимо. “Максимум, достижимый на основе ортодоксальной политики, – подготовка почвы для лучшего функционирования экономики путем избавления от крайне деформированной системы цен и подталкивания правительства к фискальной честности. Но этого недостаточно для подавления инфляции или обеспечения роста производства при справедливом распределении доходов” (30, с. 87).

Развернутый анализ “шоковой терапии” содержится в докладе группы американских экономистов (37), а также в работах Дж.Стиглица (26; 27; 28) и многих других (48).

Дж.Стиглиц видит главные недостатки подхода, воплощенного в “Вашингтонском консенсусе”, в использовании ограниченного набора инструментов (включающего макроэкономическую стабилизацию, либерализацию торговли и приватизацию) для достижения относительно узкой цели – экономического роста, в его недостаточности и отсутствии комплексности, игнорировании таких факторов, как наличие надежных финансовых рынков и действенное финансовое регулирование; политика, направленная на поддержание конкуренции; меры по стимулированию передачи технологии и усилению “прозрачности” рынков и многие другие. Если экономика не конкурентоспособна, отмечает Дж.Стиглиц, выигрыш от либерализации и приватизации будет растрочен из-за рентоориентированного поведения, а не направлен на создание общественного богатства. Если государственные инвестиции в человеческий капитал и передачу технологий окажутся недостаточными, рынок не сможет восполнить их нехватку (26, с. 34). Дж.Стиглиц отстаивает позицию, согласно которой макроэкономическая политика не должна сводиться к одностороннему упору на ограничение инфляции и бюджетного дефицита. По его мнению, “нельзя путать средства и цели; главное – формирование соответствующей системы регулирования, а не финансовая либерализация”. Более того, экономические результаты обусловлены не столько проводимой экономической политикой, сколько качеством институциональной системы. “Именно институты определяют ту среду, в которой функционируют рынки” (26, с. 4, 20, 30, 31).

Исследование, проведенное Всемирным банком, также показало, что успехи экономического роста связаны не только с макроэкономической стабилизацией или приватизацией. Необходимы, в частности, надежная финансовая система, в создании и поддержании которой велика роль государства, эффективное распределение финансовых ресурсов, эффективная инвестиционная и конкурентная политика и многое другое.

Оценивая итоги политики макроэкономической стабилизации, специалисты сходятся в том, что нельзя сводить ее исключительно к поддержанию относительного финансового равновесия с помощью контроля над денежным предложением, балансирования государственного бюджета преимущественно за счет сокращения его расходов, сдерживания инфляции. Лауреат Нобелевской премии Л.Клейн считает обязательными критериями стабилизации также высокий уровень занятости, стабильно высокие темпы роста на уровне не менее 5% в год, справедливое распределение доходов и собственности, обеспечение населения основными видами социальных услуг (11, с. 34).

Что касается борьбы с инфляцией, то, по мнению Л.Тэйлора, ее нельзя отрывать от мер по обеспечению роста производства. Это мнение, отличное от шаблонного, по его выражению, подхода, разделяется большинством авторов. При этом стратегия роста должна основываться на развитии внутреннего рынка, использовании национальных ресурсов и национального спроса. Исторический опыт свидетельствует о том, что даже страны с открытой экономикой, где были созданы условия для сбережений, инвестиций, освоения новых технологий и роста в частном секторе, не отдали эти процессы на откуп нерегулируемому рыночному режиму (30, с. 90).

Профессор Гарвардского университета (США) и Коллегиум Будапешт (Венгрия) Я.Корнай, подвергший определенной переоценке свои первоначальные взгляды на проблемы макроэкономической стабилизации, признает, что слишком много внимания уделялось тому, чего можно достичь быстро, реализуя “пакет” радикальных мер, и слишком мало – тому, как укрепить достигнутое и обеспечить долговременное улучшение. Говоря о неустойчивости макроэкономической ситуации в России и других странах с переходной экономикой, он подчеркивает: чтобы рост был устойчивым, необходима глубокая, всеобъемлющая программа институциональных реформ. Легко улучшить состояние бюджета, повысив ставки налогов, но для длительного улучшения ситуации требуются радикальная налоговая реформа, расширение базы налогообложения, работоспособная система

сбора налогов, а также реформа государственных расходов. Относительно легко объявить национальную валюту конвертируемой, но намного труднее организовать эффективную систему международных расчетов, наладить тесные связи между отечественной и международной банковскими системами и гарантировать соблюдение международных платежных соглашений. Проблема заключается не в темпах и не в степени радикальности реформ и даже не в выборе главного направления. В России, отмечает Я.Корнаи, не было создано институциональной системы для поддержания и укрепления макроэкономического равновесия. “Институциональные реформы можно проводить лишь шаг за шагом, сериями больших и малых блоков” (13, с. 53-54). Эти аспекты анализа получили развитие в работах экономистов применительно ко всему комплексу проблем переходной экономики в концепциях “градуализма” и “инкрементализма”.

Многие аналитики обращают внимание на тот факт, что “шоковая терапия” фактически была осуществлена за счет основной массы общества, в ущерб его благосостоянию. Об этом свидетельствуют такие явления, не укрывшиеся от внимания западных исследователей, как падение реальной заработной платы и уровня жизни, сокращение средней продолжительности жизни и др. М.Интрилигейтор, например, отмечает, что снижения уровня инфляции в России удалось добиться большей частью за счет невыплаты заработной платы. По его мнению, экономический упадок в России может привести к социальной и политической нестабильности и даже возвращению своего рода авторитарного управления (9, с. 123).

Все это в конечном итоге отразилось и на самих реформах. Как отмечают американские эксперты, важнейшая черта экономики переходного периода состояла в снижении реальной заработной платы, одним из последствий которого стало резкое и длительное падение экономической активности. Оно оказалось намного серьезнее, чем предсказывали экономисты, и не могло быть объяснено лишь крушением командной системы. За счет массивного перераспределения доходов, вызванного либерализацией цен и инфляцией, возникли динамичные изменения совокупного спроса, которых не предвидели реформаторы. Вместе с сокращением реальных доходов внутренний спрос упал до неожиданно низкого уровня. “Ирония судьбы заключалась в том, что в результате падения реальных доходов предприятия лишились рынков для своей продукции. Соответственно, совокупный внутренний продукт упал значительно ниже потенциального предложения... Полученное в итоге сочетание инфляции (вызванной как ростом издержек, так и ростом

заработной платы) и падения производства означает, что стагнация в ее крайней форме, очевидно, сохранится, тогда как комплексные производственные связи, созданные на протяжении десятилетий планового хозяйства, продолжают разрушаться” (37, с. 34, 35).

Профессор Университета штата Мичиган Т.Вайскопф, осуждая “шоковую терапию”, подчеркивал, что экономическая стратегия должна включать такой процесс либерализации и стабилизации, который не допускает падения спроса на отечественную продукцию и ограничивает усиление неравенства в покупательных способностях различных слоев населения (58).

От западных наблюдателей с самого начала не укрылся упрощенный подход к проблемам и условиям становления, функционирования и регулирования рыночной экономики. Некоторые из них предупреждали, что проведение такого подхода в жизнь может навсегда свести постсоциалистические страны, переживающие переходный период, к положению слаборазвитой периферии мирового хозяйства и вызвать острые социальные конфликты. “Предпринимательство может принять форму вымогательства с использованием угрозы насилия. Увы, кажется, именно такой тип капитализма процветает в России”, – отмечает Дж.Тобин (29, с. 73). Даже умеренные оппоненты проводимой стратегии и тактики реформ отмечают, что “в Россию пришел грубый, необузданный” вариант капитализма, который “без введения какого-либо контроля и сдерживания в виде конкуренции и государственного регулирования отнюдь не лучше старой централизованной плановой системы” (2, с. 24).

В соответствующих оценках и определениях нет недостатка. Американские специалисты Э.Эмсен, М.Интрилигейтор, Р.Макинтайр и Л.Тэйлор подчеркивают, что “рыночный фундаментализм”, взятый на вооружение архитекторами трансформации, однозначно рассматривавшими наследие социализма как чистый пассив и отвергавшими его целиком по идеологическим соображениям, имел результатом примитивный капиталистический эксперимент из времен XVIII в. Но в современных условиях конкуренции и технического прогресса эта модель свободного рынка просто не соответствует подобным задачам. “По историческим меркам то, что они пытались сконструировать, уже устарело. Выбор в качестве модели крайней, примитивной формы рыночной экономики так и не заложил фундамент для перехода к современной капиталистической экономике” (37, с. 32).

Подобную оценку разделяет и даже еще более обостряет другой американский экономист, профессор Колумбийского университета

Р.Эриксон, который определяет постсоветскую экономическую систему как “индустриальный феодализм”, напоминающий экономические отношения в средневековой Западной Европе на новой технологической базе (дезинтеграция государства, обособленность хозяйств и регионов, фрагментарная структура рынков, неопределенность прав собственности, роль личностных связей и др.). Она унаследовала многие политические, социальные и экономические характеристики советской системы и представляется как ее своеобразный мутант, результат ее естественной реакции на радикальную реформу, направленную на создание основ современной рыночной экономики. Такая система неэффективна с точки зрения экономического роста и может потребоваться значительно больше времени, чем ожидалось, для создания институтов современной рыночной экономики (42, с. 135, 153).

В особенно резкой форме сходную точку зрения выразил бельгийский экономист Ж.Нажельс, который еще в 1991 г. употребил термин “дикий капитализм” применительно к той экономической ситуации, которую наблюдал в транзитивных странах (49). “Дикий капитализм” характеризуется абсолютным доверием к законам рыночной экономики в ее чистом виде, когда любое государственное вмешательство рассматривается как нарушение саморегулирующихся рыночных механизмов. Негативные социальные последствия рыночного регулирования считаются той ценой, которую, якобы, следует платить за повышение эффективности экономики. Если отмена государственных субсидий вызовет рост цен, то, по мнению сторонников “чистого” рынка, это уменьшит объем спроса и приведет к восстановлению равновесия, а крах слабых предприятий только оздоровит экономику. Такова в общих чертах, по мнению Ж.Нажельса, экономическая доктрина “дикого капитализма”, который ведет к усилению различий в доходах, порождает серьезные социальные и региональные диспропорции (49, с. 274).

Л.Клейн отмечает, что в самой теоретической постановке вопроса архитекторами рыночных реформ, отвергавшей в переходный период все элементы социализма, “понятиям социального равенства, справедливости при распределении богатства отводится второстепенная роль” (11, с. 32). Эту же мысль развивает П.Реддавей. Крупномасштабная приватизация, пишет он, была осуществлена методами, которые, если не в теории, то на практике, игнорировали социальную справедливость. В результате значительная часть активов по дешевке была приобретена директорами бывших государственных предприятий, а также предпринимателями, вышедшими из теневой экономики и имевшими тесные связи с коррумпированной верхушкой. Особенно важными

оказались события 1995 г., когда с помощью схемы кредитов под залог акций финансовым олигархам была дана возможность присвоить важнейшие государственные активы при минимальных или нулевых затратах (23, с. 25).

Между тем Л.Клейн обращает внимание на важность социального аспекта для конечного результата. Быстрое возникновение крайне неравномерного распределения доходов и имущества, сопряженное с ускоренной приватизацией и введением рыночного механизма, “нежелательно, поскольку для нормального функционирования системы как в период перехода, так и после него необходимо сотрудничество совместно работающих людей. Примечательной чертой успешно развивающихся стран Азии является достижение ими показателей относительно справедливого распределения доходов и имущества” (11, с. 35).

Добавим, что такая ситуация чревата и другими весьма далеко идущими последствиями, а именно подрывом человеческого капитала, его бегством из наукоемких отраслей, составляющих потенциал будущего развития экономики страны, и даже из нее самой, о чем убедительно говорят М.Интрилигейтор и его соавторы (10).

Неизбежно возникает вопрос, каковы же результаты десятилетнего реформирования. Фактически единственным положительным моментом “шоковой терапии” признается то, что она обеспечила невозможность возврата к старой экономической системе. В то же время успешная реализация тех инструментальных задач, которые составляли сущность трансформации согласно концепции “Вашингтонского консенсуса” и радикальных реформаторов (снижение инфляции, ликвидация бюджетного дефицита, полная либерализация внутренней и внешней торговли, осуществление массовой приватизации, даже с учетом намечившегося в 2000 г. экономического роста), является лучшим доказательством их ограниченности. Согласно Дж.Стиглицу, набор необходимых инструментов и целей развития значительно шире того, что предлагалось “Вашингтонским консенсусом”. Целями развития являются повышение уровня жизни, в том числе улучшение систем здравоохранения и образования, сохранение природных ресурсов и окружающей среды, развитие демократии и участия в процессе принятия решений (26, с. 31). Если выразить сущность реформы другой триадой: “рыночная экономика – эффективность – экономический рост”, то оценки, естественно, будут другими.

Профессор А.Ослунд (Фонд Карнеги за международный мир), ставший одним из соавторов и защитников программы радикальных

реформ, придерживается точки зрения, что, учитывая демократизацию государства, ликвидацию государственной собственности и бюрократической координации, распределение ресурсов на основе рыночных принципов, монетизацию экономики и ужесточение бюджетных ограничений, российская экономика уже стала рыночной (19). Однако в этом вопросе мнения экономистов коренным образом расходятся. Те аргументы и критерии, которые используются одними экономистами для доказательства успешности реформы, другими рассматриваются либо как по меньшей мере спорные, либо как не являющиеся доказательством существования рыночной экономики.

Большинство придерживается точки зрения о явной преждевременности подобного вывода, доказывая это с помощью различных аргументов, прежде всего анализа сущности рыночной экономики. Сам А.Ослунд, возвращаясь в работе, опубликованной в 1999 г., к этому вопросу, вынужден признать, что основными пунктами повестки дня были дерегулирование, стабилизация и приватизация, но окончательные выводы относительно этого содержания реформ сделать невозможно, поскольку слишком мало было фактически проведено в жизнь (53, с. 121). По мнению Р.Эриксона, А.Ослунд показал лишь то, что командная экономика действительно разрушена, но это вовсе не означает, что структура и функционирование российской экономики соответствуют рыночной системе (42, с. 153).

“Шоковая терапия” открыла путь иным способам регулирования макроэкономических процессов, отличным от бюрократической координации, но вовсе не обязательно рыночным. Разрыв с прошлым еще не означает, что распределение ресурсов осуществляется по рыночным законам и ценам, стабилизация денежной системы не ликвидировала краткосрочных спекуляций и утечку капиталов и не стимулировала инвестиции, рынки капиталов не сложились и не способны привлекать инвесторов, дисциплинировать менеджеров, финансировать домашние хозяйства и обеспечивать формирование новых предприятий и т.д.

Главный аргумент в пользу таких оценок – отсутствие конкуренции. “Ни либерализация экономики, ни стабилизация, ни приватизация... не смогли привести Россию к рыночной экономике”, – отмечает профессор Университета Пьера Мендес-Франса (Гренобль, Франция) И.Самсон (24, с. 129). Он доказывает это, проводя различие между монетарной экономикой и рыночной экономикой, сводя, однако, это различие в конечном счете опять-таки к конкуренции. “Если “капитализм” характеризуется господством рентных отношений, отсутст-

вием конкуренции и взаимовлиянием власти и экономики, что тогда остается от рыночной экономики?”, – спрашивает И.Самсон (24, с. 129).

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Среди всего комплекса проблем транзитивной экономики реформа собственности вызывает, пожалуй, наиболее масштабную дискуссию. В этом вопросе расхождения во взглядах на цели и методы проведения реформ проявились весьма наглядно. Прежде всего следует отметить различную оценку значимости приватизации в процессе реформирования российской экономики.

Многие специалисты, прежде всего сторонники “Вашингтонского консенсуса” и “шоковой терапии” (Дж.Сакс, А.Ослунд, А.Шлейфер, Р.Вишни, А.Робинсон, Л.Боултон и др.) (57; 19; 33; 52; 39), считали приватизацию стержнем всей программы реформ, призывали к ее масштабному проведению и использованию опыта западных стран, обосновывая необходимость одновременного введения рыночной системы и превращения государственных предприятий в частные. При этом одним из главных аргументов в пользу ускоренной приватизации служило утверждение, что частные предприятия всегда более эффективны, чем государственные, следовательно, приватизация должна явиться важнейшим средством перераспределения ресурсов, улучшения управления и общего повышения эффективности экономики.

Однако они понимали, что приватизация столкнется с определенными трудностями. В их числе указывалось на отсутствие рыночной инфраструктуры, в частности рынка капитала, и неразвитость банковской сферы, отсутствие достаточных инвестиций, управленческих и предпринимательских навыков, сопротивление со стороны управляющих и работников, проблемы “номенклатурной приватизации”, несовершенство законодательной базы, в том числе в области налогообложения. Сторонники энергичной приватизации отмечали, что она проводится в условиях высокой инфляции и низких темпов роста и приводит к массовой безработице. Указывалось также на непоследовательность реформ и отсутствие четких гарантий и условий реализации прав собственности, необходимость реформирования банковского сектора, пенсионной системы, создания действенного фондового рынка. Важным представляется мнение многих экспертов о необходимости предварительных условий для успешной приватизации, а именно проведения макроэкономических реформ и создания деловой (предпринимательской) культуры в стране (6, с. 7). Для этой группы специалистов

характерно мнение о целесообразности в условиях России широкого привлечения западных инвесторов, кредиторов и консультантов для успешного проведения мероприятий в области приватизации.

По мнению многих специалистов, в условиях нехватки частного капитала выбор сводился к: а) нахождению формы перераспределения государственной собственности между гражданами; б) выбору немногих владельцев частного капитала (приобретенного зачастую незаконным путем); в) обращению к иностранному капиталу с учетом ограничительных мер.

Сторонники радикальной приватизации указывают как на недостатки на то, что государство по-прежнему владеет землей и большим количеством предприятий, а также контролирует значительное число акций предприятий, приватизированных номинально или находящихся формально в собственности работников. И.Бирман называет их “индустриальными госхозами”. По его мнению, приватизация “по Чубайсу” это скорее разгосударствление, чем реальная приватизация. Приватизация должна была создать многочисленный класс частных собственников, а вместо этого появились “богатейшие монстры”, образовавшие союз с номенклатурой. Роль государства остается чрезмерной, производители по-прежнему имеют больше стимулов воровать, чем производить, монополия производителей не ликвидирована, малый бизнес развивается очень слабо (38, с. 742).

Американские специалисты А.Шлейфер и Р.Вишни на основе изучения положения дел на первоначальном этапе приватизации охарактеризовали ее как “спонтанную”. Они отмечали, что права собственности были неформально перераспределены среди ограниченного круга институциональных субъектов, таких, как партийно-государственный аппарат, отраслевые министерства, местные власти, трудовые коллективы и администрация предприятий. Отсюда – неизбежность конфликтов, причина которых кроется в пересечении контрольных прав таких совладельцев, наличии многих субъектов собственности с неопределенными правами владения. Реальной приватизацией, по мнению авторов, является перераспределение прав контроля за активами госпредприятий с обязательным закреплением имущественных прав собственников. В связи с этим они предлагали проведение широкомасштабного акционирования предприятий (33). Следует отметить, что дальнейшее развитие событий в значительной мере пошло по этому пути. Крупные государственные предприятия были превращены в акционерные компании, происходил процесс фактического перераспределения собственности.

Ваучерная приватизация была подвергнута критике в целом ряде работ (27; 35; 37; 3). По мнению Т.Вайскопфа, система ваучеров, имеющая целью равное распределение акционерного капитала между населением страны, возможно и неплоха, но при этом должны существовать механизмы, гарантирующие недопущение концентрации акционерного капитала в руках “богатого меньшинства” (58). Однако на деле непродуманная приватизация передала имущество по сути процветающей страны в руки коррумпированной политически мощной элиты (21, с. 60).

Эту точку зрения разделяют многие другие аналитики. И.Самсон отмечает, что российская массовая приватизация, начатая с целью ликвидации старой экономической власти и ускорения реструктуризации предприятий, не дала желаемых результатов, а привела к чрезвычайной концентрации собственности, причем в России это явление, обычное для процесса массовой приватизации, приняло особо крупные размеры. В результате трансформации старых министерств и относящихся к ним ведомственных банков возникла мощнейшая финансовая олигархия. “Собственность, – пишет И.Самсон, – это институт, который не меняется ни одним декретом, ни одномоментно. Если в экономике попытаться слишком поспешно повсюду насаждать частную собственность через массовую приватизацию, то она быстро сконцентрируется там, где есть экономическая власть” (24, с. 126). К такому же выводу пришли специалисты Европейского банка реконструкции и развития, по мнению которых, программа приватизации не смогла обеспечить ни улучшение экономических показателей предприятий, ни экономический рост, поэтому необходимо создавать новые законы и рыночные институты, стимулирующие конкуренцию и подавляющие коррупцию (24).

Наиболее резкую точку зрения высказал Д.Эллерман. По его мнению, посредством ваучеров приватизировали акции, а не компании, а в основе ваучеризации лежали политические мотивы. Массовый фондовый рынок социализирует компании, а не приватизирует их, в результате крупные компании США фактически стали “социальными институтами”. “Тем не менее странам постсоциалистического мира внушают, что эти компании – образец организации, “основанной на частной собственности” (35, с. 103, 104, 108).

Профессор Института макроэкономической политики (США) М.Поумер отмечает, что импульсивная по замыслу приватизация была проведена безответственно, что способствовало укреплению позиций некомпетентных (а зачастую и коррумпированных) менеджеров, подрыву потенциала долгосрочных инвестиций (22, с. 103).

Однако критике подвергаются не только методы проведения приватизации, но и сама ее суть. Так, А.Этциони вообще не считает приватизацию способом формирования новой экономики, в том числе создания среднего класса. Относясь скептически к приватизации крупных государственных предприятий, он считает более эффективным с точки зрения стратегии реформы создание новых частных производств или приватизацию мелких предприятий (43). Английский экономист С.Кларк, подчеркивая идеологическое значение приватизации, считал ее скорее ставкой в политической борьбе и средством реализации корпоративных интересов, чем реальным действием, направленным на создание рыночной структуры (41).

В принципе, того же мнения придерживается и К.Эрроу. “Обычно считают, – пишет он – что приватизация обязательно сопутствует рыночной системе. Однако это положение логически выходит за рамки признания ценового механизма или даже рынков. ...Разумеется, приватизация в соответствующих институциональных условиях обеспечивает жизнеспособность рынков. Можно принять как должное, что приватизация большей части промышленности является долгосрочной потребностью с точки зрения создания устойчивой системы рынков. Но следует тщательно выверить темпы приватизации и, что, возможно, еще важнее, пути ее осуществления” (36, с. 77, 81).

К.Эрроу приходит к выводу, что, с одной стороны, приватизация существенна для рыночной системы в долгосрочном плане и помимо этого обеспечивает необходимое доверие к необратимости движения к рыночной системе. С другой — она рождает много проблем и должна проводиться только умеренными темпами. Причинами тому являются очень медленные темпы накопления сбережений, необходимых для частного приобретения производств; отсутствие реальной продажной цены последних, для определения которой потребуются длительная и устойчивая работа рынка; необходимость реструктурирования производственного сектора до начала его распродажи с целью устранения монопольного наследия централизованной экономики, поскольку монополия несовместима с работой рыночной системы (36, с. 82).

Некоторые специалисты указывали, что при отсутствии частного капитала и инфраструктурных предпосылок рациональным был бы путь постепенных реформ, особенно по отношению к крупным предприятиям. Обращая внимание на особые трудности процесса приватизации в России в силу определенных исторически сложившихся причин, М.Голдман отмечал, что поспешная приватизация государственных предприятий

имела тяжелые последствия. При отсутствии необходимой нормативной базы, практики учета, процедуры банкротства и при отказе от планирования она привела к анархическим проявлениям в сфере торговли и промышленности (2, с. 20; 3, с. 25). Справедливо указывалось и на нерешенность проблемы создания конкурентной среды, без которой приватизация как таковая не может быть эффективной, если она имеет целью не только краткосрочное пополнение государственной казны за счет распродажи госсобственности. Только при наличии конкурентной инфраструктуры можно предпринимать шаги по приватизации более крупных госпредприятий, считает М.Голдман (3, с. 23). Именно конкуренция, а не частная собственность, подчеркивает М.Интрилигейтор, является “секретом рыночной экономики”. Приватизированные монополии хуже монополий, находящихся в собственности государства, поскольку они практически не подвержены эффективному государственному регулированию (8, с. 134).

Дж.Стиглиц рассматривает частную собственность и конкуренцию как “сиамских близнецов”, подчеркивая при этом, что “приватизацию превратили в главный фетиш”, в то время как политика конкуренции и другие меры рыночного регулирования оказались чем-то второстепенным. “Западные советники сделали акцент не на политике конкуренции, а на других вопросах, таких, как скорость приватизации” (27, с. 24).

В одной из своих статей Дж.Стиглиц делает еще более категоричный вывод: опыт Китая и России демонстрирует, что конкуренция более важна для успешного экономического развития, чем форма собственности. Из сравнения этого опыта вытекает важный вывод для политической экономии приватизации и конкуренции. В ходе приватизации монополий оказалось очень сложно предотвратить коррупцию и появление других проблем. Огромные рентные доходы, возникающие при приватизации, способствуют тому, что предприниматели предпочитают получать контроль над приватизируемыми предприятиями, а не инвестировать в создание своих собственных фирм. Напротив, политика содействия конкуренции нередко уменьшает рентные доходы и усиливает стимулы к созданию богатства. Важное значение имеет также и очередность проведения приватизации и мер регулирования (26, с. 24).

Ставится вопрос и о роли приватизации в преодолении синдрома мягких бюджетных ограничений, направленном на повышение эффективности функционирования предприятий и усиление рыночных механизмов. Во многих программах и рекомендациях специалистов эта

проблема рассматривалась как ключевая, а изменения в собственности – как наиболее радикальный способ ее решения. Теоретический вывод о том, что проведение приватизации государственных предприятий способствует ужесточению бюджетных ограничений, не подвергается сомнению. Однако реально сложившаяся в России структура собственности не привела к ожидаемому результату. В то же время существует мнение, что общественная собственность и жесткие бюджетные ограничения совместимы.

По мнению Я.Корнаи, ситуация зависит от соотношения частного и государственного секторов. Как показывают эмпирические исследования, когда в экономике начинает доминировать частный сектор, остающимся государственным предприятиям можно предоставить большую автономию и ужесточить их бюджетные ограничения. Одновременно он указывает и на другие меры, приводящие к ликвидации или минимизации синдрома мягких бюджетных ограничений, среди которых принятие современной бухгалтерской отчетности и банковского законодательства, ограничивающих возможности сокрытия убытков и безответственное предоставление кредитов; сокращение бюджетных субсидий и отказ от налоговых льгот или резкое их ограничение; введение и исполнение законов о банкротстве; борьба с проявлениями монополизма; ограничение сферы действия административного ценообразования; децентрализация государственных учреждений там, где это возможно, включая процедуры принятия бюджетных решений (13, с. 44-45).

По мнению специалистов Ноттингемского университета (Великобритания), в отраслях высокой технологии и тяжелой промышленности необходимость и целесообразность приватизации должна определяться направлениями государственной научно-технической политики, спецификой производства, решением вопросов военно-политического и стратегического характера. Главными задачами приватизации в России, по их мнению, являются привлечение капиталовложений в наиболее эффективные отрасли и обеспечение за счет этого технического перевооружения ряда устаревших предприятий в других отраслях и роста общественной производительности труда (44). Наряду с этим ряд специалистов отдавали приоритет развитию легкой промышленности и предприятиям среднего размера, где небольшие первоначальные капиталовложения дают большой прирост производства (51).

Оценка приватизации связана и с проблемой разделения собственности и управления и эффективного контроля собственников

над управлением предприятием, о которой писали Кейнс, Берле и Минз и которая в настоящее время находится в поле зрения теории агентских отношений. Ряд специалистов считают, что вопросам корпоративного управления вообще не было уделено достаточного внимания, а идея контролирующего инвестиционного фонда, содержащаяся в модели ваучерной приватизации, вообще потерпела провал (27, с. 15). Однако здесь также сталкиваются различные мнения. Согласно радикальной точке зрения, привлечение внешних акционеров улучшает работу предприятия и более эффективно, чем контроль со стороны менеджмента и занятых. Представители другой точки зрения считают, что англо-американская система привлечения внешних акционеров через рынок ценных бумаг является менее эффективной, чем характерная для Германии и Японии система, предполагающая привлечение к управлению предприятием занятых на нем, а также контроль со стороны банков, предоставляющих кредит.

Профессор Высшей школы социальных наук (Франция) Б.Шаванс отмечает, что капитализм управляющих, или “корпоративная экономика”, гораздо более распространен в современном мире, чем “частнособственнический капитализм” XIX в. При этом европейские страны, Япония и азиатские страны обладают существенной спецификой, поэтому в анализе корпоративного управления никак нельзя ограничиваться американским опытом. В трансформирующейся экономике нарушения взаимоотношений собственников капитала и менеджеров могут быть результатом особых условий, например, недостаточных возможностей и компетенции банков, с одной стороны, и унаследованных образцов поведения менеджеров – с другой. Поэтому чрезвычайно важно их совместное “обучение” (32, с. 22-23).

Как полагает Т.Вайскопф, в условиях России, где совершенно неразвиты рынки капитала, ограничена мобильность рабочей силы, трудно представить себе, чтобы работал именно тот механизм перестройки промышленности, который в высшей степени зависит от мобильности капитала и труда. Целесообразней было бы создать стимулы и возможности совершенствования деятельности предприятий силами администрации и рабочих, а не привлекать внешних акционеров (58). К такому же выводу приходит Дж.Стиглиц, мотивируя его целесообразностью сокращения агентских цепей (27, с. 16). Однако, как показала практика, в силу ряда причин и такая форма приватизации (“заинтересованными лицами”) в условиях России нередко приводила к печальным последствиям. Как указывали специалисты, приватизация здесь может столкнуться с дезинвестиционными мерами и коррупцией со

стороны некоторых руководящих работников (44). В условиях России переход государственных предприятий (кроме мелкого производства и сферы услуг) в собственность “подлинных капиталистов”, т.е. обладающих “капиталом”, подразумевающим в широком смысле не только финансовые средства, но также и профессиональную и личностную квалификацию, был, по существу, невозможен (37, с. 20). По мнению С.Кларка, приватизация вообще не гарантирует демократизации производства, а лишь создает базу для борьбы за контроль (41).

Многие аналитики считают, что альтернативой приватизации в качестве пути к рыночной экономике является создание новых предприятий. Действительно, формирование столь важной для рыночной экономики конкурентной среды предполагает содействие созданию новых предприятий – субъектов конкурентных отношений. Перечисляя преимущества этого пути, М.Интрилигейтор указывает на первостепенную задачу формирования “новой экономики вместо создания подпорок для старой”, поиск компетентных и честных управляющих, использование существующих активов, вместо их растративания и т.д. (9, с. 127). По мнению М.Голдмана, в результате одной только приватизации (без одновременного создания сети новых, конкурирующих с приватизированными предприятиями) в стране появилось множество частных предприятий-монополистов, что отнюдь не является предпосылкой развития здоровой экономики. Неудача в самом начале с формированием крупного сектора новых предприятий привела к значительным отрицательным последствиям, в том числе облегчила мафиозным группам захват контроля над значительной частью государственного имущества. “Основная проблема сегодня, как и в 1992 г., заключается в создании инфраструктуры, способствующей развитию конкуренции (2, с. 20, 21, 23). К.Эрроу напоминает, что “при капитализме расширение и даже поддержание на прежнем уровне предложения часто принимает форму вхождения в отрасль новых фирм, а не развития или простого воспроизводства старых; это относится в особенности к мелкой и низкокапиталоемкой промышленности”. Что касается приватизации тяжелой промышленности, то этот процесс должен быть по необходимости медленным, но и здесь “приоритетная задача – не передача имеющихся капитальных активов и предприятий в частные руки, а постепенная замена их новыми активами и новыми предприятиями (36, с. 83-84).

Таким образом, одна из насущных задач переходного периода состоит в увеличении количества предприятий всех уровней, активизации предпринимательской инициативы. По мнению

М.Голдмана, вместо быстрой ваучерной приватизации следовало направить усилия на стимулирование создания новых предприятий и формирование рынка с соответствующей инфраструктурой, отличающейся прозрачностью, наличием правил игры, нужных специалистов и хозяйственного законодательства (3, с. 24).

В этой связи встает вопрос о создании в стране необходимого предпринимательского климата, стимулирования развития мелкого и среднего бизнеса, устранении бюрократических преград. Специалисты отмечают далеко не удовлетворительное состояние дел в этой области и отсутствие оснований ожидать его улучшения, о чем говорит замедление роста и даже сокращение числа предприятий уже с середины 90-х годов, а также количество убыточных предприятий. Следовало (как например, в Польше или Китае) всячески содействовать формированию сектора новых предприятий, стимулировать частных предпринимателей, розничных и оптовых торговцев, фермеров, использовать все возможности для увеличения количества частных семейных ферм и малых предприятий, считает М.Голдман (2, с. 20). Все это требует совершенствования и упрощения регулирования, лицензирования, налоговой системы, обеспечения доступного кредита, создания сети по поддержке малого предпринимательства, программ обучения, инкубаторов бизнеса и т.п. (28; 3).

К тому же, этот путь может служить, хотя и далеко не быстрым, но плодотворным средством макроэкономической стабилизации. По мнению М.Голдмана, увеличив производство и наладив более эффективное распределение, реформаторы обеспечили бы рост поступления товаров на рынок и сдержали бы инфляцию (2, с. 20). Отсутствие конкуренции накладывает отпечаток на инфляцию, поскольку в этих условиях монетарные и финансовые рычаги реформ не могут быть эффективным средством ее контроля (38).

Дж.Стиглиц также проводит идею о том, что предпринимательство может служить рычагом активизации такого существенного элемента перехода к эффективной экономике, как переориентация ресурсов на использование в более производительных областях. При этом перемещение работников из сферы малопродуктивного труда на более производительную работу с помощью безработицы можно оправдать только отсутствием лучшего способа. Но для того, чтобы предпринимательство было успешным, должны сформироваться определенные навыки. Другой важнейшей частью механизма рыночной экономики является “антипод” предпринимательства – институт банкротства, который также только

предстояло создать, причем при отсутствии культуры создания нового бизнеса. Предпринимательство и банкротство, вхождение в бизнес и выход из него должны, по мнению Дж.Стиглица, рассматриваться как две стороны “монеты” экономических изменений. При этом реструктуризация через банкротство должна сопровождаться “решительными мерами по созданию и поддержанию занятости посредством поощрения предпринимательства и/или использования кейнсианских стимулов” (27, с. 10-12).

На сессии специальной рабочей группы по анализу опыта в области приватизации Конференции ООН по торговле и развитию отмечалось, что при определении самого понятия “приватизация” необходим прагматизм. Как правило, приватизация означает полную или частичную передачу государственной собственности во владение или управление частному сектору. В то же время было признано, что в качестве приватизации могут рассматриваться и другие формы реорганизации государственных предприятий, включая их “перевод на рыночные рельсы или коммерциализацию”. “Не являются ли самостоятельно действующие (автономно управляемые) государственные предприятия эффективной альтернативой частной собственности?” – задает в этой связи вопрос И.Сакс (54, с. 10).

Рассматривая возможные пути исправления допущенных в ходе приватизации ошибок, М.Голдман считает, что несмотря на потенциальные опасности можно при достаточных на то основаниях предпринять определенные шаги вплоть до пересмотра результатов приватизации с условием компенсации и последующей новой приватизацией. Так, целесообразно пересмотреть случаи приватизации, проводившейся с нарушением законов. При этом особого внимания заслуживают предприятия, приобретенные в процессе залоговых аукционов. Кроме того, предприятия нужно ренационализировать и в тех случаях, когда их руководство не способно обеспечить погашение долговых обязательств, включая задолженность по счетам, заработной плате и налогам (3, с. 27).

Я.Корнаи, оценивая все разнообразие подходов к реформе собственности, выделяет две противоположные стратегии, в рамках которых развернулась основная полемика между их сторонниками:

а) стратегия органичного развития, основными чертами которой являются создание условий для расширения частного сектора “снизу” и массового развития предпринимательства (в шумпетерианском смысле) при одновременном сокращении государственного сектора; осуществление приватизации главным образом посредством продажи

государственной собственности (по разумной цене); ужесточение бюджетных ограничений и установление финансовой дисциплины;

б) стратегия ускоренной приватизации с упором на быстрое уничтожение государственной собственности и ее раздачу в той или иной форме, например с помощью ваучеров (13; 47).

Я.Корнаи отмечает, что в начале 90-х годов большинство западных исследователей поддерживали и популяризировали стратегию быстрой приватизации. Десятилетний опыт реформ показал превосходство первой стратегии и в лучшем случае меньшую эффективность, а в худшем – явный ущерб, наносимый второй. Это превосходство проявилось прежде всего в главном вопросе – экономической эффективности. Доказано, что новые частные компании в целом более производительны, чем остающиеся в государственной собственности или приватизированные, тогда как распределенная собственность и сохранение мягких бюджетных ограничений сдерживают рост производительности (13, с. 50). Здесь, так же как и в области макроэкономической стабилизации, дело не в темпах как таковых, а в том, что первая стратегия ориентирована на здоровый рост нового частного сектора, в то время как вторая отдает приоритет быстрой ликвидации государственного. При этом важнейшее значение Я.Корнаи придает различию между продажей собственности и ее бесплатной раздачей, поскольку, помимо прочего, это различие определяет возможность обеспечения сильного корпоративного управления, реструктуризации и ужесточения бюджетных ограничений. “В то время как приватизация посредством продаж ведет к естественному отбору, бесплатная передача прав собственности консервирует существующую ее структуру” (13, с. 46).

Сравнивая итоги приватизации в различных странах, Я.Корнаи отмечает, что наиболее печальным примером провала стратегии ускоренной приватизации служит Россия, где все характеристики этой стратегии проявились в крайней форме: навязанная стране ваучерная приватизация вкупе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников. В этих условиях вместо “народного капитализма” фактически произошла резкая концентрация бывшей государственной собственности и развитие “абсурдной, извращенной и крайне несправедливой формы олигархического капитализма” (13, с. 46, 49).

Суммируя высказывания зарубежных экономистов относительно итогов приватизации, можно отметить два аспекта ее критики, касающиеся, во-первых, способов осуществления и, во-вторых,

переоценки ее роли в формировании рыночных отношений, которую Дж.Стиглиц определил как один из примеров смещения целей и средств реформирования экономики. По его мнению, провал приватизации как основы создания рыночной экономики был не случайным, а предсказуемым следствием способа ее проведения. Более того, при приватизации, проводимой при отсутствии институциональной инфраструктуры, фактически могут быть подорваны более долговременные перспективы рыночной экономики. “Но еще хуже то, что нарождающиеся частнособственнические интересы приводят к ослаблению государства и разрушают общественный порядок посредством коррупции” (27, с. 9). Если радикальная реформа собственности предваряет трансформацию политических, юридических и культурных институтов, последняя будет протекать очень медленно и болезненно, с высокими социальными издержками (13, с. 49), – эта мысль присутствует в большинстве оценок ведущих зарубежных исследователей.

Таким образом, обсуждение проблем и итогов приватизации показало, что ее форсирование вовсе не ведет автоматически к рыночному поведению предприятий, а методы ее проведения фактически означали игнорирование принципов социальной справедливости. Приватизация, особенно крупной промышленности, требует масштабной подготовки, реорганизации и реструктурирования предприятий. Большое значение в становлении рыночного механизма имеет создание новых, готовых для вхождения в рынок предприятий, что требует соответствующих условий, поддержки предпринимательства. В то же время не следует и переоценивать значение изменений форм собственности, которые важны не сами по себе, а как средство повышения эффективности и конкурентоспособности предприятий.

ТЕМПЫ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РЕФОРМ

Рассмотрение элементов трансформации переходной экономики вплотную подводит к вопросу о характере ее осуществления во времени и последовательности этапов. Темпы проведения реформ, относительные преимущества и недостатки постепенного и радикального реформирования экономики, безусловно, являлись одним из острых дискуссионных вопросов.

Ряд специалистов и советников (М.Камдесю, С.Фишер, Дж.Сакс, Р.Дорнбуш, Г.Беккер, А.Ослунд) выступили в поддержку быстрых реформ и, видимо, оказали соответствующее влияние на их ход. Более

того, столкнувшись с трудностями и видя определенные последствия такого подхода, некоторые сторонники “шоковой терапии” сослались на то, что предлагаемая ими политика осуществлялась недостаточно быстро и энергично (19).

В своей последней работе, посвященной итогам реформирования экономики, А.Ослунд и его соавторы признают трудности реформы и вновь выдвигают тезис о медлительности ее проведения (53). Возражая против точки зрения, согласно которой реформы были слишком радикальны, они указывают, что Россия страдает не от “разнузданного капитализма”, а от чрезмерного государственного вмешательства, которое и является причиной, тормозящей экономическое оживление. Для многих исследователей приватизация государственной собственности стала символом коррупции, но крупные состояния, по их мнению, явились результатом не формальной приватизации, а именно государственного вмешательства и субсидирования. Отмечая достижения реформаторов, А.Ослунд и др. признают, что проведенные структурные преобразования совершенно недостаточны, что проявилось в кризисе 1998 г. Основной недостаток они видят в том, что государство пытается тратить больше, чем может себе позволить, на выполнение своих социальных обязательств, а его произвольное и назойливое регулирование не дает рынку работать эффективно. Все это характеризует, по их мнению, слабость государства. Вопрос состоит в том, сможет ли Россия ввести либеральный капитализм или в ней сохранится сложившийся бюрократически-коррупционный капитализм с господствующим рентоориентированным поведением (53, с. 92).

К.Эрроу в какой-то степени оправдывает эту позицию необходимостью внедрить в общественное сознание уверенность в необратимости реформ, при отсутствии которой опасения предпринимателей и инвесторов относительно принятия более жестких государственных мер, например, в области регулирования цен, их нежелание рисковать удерживают их от принятия долгосрочных решений и обязательств. При медленной трансформации сохраняется политическая возможность остановить или повернуть изменения вспять. Форсированная трансформация внушает уверенность, поскольку она формирует интересы, направленные против обратного развития. Однако, добавляет он, “быстрым преобразованиям сопутствуют, мягко говоря, серьезные трудности” (36, с. 81).

Конечно, определенная политическая нестабильность, или скорее ее опасения, к сожалению, создали дефицит времени, что значительно затруднило процесс реформ. Теперь же даже оптимисты должны

признать, что России “потребуется гораздо больше времени для создания рыночных институтов” (2, с. 22). Большинство специалистов, однако, выступили за более умеренные темпы, эволюционность проведения реформ (в том числе Л.Клейн, Я.Корнаи, М.Голдман, Дж.Стиглиц и многие другие).

Экономическая стабилизация и борьба с инфляцией, безусловно, были одними из самых острых проблем первого периода, но изменения в правительстве и уход ряда радикальных реформаторов заставили наблюдателей говорить о более размеренном ходе реформ, охватывающем более широкий круг проблем и не ограничивающемся жесткой монетаристской политикой.

По мере осуществления реформ, пишут С.Фишер и Р.Сахай, становилось ясно, что можно быстро провести в жизнь такие меры, как либерализация цен и торговли, стабилизация инфляции, “малая” приватизация, тогда как в других областях быстрое осуществление реформ оказалось невозможным. В то же время они признают, что требование быстроты проведения реформ основывалось не только на экономических, но и на политических соображениях. Ясно также, что некоторые направления требуют соответствующих условий, например, эффективность приватизации связана с реформой законодательства и финансовой системы (45, с. 3-4). Опыт, по их мнению, показал, что правильная стратегия приватизации состоит в быстром проведении “малой” приватизации и более длительной подготовке к ней крупных предприятий при условии ее осуществления через продажу. Так, более постепенные и избирательные схемы приватизации (Венгрия) оказались эффективнее ваучерных (Россия, Чехия) (45, с. 5).

С.Фишер и Р.Сахай подчеркивают, что опыт России является уникальным. Несмотря на многообещающее начало в 1992 г., быструю приватизацию в 1994-1995 гг. и стабилизацию в 1995 г. дальнейшие реформы затормозились. Причину они видят в неспособности двигаться вперед после выборов 1996 г., когда “мощные укоренившиеся интересы усилили свой контроль над политической и экономической властью и углубили коррупцию”. Россия не смогла решить проблему бюджета, что в сочетании с бегством капитала привело к огромному дефициту и краткосрочному внутреннему долгу. При ухудшении внешних условий – снижении цен на нефть и сокращении иностранных кредитов – и при слабой банковской системе финансовый коллапс был неизбежен. Если бы после 1996 г. реформы энергично продолжались, этого кризиса можно было бы избежать. Предстоит еще многое сделать, особенно в области реструктуризации промышленного и банковского секторов, разрешении

проблем неплатежей и бартерного обмена, реформирования налоговой системы, укрепления системы социального обеспечения и аграрной реформы (45, с. 6).

Многие аналитики указывали на иллюзорность надежд на быстрые успехи в трансформации экономики, ссылаясь в том числе на Й.Шумпетера, который отмечал большую инертность ценностей, законов и организаций по сравнению с чисто экономическими нововведениями (40, с. 5). По мнению Р.Буайе, экономическая политика должна носить прагматический характер, что предполагает учет и использование национального исторического опыта развития. В пользу такого подхода выдвигаются следующие аргументы: 1) преемственность принципов регулирования и постепенность их замены, о чем свидетельствует история, заставляя считать с историческим наследием предшествующего периода; 2) поскольку реакция людей на новые и непредвиденные события основывается на их прошлом опыте, следует не разрушать все старые формы организации, а использовать их как основу для формирования нового поведения и новых способов регулирования; 3) в истории развития западного капитализма изменения происходили не путем полного уничтожения старого порядка, а на основе постепенной трансформации некоторых его институтов, которым придавались новые функции (40, с. 4).

В то же время многие экономисты также отмечали невозможность быстрых перемен и в экономической области. Ж.Нажелс, предсказывавший в начале переходного периода, что экономический кризис будет продолжаться несколько лет, считал при этом, что масштабы проявления его симптомов (инфляция, безработица, спад) будут пропорциональны скорости разрушения прежнего режима. Тотальный отказ от прежнего режима, т.е. от всех его атрибутов, в том числе и от социальных завоеваний, сопровождаемый бюджетным кризисом и сокращением государственных расходов на здравоохранение, образование, научные исследования и т.д., создает, по его мнению, предпосылки для формирования “диких” форм капитализма. (49, с. 275).

Специалисты указывали и на ряд макроэкономических факторов экономического роста, говорящих в пользу постепенности проведения реформ. При этом отказ от постепенности связывался с неоклассическим предубеждением к любому государственному воздействию. Так, по мнению П.Мюррелла, поддержанного М.Поумером, градуалистический подход, принимающий в расчет взаимозависимость экономической активности на рынках различной продукции, помог бы избежать крутого падения спроса на российские товары (21, с. 67). Б.Шаванс также

подчеркивает, что “высокие темпы роста – следствие постепенных системных изменений в контексте растущего разнообразия” (32, с. 26).

Один из предлагаемых вариантов хода реформ заключался в том, что прежде всего необходимо создать институты, обеспечивающие одновременно социальную защиту и мобильность наемного труда, затем дерегулировать финансовую сферу, консолидировать или аннулировать часть задолженности и организовать систему расчетов на основе развития банковской сети. Приватизации должны предшествовать реструктуризация предприятий и проведение политики конкуренции и других мер регулирования рынка. Эти и другие институциональные изменения и являются предпосылкой для разработки дальнейшей экономической политики.

Смещение этапов реформы, отмечает Дж.Стиглиц, приводило к созданию новых групп интересов, которые затем использовали свои возможности, чтобы заблокировать последующие реформы. Так, результатом ранней приватизации в нерегулируемой среде стала сильная заинтересованность в воспрепятствовании последующим попыткам регулирования естественных монополий или создания конкурентного рынка в тех отраслях, где конкуренция была жизнеспособной. Быстрая либерализация сферы вывоза капитала позволила банковскому сектору “похищать миллиарды долларов ежегодно, в то время как “архитекторы” этой либерализации вели переговоры о новых миллиардах внешних займов” (27, с. 24, 25).

М.Интрилигейтор следующим образом описывает этапы перехода к рыночной экономике. Первый шаг должен состоять в создании рыночных институтов, формирующих основу рыночной экономики (права собственности, юридическая система, банковская система, фондовый рынок и т.д.). Следующий шаг должен заключаться, в первую очередь, в создании новых конкурентоспособных предприятий и, во вторую очередь, – в реорганизации старых предприятий, причем эти предприятия могут быть или государственными, или частными. Третьим шагом может быть приватизация государственных предприятий, которая, таким образом, откладывается до того момента, когда предприятия станут жизнеспособными, используя институты рыночной экономики (9, с. 128).

Согласно еще одному подходу, на первый план выдвигается необходимость комплексного решения проблем экономической трансформации. Как пишет Дж.К.Гэлбрейт, “если вы осуществляете стратегию роста, не подкрепив это соответствующим институциональным развитием..., то такой курс неизбежно обречен на

провал. Нужно согласованно заниматься сразу обоими аспектами... Существует точка зрения, что сначала деформированную российскую экономику нужно сделать нормальной, а уже затем переходить к рациональной макроэкономической политике. Другие специалисты с таким же упорством доказывают, что изменения следует начинать с макроэкономического уровня, а затем уже переходить на низшие этажи управления. На самом деле данные вопросы надо решать комплексно, не отрывая один от другого” (5, с. 34).

Таким образом, можно констатировать, что какие-либо серьезные возражения против эволюционного подхода (кроме “опасности реставрации”) отсутствуют. Можно лишь привести дополнительные аргументы, выдвигаемые зарубежными исследователями в пользу такого подхода (например, необходимость создания управленческой и информационной базы для процессов приватизации и маркетизации экономики).

Как отмечает Л.Клейн, опыт других стран показал, что в отличие от “шокового” варианта реформ, реструктурирование и либерализация экономики, осуществляемые постепенно, не ввергали экономику в серьезную рецессию, а даже способствовали высоким темпам ее развития (как это было в Китае). По его мнению, основные моменты, свойственные постепенному переходу, таковы:

- 1) общая нацеленность на создание смешанной экономики;
- 2) политика “открытых дверей” в отношении товарообмена и обмена технологиями с другими странами;
- 3) создание специальных экономических зон;
- 4) проведение экономических реформ ранее реформ политических;
- 5) переход к современному экономическому образованию;
- 6) использование математических и статистических методов экономического анализа в процессе планирования (11, с. 36).

В обобщенной форме проблема предстает как противостояние “институционального блицкрига” и инкрементализма (постепенности), которая нашла отражение, прежде всего, в работах Дж.Стиглица и Д.Эллермана (27; 28; 35). По их мнению, дело вовсе не в темпах осуществления институциональных преобразований, а в самом подходе к глубинной трансформации множества сложных общественных институтов.

В работах экономистов в основном социального и институционального направления, особенно относящихся к более позднему периоду трансформации экономики, были подвергнуты критическому анализу не только уже достаточно видимые ее результаты, но и курс

реформ в целом, их теоретико-методологическая основа. В частности, это касается узости подхода, игнорирующего важность культурных, этических, правовых, институциональных и других факторов для правильного определения задач реформирования экономики и путей их решения.

А.Этциони, отмечая, что неоклассическая теория в принципе статична и поэтому не может быть основой для разработки политики переходного периода, формулирует следующие положения с позиций выдвинутой им теории социальной экономики (socioeconomics). Во-первых, важные общественные изменения представляют собой медленный и постепенный процесс, предполагающий сдвиги в системе ценностей, культуре и т.д. Во-вторых, процесс создания новой системы ценностей очень сложен, и его невозможно ускорить. Социальная демократия и зрелый капитализм на Западе формировались в течение длительного времени. Поэтому очевидно, что ориентация на чистый капитализм сегодня для России неприемлема. В-третьих, приватизация не может служить методом создания новой экономики, необходимо уделять больше внимания созданию новых производств, уже ориентированных на рыночные условия (43)

Лауреат Нобелевской премии Д.Норт также обращал внимание на теоретическую несостоятельность неоклассики в анализе процессов экономической трансформации. Он отмечал, что функционирование экономики определяют как формальные юридические законы, так и принятые в обществе нормы поведения и стимулы, которые меняются лишь постепенно. Поскольку именно нормы создают основу для действенных законов, революционные изменения последних или их заимствование из другой среды создают противоречия и часто приводят к результатам, отличающимся от ожидаемых. Успешное реформирование предполагает изменение институциональной основы, взглядов на общество и сдвиги в сложившихся нормах. Эффективная политико-экономическая система должна обладать гибкой институциональной базой, способной реагировать на перемены. Но институциональные системы представляют собой результат длительного естественного развития, и возможности людей целенаправленно влиять на него крайне ограничены (50).

В сущности этот важнейший теоретический вопрос, затрагивающий стратегию реформ, сводится к дихотомии “социального конструктивизма” и эмерджентности. Коренная проблема состоит в том, можно ли “построить” альтернативную экономическую систему или переход совершается путем общественной самоорганизации на основе

исторически сложившихся социально-экономических реалий, с учетом институциональной и социальной инфраструктуры. “Социальный и организационный капитал, необходимый для осуществления перехода, нельзя насадить «сверху»”, – подчеркивает Дж.Стиглиц (27, с. 13). В свое время идеи о естественном формировании системы норм и о гибкости этой системы как основы успешного развития общества отстаивал Ф.Хайек, резко выступавший против всяких попыток “социального конструктивизма”. Поэтому экономисты, стоящие на позициях Хайека, оказываются как раз в числе жестких критиков российских реформ и их сторонников, нередко прикрывающихся его именем (34, с. 51). На это обстоятельство обратил внимание и Я.Корнай, отметив, что “Хайек придавал огромное значение спонтанным действиям при капитализме, тому, как он отбирает, используя эволюционные механизмы, жизнеспособные институты” (13, с. 47).

В этой связи ряд исследователей обратили внимание на тот парадоксальный факт, что разрушение созданной большевиками системы осуществлялось большевистскими методами. Сторонники безудержной либерализации и тотальной приватизации оказались хоть и антиподами, но очень напоминающими по своим методам сторонников в высшей степени централизованного планирования и тотального государтвления. Это заставило Дж.Стиглица, Д.Эллермана и др. провести параллель между представителями неоклассического “Вашингтонского консенсуса” и большевиками, заодно вспомнив и якобинцев. Называя “шоковую терапию” подходом “блицкрига”, Дж.Стиглиц отмечает, что “исторически такой подход к изменению институтов ассоциируется с якобинством Великой французской революции и (ирония судьбы) – с большевизмом Октябрьской революции в России” (27, с. 26). “Ирония заключается в том, что современная критика утопической социальной инженерии была основана главным образом на большевистском подходе к переходу от капитализма к коммунизму, а сторонники шокотерапевтического подхода пытались использовать многие из тех же принципов для обоснования обратного перехода – как если бы многие западные консультанты просто думали, что у большевиков были неверные учебники, а не абсолютно неправильный подход” (27, с. 28). С этим согласен и Я.Корнай, заметив, что выражение “массовая приватизация” как синоним бесплатной раздачи собственности и ваучерной приватизации обратно выражению “массовая коллективизация” (13, с. 55). “Наши “рыночные большевики”, – пишет Д.Эллерман, – уверены, что с правильными учебниками в своих кейсах они могут лететь в социалистические страны, чтобы, пустив в ход

ленинские методы в их мирном варианте, осуществить обратный переход ... и методами социальной инженерии построить новые, гладкие и чистые "книжные институты" рыночной экономики, опирающиеся на частную собственность" (35, с. 110). С этой точки зрения, "шокотерапевты" вовсе не игнорировали институты, они спроектировали "новые институты" с помощью Запада и "внедрили" их президентскими указами "демократической власти" (35, с. 111).

М.Поумер идет еще дальше, поднимая проблему на идеологический уровень. Радикальные реформаторы, отмечает он, отвели саморегулирующемуся капитализму роль, которую некогда играл утопический коммунизм. Но на этот раз обещано не достижение утопии, а немедленное изобильное общество потребления (22, с. 99). Несмотря на различия в методах, отмечает Я.Корнаи, "сходство имеется: подчинение реформы собственности политическим идеям, страх перед постепенными переменами, нетерпимость и одержимость быстротой преобразований" (13, с. 55). Такая позиция западных наблюдателей может служить еще одним напоминанием о вреде политического экстремизма с любого края и в любом обличье.

К этой оценке присоединяется группа американских экспертов (Э.Эмсен, М.Интрилигейтор, Р.Макинтайр, Л.Тэйлор). В упомянутом выше докладе (37) они отмечают, что многие направления политики "рыночного сталинизма" содержали элемент необратимости, но тактическое стремление разрушить часть старой системы немедленно привело к значительно более крупным разрушениям и существенно ограничило будущие возможности. Экстремистская экономическая политика вызвала ответную политическую реакцию того же плана, что свело практически на нет результат всей реформы. Вместо открытой и последовательной реорганизации наиболее эффективных предприятий, находящихся в собственности государства, государственные органы повсеместно были вынуждены продолжать субсидирование, чтобы предотвратить экономический крах. Вместо возвращения финансовой системы, способной обслуживать сбережения и инвестиции, служить посредником в движении средств между семейными бюджетами, общественным сектором, сферой производства, власти санкционировали неограниченные финансовые спекуляции и финансовые пирамиды типа МММ, которые разорили миллионы вкладчиков, но не дали ничего для накопления капитала (37, с. 31).

Главный вопрос, таким образом, состоит не в тактике, а в стратегии реформ. Переход от социализма к капитализму должен протекать органично, подчеркивает Я.Корнаи. Он характеризует этот

переход как “странное сочетание революции и эволюции, процесс, основанный на методе проб и ошибок, сохраняющий или ликвидирующий старые институты и испытывающий, принимающий или отвергающий новые. При этом... в некоторых случаях требуется одномоментное решение проблемы, в других – инкрементальные изменения” (13, с. 55).

Таким образом, существуют три сценария, охватывающие характеристику как уже пройденных этапов, так и возможного развития.

1. Традиционный для России вариант осуществления реформ “сверху”, государством или правящей верхушкой. Это путь “социальной инженерии”, выбранный российскими реформаторами, но, по выражению И.Самсона, “завязший” в олигархических интересах и рентоориентированной логике (что, добавим, тоже не новость). Таким образом, способом реализации реформы, направленной на устранение государства из экономики, явилось ее административное введение с использованием прямого давления государства, оказавшегося в руках реформаторов. Такой сценарий естественным образом требует усиления централизации государственной власти.

2. Новый путь, или вариант “сбоку”, далекий как от сильного государства, так и от демократии и определяемый господством финансовой олигархии. И.Самсон определяет подобный сценарий как катастрофический “с экономическим застоем и огромной социальной дифференциацией за счет перераспределения ренты, что наблюдалось в Латинской Америке, Азии или даже в Африке” (24, с. 135).

3. До сих пор Россия колебалась между первым и вторым путями развития, плавно скатываясь к криминально-олигархическому пути, выход из которого вполне может вылиться в дальнейшее усиление централизации и “эволюцию в сторону авторитаризма”. Однако есть, по крайней мере теоретически, третий вариант модернизации – “снизу”, т.е. демократический и эволюционный, предполагающий системные институциональные изменения, инициативу и предпринимательство при сильном государстве, обеспечивающем экономические функции (регулирующие, фискальные и др.).

Э.Эмсен, М.Интрилигейтор, Р.Макинтайр и Л.Тэйлор определяют такую модель смешанной экономики как “демократический корпоративистский капитализм”, т.е. имеющий внерыночные структуры согласования различных интересов, в том числе определения цен и доходов на основе переговорного процесса. Такая модель предполагает экономически эффективную систему государственного управления, способную контролировать процессы реструктуризации, приватизации,

регулировать и направлять эффективное функционирование предприятий, находящихся в частной, государственной или любой другой собственности. Но чтобы вызвать ее к существованию, потребуется акт политической воли (37, с. 24).

По мнению этих специалистов, неолиберальная доктрина является тупиковой для развития, она не пользуется поддержкой общественности и требует авторитарных методов контроля за тем, как осуществляются ее болезненные и непопулярные решения, которые к тому же неэффективны с точки зрения политики развития. Политическими условиями устойчивого экономического развития, не несущими элементов насилия или подавления, являются общественное согласие (консенсус) в отношении правового установления институтов рыночной экономики, детальное решение комплекса проблем, касающихся прав собственности, разделения между рыночным и нерыночным способами принятия решений, гражданских прав (включая права личности) и обязанностей государственных, региональных и местных органов власти (37). Таким образом, успешное развитие невозможно без активной и последовательной роли государства, к рассмотрению которой мы и переходим.

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК

От внимания западных наблюдателей не укрылся тот факт, что на первом этапе экономических реформ имел место чрезмерный оптимизм относительно возможностей автоматических рыночных регуляторов. Однако затем оптимизм сменила критика этих регуляторов, и даже самые ярые сторонники рынка стали прислушиваться к мнениям об усилении регулирующей роли государства в развитии экономики. Так, А.Ослунд критически отзывался об ослаблении роли государства, резком уменьшении его «функции сосредоточения интересов граждан» и возникновении условий для участия государственных чиновников в крупномасштабной коррупции. Он отмечал, что возможности государства очень сужены, и, следовательно, его усилия нужно сосредоточить на тех участках, где они могут дать максимальный эффект. В долгосрочной перспективе жизненно важно восстановить власть государства (17, с. 101).

Теперь многие западные экономисты утверждают то, что в принципе было ясно с самого начала: для эффективной рыночной экономики нужны определенные институциональные условия, почва, на которой прорастают (но не насаждаются властью) новые экономические

отношения. Роль государства при этом весьма существенна и состоит в создании условий для того, чтобы эти ростки не погибли, а наоборот, расцвели как можно быстрее и гуще. В то же время для проведения разумной политики реформ и выполнения соответствующих условий создания рыночных институтов, необходимых для долгосрочного накопления капитала и роста занятости, нужна структурная реорганизация самого государственного управления (37, с. 32).

Вот что пишет по этому поводу М.Поумер. Критикуя традиционную неоклассическую модель конкурентного равновесия, он отмечает, что ее поверхностное применение к переходной экономике подразумевает, что переход к рыночной системе – это просто устранение вмешательства государственного управления. Для выдавливания госуправления из экономики существуют три основных действия: 1) либерализация – прекращение контроля за ценами и устранение препятствий международной торговле и перетоку капиталов; 2) приватизация – передача государственного имущества частным собственникам; 3) стабилизация – упрочение валютного курса, прежде всего за счет прекращения субсидий и урезания затрат на социальные нужды. Российские реформаторы провели эти действия стремительно, не обращая внимания на отсутствие рыночной инфраструктуры и не считаясь с экономическими и социальными разрушениями. В результате была реализована программа опрометчивой либерализации, непродуманной приватизации и ограниченной стабилизации (21, с. 60).

По мнению французского экономиста Р.Буайе, ошибка радикальных реформаторов заключалась в том, что все успехи западной экономики они приписывают исключительно действию рыночных механизмов, тогда как на деле немалую роль в ее развитии сыграли усилия по налаживанию и совершенствованию социальных связей. Условия, в которых проявляются саморегулирующиеся механизмы рынка, не могут формироваться автоматически. Об этом свидетельствует не только экономическая история, но и опыт современной России, где в отсутствие эффективных регулирующих механизмов рынок “организуется” мафией (40).

Большинство специалистов рассматривают экономические функции государства с точки зрения повышения его роли как подкрепляющей и направляющей силы развития частного сектора, расширения его функций по обеспечению коллективных интересов, организации социальной защиты, поддержанию конкуренции, разработке нормативно-правовой базы ее регулирования и проведению в жизнь антимонопольного законодательства (29, с. 72). Они сходятся в том, что

“если хозяйственную роль государства можно снизить, то его роль в других вышеупомянутых аспектах следует усилить” (6, с. 8). Активное правительство должно играть важную роль в руководстве экономикой, создании соответствующих институтов и в содействии формированию конкурентной и правообеспеченной среды для предпринимательской деятельности (8, с. 134). “Перераспределительные функции современного государства, гарантирующего каждому гражданину минимум социальных услуг, являются не предметом роскоши и не средством обеспечения безопасности, а необходимым условием модернизации с помощью рыночных механизмов” (40, с. 4). Без активной государственной политики конкуренции переход к рынку может привести лишь к консолидации прежних монополий и созданию новых, что не дает никаких выгод потребителям. Это обусловлено тем, что спонтанные тенденции рынка приводят к росту концентрации и централизации, и только государство может противостоять этим тенденциям (40, с. 2).

Не забыт и государственный сектор экономики. Так, Т.Вайскопф подчеркивает, что экономическая стратегия России должна включать в себя не только систематическую борьбу с монополией и олигополией и повышение эффективности путем рыночной конкуренции, но и сохранение важной роли государственного сектора в инвестировании в развитие физической инфраструктуры и человеческих ресурсов (58).

Экономисты, стоящие на немонетаристских позициях, утверждают, что государственные расходы, ведущие к росту доходов, стимулируют инвестиции (31). “Хорошо спланированные проекты государственных инвестиций, как правило, стимулируют накопление частного капитала, ищущего доступ и “проталкивающегося” к этим проектам” (37, с. 23).

Ссылаясь на опыт различных стран, в том числе не являющихся передовыми в научно-техническом отношении, экономисты указывают на необходимость практики совместной – государственной и частной – поддержки передовых и наиболее перспективных отраслей и предприятий для стимулирования роста. Этот опыт также свидетельствует о полезности индикативного планирования, с помощью которого “можно избежать саморазрушительной ценовой конкуренции и переливов капитала”. Несовершенство рынка делает такое планирование необходимым даже в сложившихся рыночных экономиках для облегчения передачи технологий, “поскольку система цен – не единственный носитель экономической информации” (37, с. 24).

По мнению Дж.Стиглица, “даже когда государства непосредственно вторгались в сферу производства, им удавалось добиться заметных успехов”. Ссылаясь на результаты конкретных исследований, он отмечает, что обычно государственные организации не могут обеспечить эффективные стимулы и часто устанавливают разнообразные дополнительные ограничения. Если же эти проблемы решаются эффективно и государственные предприятия начинают действовать в конкурентной среде, различия в функционировании государственных и частных предприятий уменьшаются (26, с. 23).

Как считает Дж.К.Гэлбрейт, в капиталистическом обществе экономика обычно функционирует успешно, если государство контролирует около 50% ВВП. В частности, в США доля государственных расходов в ВВП колеблется от 30 до 50%, не считая пенсионные и другие социальные выплаты. Его мнение на этот счет весьма категорично: “...Представление о том, что участие государства противоречит нормальной жизнедеятельности современной рыночной экономики, не соответствует действительности... Когда утверждают, что его роль должна быть сведена к минимуму, то это идеологический постулат, который лишен научной основы. В долгосрочной перспективе роль государства еще больше увеличивается, оно призвано создавать институты, способствующие экономическому росту” (5, с. 33). Напоминая о полезном послевоенном опыте Западной Европы, Дж.Тобин подчеркивает, что современные технологии делают конструктивную деятельность общественного сектора более значимой, чем когда бы то ни было. Он отмечает, что правительства часто ошибались и наносили ущерб экономике, вмешиваясь в действие рынков, когда это вмешательство было направлено на защиту особых интересов и на благо самих политиков и чиновников. Тем не менее последовательно проводимые в жизнь антиэтатистские настроения контрпродуктивны как для Востока, так и для Запада (29, с. 69).

В то же время роль государства отнюдь не сводится, по выражению Дж.Стиглица, к укреплению своих институтов путем создания административно-технических органов. Государство институционализирует правила и нормы, стимулирующие чиновников действовать в интересах общества и ограничивающие произвол и коррупцию. Этому способствуют независимость судов, система институциональных сдержек и противовесов, основанная на разделении ветвей власти, и эффективный контроль (26, с. 30).

По мнению Д.Котца, мировой опыт свидетельствует, что реальный путь построения сильной экономики для стран с запоздалым

развитием рыночных отношений состоит в активизации роли государства в регулировании и реструктуризации хозяйства. Однако такой путь может быть успешным, если он опирается на план, учитывающий реальные условия страны (14, с. 23). Аналогичной точки зрения придерживаются К.Эрроу (36) и многие другие.

Таким образом, большинство явно стоит на позициях создания смешанной экономики. Отталкиваясь от этой концепции, Л.Клейн и К.Эрроу допускают теоретическую возможность существования рыночного социализма (понимаемого как особый тип конкурентной рыночной системы, основанной на сочетании частной и государственной собственности), отвергаемую консервативными экономистами, которые, как пишет Л.Клейн, “не хотят модернизировать или либерализовать социализм; они желают устранить в ходе переходного периода все элементы социализма” (11, с. 32). Л.Клейн выступает за иной подход, состоящий в непосредственной ориентации на создание смешанной экономики с учетом теоретической структуры рыночного социализма. Правильность этого пути, а не следования классическому либерализму, подтверждается, по его мнению, положительным примером Китая и отрицательным опытом не только России, но и других переходных экономик. К.Эрроу связывает этот вопрос в большей степени с фактором времени и постепенностью проводимых преобразований.

В этой полемике, связанной с правомерностью постановки вопроса о “рыночном социализме” (которую можно с некоторой условностью назвать полемикой между неоклассиками и институционалистами), встает отнюдь не новая проблема соотношения плана и рынка, которая в новой трактовке приобретает форму проблемы взаимосвязи между формами собственности и механизмами координации. Учитывая исторический опыт Франции, неудивительно, что большое внимание этому вопросу уделяют французские и другие западноевропейские экономисты. Ссылаясь на исторические пути формирования современной экономики Западной Европы, Ж.Нажельс отмечает, что постоянные компромиссы между частным и государственным, между планом и рынком – вот тот “двигатель”, который заставлял ее развиваться. Рынок должен быть надежно обрамлен социальной политикой, политикой занятости, конкуренции, регионального развития и т.д. (49).

Б.Шаванс, не отрицая тезис Я.Корнаи о нестабильности рыночного социализма (“системное соскальзывание”), подвергает сомнению аргументы в пользу невозможности сочетания “государственная собственность плюс рыночная координация”, ссылаясь

на трудности, с которыми столкнулись различные экономические теории при анализе форм управленческого капитализма и огромного разнообразия отношений между собственником капитала и управляющими, связей между собственностью, управлением и типами координации, и указывая на необходимость такого анализа с институционально-эволюционной точки зрения. По его мнению, на вопрос: “Почему так важна частная собственность?”, различные экономические теории удовлетворительного ответа пока не дали. Однако “в постсоциалистических смешанных экономиках, где “размывание” границ собственности – широко распространенная тенденция, говорить о “родстве” между формой собственности и типом координации затруднительно” (32, с. 21). Это подтверждается опытом переходных экономик, который ставит под сомнение концепцию первостепенности изменения прав собственности в противоположность стимулированию конкуренции, показывает, что “связь между изменением форм собственности и поведением предприятий пока кажется весьма неопределенной” (32, с. 23).

Целый ряд авторов подчеркивали эволюционный характер формирования институциональных структур западных экономик, занявшего несколько веков. В России централизованный экономический механизм был “разобран” без предварительной постройки новой совокупности институтов для поддержки и помощи рынку (22; 27; 37).

Некоторые авторы в этой связи указывали на принцип подчинения экономических целей социальным. Так, И.Сакс отмечал, что цель развития имеет всегда социальный характер, тогда как экономическая эффективность – это способ достижения цели. Следование этому принципу приводит к развитию государства, активно управляющего экономическим процессом, т.е. к смешанной экономике, в рамках которой наблюдается стремление к гармонизации плановых и рыночных начал. В этой связи И.Сакс ссылается на Дж.К.Гэлбрейта, резко отвергавшего идею решения проблем посткоммунизма путем введения “чистого” капитализма. Вековая адаптация капиталистической системы привела к “современному государству, выполняющему социальные функции и играющему стабилизирующую роль” (54, с. 7).

Можно лишь добавить, что действительность, воплощенная в практике реформирования экономики, еще раз доказала, что если рынок не выполняет управляющей функции, ее должно взять на себя государство. Но речь не идет об альтернативе. Государство осуществляет функции регулирования, преследуя определенные цели и опираясь на рыночные механизмы. Иначе говоря, необходим синтез, а не отрицание.

Рассмотрение переходного периода как продолжения борьбы между социализмом и капитализмом и процесс замены первого вторым представляет “в высшей степени упрощенный взгляд”, который игнорирует смешанный характер современной экономики развитых стран и дает ложные послышки для экономической политики, отмечает М.Поумер. “В странах с жизнеспособной экономикой правительство и рынок взаимодействуют и дополняют друг друга, чтобы поднять производительность и одновременно сделать распределение более справедливым” (22, с. 99).

Наконец, нельзя не согласиться с В.Гребенниковым, указывающим на группу факторов, определяющих разнообразие экономических систем, сочетающих в себе элементы властного принуждения и саморегулирования (4, с. 115), т.е. имплицитное существование некоей третьей составляющей этого букета, выступающей в роли своеобразного катализатора или замедлителя реакции взаимодействия. И этот “рекомбинационный потенциал экономики”, видимо, не в последнюю очередь включает исторический фон, характер взаимоотношений общества и власти (тип государства), другие институты, традиции, нормы и правила, организационную и деловую культуру, элементы человеческого капитала. Как подчеркивал Д.Норт, появление норм, согласующихся с полной жизни рыночной системой, представляется даже более важным, чем усиление соответствующего регулирования (цит. по: 21, с. 70). Западные же советники реформ, отмечает Дж.Тобин, упускали из виду, что “весьма сложные структуры законов, институтов и обычаев, которые веками формировались в капиталистических странах, суть важнейшие устои современных рыночных систем” (29, с. 74).

В этой связи небезынтересно упомянуть и такой фактор, как доверие. Так, М.Поумер отмечает, что для сделок, осуществляемых на рынке, требуется по меньшей мере минимальный уровень доверия – особенно важного, хотя и неосязаемого ингредиента функционирования экономики. Быстрое формирование не подчиняющейся законам рыночной системы не создало для этого благоприятной среды. Для поддержания атмосферы доверия необходимо государственное регулирование и надзор, предотвращающие фальсификации и мошенничество и содействующие достоверной информации (21, с. 71).

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Возражая своим оппонентам на первом этапе реформ, Дж.Сакс отмечал, что западные критики, находясь очень далеко от места событий,

имеют “сюрреалистические представления об экономических и политических условиях России” (56, с. 6). Это замечание, высказанное и другими наблюдателями, можно отнести к значительно более широкому кругу не только критиков, но и никак не в меньшей степени к сторонникам использованных методов. Последующие исследования этих условий значительно обогатили теорию переходной экономики. Проблема, однако, оказалась значительно глубже, а сделанные выводы серьезнее. Сам ход и итоги радикальных реформ и их анализ представителями различных экономических школ более или менее полно отразили состояние экономической теории, высветили ограниченность ее возможностей, неспособность не только решить, но даже и предвидеть проблемы переходных экономик (20, с. 50). Никакие провальные итоги реформ, естественно, нельзя списать на просчеты тех или иных теорий, но по крайней мере они привели, по словам Дж.Стиглица, к “осознанию того, что у нас нет ответов на все вопросы” (26, с. 34).

В массе противоречивых взглядов обнаруживается поляризация, столкновение различных теоретических направлений и даже их переоценка. Эта переоценка затрагивает не только стратегию трансформации экономики, но и ее теоретическую основу, накладывает существенный отпечаток на полемику между представителями неоклассической школы и теории институциональной экономики, монетаризмом и кейнсианством. Реформирование российской экономики не только резко обострило методологические вопросы рыночной трансформации (7), но и, как отмечал французский экономист Р.Буайе, поставило множество проблем, не находящих очевидного решения в рамках имеющихся экономических теорий. “Этот беспрецедентный исторический эпизод приведет к тому, что все экономические теории полностью преобразятся или окончательно утратят свое значение” (1, с. 31). Как отмечает Дж.Стиглиц, экономическая наука еще только начинает понимать взаимосвязи между демократизацией, неравенством, охраной окружающей среды и экономическим ростом. Но вывод его оптимистичен: знания позволяют надеяться на выработку дополнительных стратегий развития, направленных на достижение названных целей (26, с. 31).

Глубокие причины неудач реформ в России, как и во многих других постсоциалистических экономиках, многие экономисты связывают с состоянием самой экономической науки, в частности ориентацией на ее неолиберальное направление, и вытекающим из нее непониманием реформаторами самих основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ. Отмечается, что большинство

теоретических экономических исследований, проведенных в последние годы, приводят к выводу о слабости парадигмы свободного рыночного хозяйства (37, с. 32). По мнению Дж.Стиглица, десятилетие переходного периода показало несостоятельность не только тех, кто консультировал Россию, но и самой неоклассической модели экономики (27, с. 6, 8).

В чем это проявляется? В статичности теории экономического равновесия, тем более не соответствующей потребностям исследования динамики экономической трансформации. В недооценке важности социального, организационного и информационного капитала. В том, что неоклассическая модель оставляет в стороне другие традиции, в частности австрийской школы (заложенные Шумпетером и Хайеком), положения которой находят продолжение и уточнение в рамках новой информационной экономики и которые могли бы способствовать более глубокому пониманию ситуаций, возникающих в переходных экономиках (27, с. 7, 22, 27, 29). В слепом следовании положению Коуза о движущей силе прибыли, обеспечивающей в условиях частной собственности перераспределение активов в пользу более эффективных производителей (Я.Корнаи называет это явление “вульгарным коузизмом”) (13, с. 48). Дж.Стиглиц отмечает, что “при отсутствии соответствующих институтов частные рынки могут дать более мощные посылы к разграблению и отвлечению активов, чем к созданию богатства” (28, с. 10). Он подчеркивает роль информационных проблем, проблем корпоративного управления, социального и организационного капитала, институциональной и правовой инфраструктуры, недооцениваемых в модели реформ, основанной на общепринятых положениях неоклассической теории (27, с. 4).

По мнению группы американских экспертов, решающее различие между классическим капитализмом, внедряемым в России и Восточной Европе, и позднеиндустриальным капитализмом, новаторски введенным в Восточной Азии, заключается в роли институтов, определяющих формы, сущность, направления и темпы экономического развития. В восточноевропейском варианте эта роль минимальна; распределение ресурсов почти полностью отдано под влияние нерегулируемых и неэффективных рыночных механизмов. При этом под созданием “институтов” адвокаты “рыночного фундаментализма” понимают решение весьма ограниченного круга проблем: определение прав собственности, принятие законодательства, регулирующего договорные отношения, устранение помех частному предпринимательству. В восточноазиатском варианте рыночный механизм играет иную, инструментальную, а не идеологическую роль.

Институты, включая активное государство, выполняют важнейшую функцию при распределении инвестиционных ресурсов, а формирование институтов означает не только четкое определение прав собственности и договорных обязательств, но и создание частных и государственных организаций, способных осуществлять макроэкономическую политику развития, а также инвестиционную, торговую, конкурентную и технологическую политику (37, с. 34). “Переход к капитализму требовал более видимой руки, чем та, которую предвидел неолиберализм. Постсоциалистические преобразования могут быть успешными, если ортодоксальная экономическая теория и неолиберальная идеология уступят место подходу, основанному на реальностях современной экономической жизни, а не на поклонении свободному рынку” (37, с. 23).

Информационные проблемы, которые решает экономика, намного сложнее, чем рассматриваемая в неоклассической модели координация производства с помощью ценовых сигналов. Теория информационной экономики показала, по словам Дж. Стиглица, вопиющую ограниченность этой модели и использовала средства современного экономического анализа, чтобы убедительно проиллюстрировать проблемы корпоративного управления, о которых писали Маршалл, Кейнс, Берле и Минз, Гэлбрейт, Марч и Саймон и многие другие (27, с. 8).

Как отмечает Д. Котц, “в результате мирового финансового кризиса уверенность в себе международных сил неолиберализма поколебалась” (14, с. 23). Верность “господствующей финансовой ортодоксии” подверглась существенной переоценке. Однако не будет преувеличением сказать, что опыт российской трансформации оказал на эту переоценку никак не меньшее влияние. Как отмечает П. Реддавей, “какое бы правительство ни правило Россией в ближайшие несколько лет, оно, безусловно, не будет следовать политике МВФ, которая дискредитирована финансовым и экономическим кризисом”. Необходимость смены экономического курса очевидна. Это проявляется, в частности, и в таком вопросе, как денежная эмиссия, которая “вероятно, в каком-то минимальном объеме будет осуществлена, ... с тем чтобы дать страдающей от нехватки денежной наличности экономике импульс роста после семи лет падения” (23, с. 27).

Программа стабилизации российской экономики базировалась на монетаристских взглядах. Как отмечает М. Поумер, “твердо придерживаясь неоклассических теоретических допущений об экономическом равновесии, монетаризм логически обосновывает пренебрежение к безработице, неполной занятости и незагруженным производственным

мощностям. В противоположность этому, кейнсианский взгляд на недостаточный совокупный спрос... дает возможность постичь сущность сжатия российской экономики и проблемы ее недогрузки” (21, с. 66).

В этой связи ряд ученых склоняются к тому, что “среди обсуждающихся предложений по новой экономической стратегии значительную поддержку приобретает более или менее кейнсианский подход” (23, с. 27). Эту точку зрения разделяет Дж.К.Гэлбрейт (который, кстати сказать, консультировал правительство Китая в 1994-1997 гг.). Он отмечает, что “Вашингтонский консенсус” был выработан с целью способствовать экономическому росту многих стран, но “это как раз то, что на деле не получилось” (5, с. 32)¹. По его мнению, положительный опыт экономического развития Японии, Западной Европы, Южной Кореи, Китая, основанный на гораздо более сложном сочетании государственного планирования и управления, контроля над внешней средой, на создании стабильных политических и экономических условий, быстром и стабильном росте общественного спроса, покупательной способности населения, – это “во многом кейнсианское явление”. Более того, примером успешной хозяйственной политики могут служить Соединенные Штаты, “благополучие которых основано на практическом кейнсианстве”. Суть этой политики, по Дж.К.Гэлбрейту, составляют: постоянный рост заработной платы; расширение доступа к кредитам мелким предприятиям; низкий и стабильный уровень процентных ставок; увеличение объема субсидий для населения с низким уровнем доходов; повышение расходов на уровне местных и региональных органов государственного управления (5, с. 35-36).

Гигантский экономический эксперимент в России и других переходных экономиках, как и процессы экономического роста в других странах, служат не только материалом для осмысления процессов трансформации, но объектом исследования и импульсом развития всей экономической теории. Так, например, сравнительный опыт России и Китая создает, по выражению Дж.Стиглица, сложные проблемы для традиционных экономических теорий (26, с. 24). Механический перенос мер, на которые делал акцент “Вашингтонский консенсус”, показал ограниченность возможностей применения экономических концепций и

¹ Интересно отметить, что весьма сходные оценки содержат работы, далекие от тематики российских реформ и посвященные критике политики международных финансовых учреждений в отношении развивающихся стран (Roodman D.M. Ending the debt crisis // State of the world 2001/ The Worldwatch Institute. – N.Y.;L.: Norton, 2001. – P. 143-165; Rodrik D. The new global economy and developing countries: Making openness work. – Wash., 1999. – 150 p.).

тем более бесплодность их универсализации. В то же время в последние десятилетия расширились теоретические основы анализа институциональной динамики, роли государства, выработаны концепции информационной экономики и несовершенства рынков. Анализ современных проблем экономического развития позволил расширить представления об инструментах, необходимых для содействия эффективному функционированию рынков, пополнить перечень задач развития такими целями, как обеспечение его устойчивости, сокращение дифференциации доходов и укрепление демократических начал (26, с. 5, 27).

Российский опыт, отмечает Дж. Стиглиц, показывает, что нет никакого автоматизма в развитии рыночных институтов и, в то же время, нельзя двигаться вперед, не создав их полного комплекта. “В центре внимания должен быть не отказ от государства или его ослабление, а изменение курса правительства с установлением разнообразных партнерских связей между государственным и частным секторами. Неэффективность рынка слишком велика и не дает возможности необходимым институтам развиваться автоматически в рамках частного сектора” (28, с. 11).

Что касается западной экономической мысли, то нельзя не заметить, что российская трансформация, точнее ее трудности и противоречия, послужили в определенной мере источником ценного практического материала для анализа и, тем самым, дополнительным импульсом для развития. Но наиболее плодотворным и, вероятно, взаимно обогащающим он оказался для современного институционального направления экономической теории. Как отмечалось на страницах российской экономической печати, анализ, данный рядом представителей институционально-эволюционного направления, внес существенный вклад в теорию и практику экономической трансформации (7; 16).

Еще один вывод, вытекающий из знакомства с разнообразием анализа путей переходной экономики, но выходящий за рамки непосредственно исследуемой темы, состоит в том, что, как справедливо заметил В. Мау, за нынешними дискуссиями стоят не только чисто научные интересы (15, с. 47). Однако вопрос о возможности отделения собственно экономического анализа от конъюнктуры и политики и составляет один из пунктов расхождений между теоретическими позициями различных направлений современной экономической мысли.

Вряд ли можно отделить экономику от политики (понимая последнюю не как сиюминутные интересы определенных групп, а как широкий спектр субъектов и объектов функционирования государства и

жизни общества). Неслучайным поэтому представляется замечание о системном кризисе в России, “в котором политические и экономические элементы тесно взаимосвязаны” (23, с. 26).

Экономическая наука является наукой политической, по крайней мере в одной из своих граней, а в сложившихся реалиях современности и экзистенциальной (4). И здесь нельзя не согласиться с тем, что обязанность экономиста состоит в объяснении природы, проблем и будущего реальной хозяйственной системы, и притом “вполне конкретно: что эта система дает людям и чего требует от них” (16, с. 29). Это еще один аспект, связанный с состоянием и развитием науки и проявляющийся в рассматриваемых позициях ее представителей, который является не только отражением связи с объективной исторической реальностью, окрашенной цветами места и времени и подразумевающей ответ на вопрос “что делать?”, но и отражением субъективного пространства. На позиции ученого не может не отразиться его личный социальный опыт, прошлые исследования и их результаты, пристрастия, интересы (разумеется, научные прежде всего). Не секрет, что на отношение к научной концепции могут влиять не только этические, но даже и эстетические критерии. Одним может нравиться динамизм уравнения обмена, другим – сложность “парадокса бережливости”. А ученому, как и всякому человеку, нельзя отказать в праве иметь интересы, в такой же мере, как и мнения. В то же время, вопреки распространенной практике, и выслушивание всего спектра этих мнений иногда оказывается полезным.

Список литературы

1. Буайе Р. Теория регуляции: Крит. анализ. – М.: Наука для о-ва, 1977. – 212 с.
2. Голдман М.А. Что нужно для создания в России нормальной рыночной экономики // Пробл. теории и практики упр. – М., 1998. – № 2. – С.19-24.
3. Голдман М.А. Приватизация в России: можно ли исправить допущенные ошибки? // Там же. – 2000. – № 4. – С. 22-27.
4. Гребенников В.Г. Ассоциации на пройденные темы // Экономическая наука современной России. – М., 1998. – № 1. – С.104-116.
5. Гэлбрейт Дж.К. Экономическая политика измеряется результатами // Пробл. теории и практики упр. – М., 1999. – № 5. – С. 32-36.
6. Доклад о работе 1 Сессии специальной рабочей группы по сравнительному анализу опыта в области приватизации / Конф. ООН по торговле и развитию, Женева. – Нью-Йорк: ООН, 1993. – 17 с.
7. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 8. – С. 97-113.

8. Интрилигейтор М. Шокирующий провал “шоковой терапии” // Реформы глазами американских и российских ученых. – М.: Фонд “За экон. грамотность”, 1996. – С. 128-136.
9. Интрилигейтор М.Д. Чему Россия может научиться у Китая при переходе к рыночной экономике // Экон. наука совр. России. – М., 1998. – № 3. – С. 121-129.
10. Интрилигейтор М., Брагинский С., Швыдко В. Развитие наукоемкого сектора экономики России: Путь экономического возрождения // Пробл. теории и практики упр. – М., 2001. – № 3. – С. 15-20.
11. Клейн Л. Что мы, экономисты, знаем о переходе к рыночной системе? // Реформы глазами американских и российских ученых. – М.: Фонд “За экон. грамотность”, 1996. – С. 27-40.
12. Корнаи Я. Юридические обязательства, проблема их соблюдения и мягкие бюджетные ограничения // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 9. – С. 33-45.
13. Корнаи Я. “Путь к свободной экономике: Десять лет спустя // Там же. – 2000. – № 12. – С. 41-55.
14. Котц Д. Изменит ли Россия экономический курс? // Пробл. теории и практики упр. – М., 1999. – № 2. – С. 22-23.
15. Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков // Вопр. экономики. – М., 1999. – № 12. – С. 34-47.
16. Ольсевич Ю. Институционализм – новая панацея для России? // Там же. – 1999. – № 6. – С. 27-42.
17. Ослунд А. Уроки экономических преобразований в странах Восточной Европы // Там же. – 1994. – № 1. – С. 97-106.
18. Ослунд А. “Рентоориентированное поведение” в российской переходной экономике // Там же. – 1996. – № 8. – С. 99-108.
19. Ослунд А. Россия: Рождение рыночной экономики. – М.: Республика, 1996. – 430 с.
20. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экон. наука совр. России. – М., 1998. – № 1. – С. 46-66.
21. Поумер М. К пониманию переходной экономики // Там же. – 1999. – № 2. – С. 59-77.
22. Поумер М. Модель совершенной конкуренции и роль государства // Реформы глазами американских и российских ученых. – М., Фонд “За экон. грамотность”, 1996. – С. 99-112.
23. Реддавей П. Корни и последствия российского кризиса // Пробл. теории и практики упр. – М., 1999. – № 2. – С. 24-27.
24. Самсон И. Придет ли Россия к рыночной экономике? // Вопр. экономики. – М., 1998. – № 8. – С. 124-135.
25. Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика. – М.: “Лаборатория Базовых Знаний”, 2000. – 800 с.
26. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: Движение к “пост-Вашингтонскому консенсусу” // Вопр. экономики. – М., 1998, № 8. – С. 4-34.
27. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? // Вопр. экономики. – М., 1999. – № 7. – С. 4-30.
28. Стиглиц Дж., Эллерман Д. Мосты через пропасть: макро- и микростратегии для России // Пробл. теории и практики упр. – М., 2000. – № 4. – С. 8-15; № 5. – С. 18-24.
29. Тобин Дж. Вызовы и возможности // Реформы глазами американских и российских ученых. – М., Фонд “За экон. грамотность”, 1996. – С. 65-74.
30. Тэйлор Л. Первые годы переходного периода // Реформы глазами американских и российских ученых. – М., Фонд “За экон. грамотность”, 1996. – С. 87-98.
31. Тэрджен Л. Какая экономическая политика нужна России – монетаристская или кейнсианская? // Пробл. теории и практики упр. – М., 1995. – N 2. – С. 16-20.

32. Шаванс Б. Эволюционный путь от социализма // *Вопр. экономики.* – М., 1999. – № 6. – С. 4-26.
33. Шляйфер А., Вишни Р. Приватизация в России: Проблемы и первые шаги // *ЭКО: Экономика и орг. пром. пр-ва.* – Новосибирск. – 1992. – № 5. – С. 37-53.
34. Экономические реформы в России // *Соц. и гуманитарные науки: Отечественная и заруб. лит-ра: Сер.2, Экономика.* РЖ/РАН. ИНИОН. – М.: ИНИОН, 1994. – № 4. – С. 48-57.
35. Эллерман Д. Ваучерная приватизация как инструмент холодной войны // *Вопр. экономики.* – М., 1999. – № 8. – С. 99-111.
36. Эрроу К. Экономическая трансформация: темпы и масштабы // *Реформы глазами американских и российских ученых.* – М., Фонд "За экон. грамотность", 1996. – С. 75-86.
37. Эффективная стратегия переходного периода: уроки экономической теории обновления: (Докл. амер. экспертов) / Эмсен Э., Интригейтор М., Макинтайр Р., Тэйлор Л. // *Пробл. теории и практики упр.* – М., 1996. – N 2. – С. 30-36; N 3. – С. 20-25.
38. Birman I. Gloomy prospects for the Russian economy // *Europe-Asia studies.* – Glasgow, 1966. – Vol. 48, N 5. – P. 735-750.
39. Boulton L. Prepared to consider alternative approaches // *Financial times.* – L., 1992. – July 3. – Suppl. – P. 5.
40. Boyer R. Quelles reformes a l'Est?; Une approche regulationniste // *Problemes econ.* – P., 1994. – 4 mai. – № 2374. – P. 1-8.
41. Clarke S. The Quagmire of privatization // *New left rev.* – L., 1992. – N 196. – P. 1-28.
42. Ericson R.E. The Post-Soviet Russian economic system: An industrial feudalism? // *Russian crisis and its effects.* – Helsinki, 2000. – (Kikimora publ. Ser. B:9). – P. 133-165.
43. Etzioni A. How is Russia bearing up? // *Challenge.* – Armonk, 1992. – May-June. – Vol. 35. – P. 40-43.
44. Filatov J., Buck T., Wright M. Privatisation and buy-outs in the USSR // *Soviet studies.* – Glasgow, 1992. – Vol. 44, N 2. – P. 265-282.
45. Fischer S., Sahay R. Economies in transition: Taking stock // *Finance and development.* – Wash., 2000. – Vol. 37, N 3. – P. 2-6.
46. Havrylyshin O., Odling-Smee J. Political economy of stalled reforms // *Ibid.* – P. 7-10.
47. Kornai J. Making the transition to private ownership // *Ibid.* – P. 12-13.
48. Murrell P. The transition according to Cambridge // *J. of econ. literature.* – 1995. – Vol. 33, N 1. – P. 164-178.
49. Nagels J. Du socialisme pervers au capitalisme sauvage. – Bruxelles: Ed. de l'Univ. de Bruxelles, 1991. – XIV, 305 p.
50. North D.C. Economic performance through time. – S.1, 1993. – 25 p.
51. Overholt W. Why China booms while Russia bombs? // *Wall street j.* – N.Y., 1992. – Dec. 15. – Vol. 10. – P. 8.
52. Robinson A. Not so easy as it looks // *Financial times.* – 1992. – July 3. – Suppl. – P. 1.
53. *Russia after communism* / Ed.: Aslund A., Olcott M.B. – Wash.: Carnegie Endowment for Peace, 1999. – XXIII, 166 p.
54. Sachs J. Towards democratic regulation of "mixed economies" // *The great transformation of the Eastern economies.* – Paris: IRSES, 1991. – P. 1-16.
55. Sachs J., Lipton D. Russie: Les reformes en peril? // *Problemes econ.* – P., 1993. – 21 janv. – N 2307. – P. 30-32.
56. Sachs J. In defense of Russia's reformers // *Wall street j. Europe.* – L., 1993/1994. – 31 dec./1 janv. – P. 6.

- 57. Sachs J. The reforms in Russia // Wall street j. – N.Y., 1993. – Dec. 31. – Vol. 11. – P.2.
- 58. Weisskopf T.E. Russia in transition: perils of the east track to capitalism // Challenge. – Armonk, 1992. – Vol. 35, N 6. – P. 28-37.

**ПРОВАЛ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИИ В 90-х ГОДАХ
(Сводный реферат)**

1. **GRANVILLE B. L'âche de la stabilisation monetaire en Russie: 1991-1998 // Rev. d'études comparatives Est – Ouest. – P., 1999. – Vol. 30, 2/3. – P. 61-87.**
2. **OULD-ACHMED P. Politiques monetaires, comportements bancaires et crises de financement en Russie: Les vicissitudes des annees 1990 // Rev. d'études comparatives Est – Ouest. – P., 1999. – Vol. 30, 2/3. – P. 89-121.**

В реферируемых статьях критически рассматриваются основные направления кредитно-денежной политики России в 90-х годах, которые, по мнению авторов, завершились августовским кризисом 1998 г.

Б.Гранвиль, руководитель департамента международной экономики Королевского института международных отношений (Великобритания), отмечает, что попытки России стабилизировать обменный курс своей валюты вписываются “в точные временные рамки между двумя банкротствами 1991 г. и 1998 г.” (1, с. 61). До начала реформы банковской системы в 1987-1988 гг. в стране действовала система монобанка, когда единственный Госбанк выполнял все банковские функции. Кредитно-денежная и налоговая политика были подчинены планированию производства. Реформа банковской системы началась с создания трех специализированных банков – “Жилсоцбанка”, “Агропром-банка” и “Промстройбанка”, а также с разрешения создавать кооперативные банки. В 1988-1991 гг. было создано 400 таких банков (1, с. 64). Несмотря на принимаемые меры функции Госбанка оставались неизменными, кредиты по-прежнему предоставлялись по низким процентным ставкам и по указке из центра, независимо от начавших

формироваться условий рынка. 25 декабря 1991 г. Госбанк был формально ликвидирован и заменен Центральным банком России (ЦБР).

На рубеже 90-х годов дефицит государственного бюджета резко возрос – с 2% ВВП в 1985 г. до 10% в 1989 г. и до 30% в четвертом квартале 1991 г. (1, с. 65). Этот рост объяснялся значительными государственными субсидиями на поддержание уровня внутренних цен и обменного курса рубля в условиях постоянного снижения объемов производства и сокращения суммы собираемых налогов. Все это привело к значительному повышению уровня инфляции. Когда российские власти объявили о либерализации цен с начала 1992 г., они, похоже, не представляли всех масштабов стоящих перед ними задач, главными из которых были консолидация финансовой системы страны и создание практически из ничего рынка акций и других ценных бумаг. С января 1992 г. по июль 1995 г. бюджетный дефицит в России финансировался в основном за счет прироста денежной массы, что обуславливало высокий уровень инфляции. В течение этого периода рост денежной базы отражал в основном увеличение объемов внутренних кредитов, среди которых быстрее всего росли кредиты, предоставляемые коммерческим банкам. Последние включали в себя не только суммы рефинансирования банковской системы, но и государственные кредиты предприятиям, которые проходили через коммерческие банки.

В первые годы после начала банковской реформы ЦБР имел в своем распоряжении лишь два инструмента кредитно-денежной политики – так называемые “управляемые кредиты” на финансирование государственного бюджета и обязательные резервы. Рынок ГКО появился только в 1993 г., причем в условиях высокой инфляции и массового бегства капитала спрос на них поначалу был весьма слабым, тем более что нерезиденты не имели доступа на этот рынок. Механизм ломбардных кредитов начал действовать только в феврале 1994 г. “Черный вторник” 11 октября 1994 г. привел к падению курса рубля по отношению к доллару на 27%, что явилось следствием чрезмерного роста денежной массы. Падение рубля спровоцировало серьезный политический кризис, в результате которого к власти пришло правительство В.Черномырдина, которое поставило перед собой в качестве первоочередной задачу финансовой стабилизации. Именно с этой даты, подчеркивает Б.Гранвиль, начинает проявляться все более растущее влияние зарождающегося финансового рынка на экономическую политику и переориентация экономической стратегии правительства на стабилизацию рубля (1, с. 69).

26 марта 1995 г. Россия подписала с МВФ программу стабили-

зации, а в апреле были законодательно утверждены независимость ЦБР и институциональное разделение кредитно-денежной и бюджетной политик. Кроме того, были запрещены кредиты ЦБР на финансирование государственного бюджета; отныне дефицит госбюджета мог финансироваться только за счет займов. Последствия всех этих мер сказались очень быстро: среднемесячные темпы инфляции снизились с 21,6% в период с начала 1992 г. по июль 1995 г. до 1,6% с августа 1995 г. по июль 1998 г. (1, с. 70).

В июле 1995 г. был введен новый механизм регулирования обменного курса рубля – так называемый “валютный коридор”, границы которого сначала должны были быть зафиксированы на три месяца, затем на шесть и на 12 месяцев, чтобы обеспечить плавное изменение обменного курса рубля. Вводя такую систему, ЦБР преследовал двоякую цель: уменьшить денежную базу и обеспечить изменение валютного курса рубля в пределах установленного коридора. Однако, как показали дальнейшие события, приток и бегство капитала и состояние платежного баланса страны усиливали конфликт между двумя этими целями.

Выбор российского правительства между программой стабилизации, базирующейся на регулировании денежных агрегатов, и программой регулирования обменного курса валюты в пользу последней был предопределен следующими обстоятельствами.

Во-первых, в 1995 г. в России наличествовала реальная политическая воля установить контроль над инфляцией, при этом стратегия борьбы с инфляцией, базировавшаяся на стабилизации валютного курса, казалась более эффективной, чем программы контроля над денежными агрегатами. Главный аргумент в пользу избранной стратегии заключался в том, что фиксированный или скользящий курс национальной валюты заставит официальные органы контролировать и объем денежной массы, навязывая тем самым определенную фискальную дисциплину. Кроме того, сторонники избранной стратегии подчеркивали, что стабильность валютного курса рубля является главным фактором поддержания стабильности внутренних цен.

Во-вторых, выбор стратегии мотивировался тем, что приток иностранного капитала будет оказывать воздействие на рост денежной базы, поскольку компенсирует отсутствие национальных сбережений и тем самым будет способствовать оживлению национальной экономики.

Приток капиталов может также стимулировать повышение курса национальной валюты. Если Центральный банк реагирует на это увеличением официальных резервов в иностранной валюте и тем самым увеличивает денежную базу, это создает риск усиления инфляционных

ожиданий и повышения уровня инфляции. В то же время бегство капитала вызывает понижение курса национальной валюты. Продавая валютные резервы с целью поддержания курса валюты, Центральный банк сужает денежную базу и повышает уровень процентных ставок, что ухудшает состояние госбюджета и увеличивает сумму обслуживания долга. Центральный банк может вмешаться на вторичном рынке ценных бумаг, чтобы увеличить объем денежной массы и снизить процентные ставки, создавая при этом угрозу для стабильности валютного курса. Риск обусловлен тем, что Центральный банк должен отказаться от поддержания либо процентной ставки, либо валютного курса. Именно это наблюдалось в России в конце 1997 г., когда ЦБР позволил процентной ставке достичь уровня, необходимого для поддержания валютного курса рубля в рамках валютного коридора. Но сложившийся уровень процентной ставки оказался неприемлемым с точки зрения развития реальной экономики. Главной причиной такого драматического положения стало то, что защита валютного паритета с помощью высокой процентной ставки, оказавшаяся слишком дорогостоящей, неизбежно приводит к дефолту. Все это заставило иностранных инвесторов усомниться в способности России платить по своим долгам.

Между тем политика поддержания стабильного курса рубля способствовала быстрому увеличению внешней задолженности России и связанного с этим отношения суммы обслуживания долга к ВВП. Однако уровень внешней задолженности России был вполне сопоставим с соответствующим уровнем других стран. В 1997 г. государственный долг России составлял 55% ВВП, в том числе внутренний долг – 28,4% и внешний – 26%. Для сравнения: в 1996 г. государственный долг стран ЕС составлял в среднем 70,4% ВВП и США – 63,1% (1, с. 73). Но в отличие от развитых стран задолженность России росла в последние годы чрезвычайно высокими темпами вследствие роста бюджетного дефицита и повышения уровня процентных ставок при очень низких (и даже отрицательных) темпах экономического роста и незначительном объеме официальных валютных резервов.

Быстрое развитие рынка ценных бумаг в России способствовало притоку иностранных капиталов. Фирмы-экспортеры, правительство и частные коммерческие банки широко пользовались этим для получения займов и кредитов в долларах и затем использовали их для приобретения российских ценных бумаг и предоставления займов на внутреннем рынке под гораздо более высокие проценты. Начавшийся в 1997 г. в странах Юго-Восточной Азии международный финансовый кризис оказал негативное влияние и на российский финансовый рынок. Потоки

капиталов концентрировались в основном на рынке долговых обязательств, номинированных в рублях, превратившегося в основной механизм, с помощью которого доверие к режиму валютных курсов определяло уровень процентных ставок (1, с. 73-74). Позволяя процентным ставкам расти, официальные органы заявляли о своих намерениях защищать валютный паритет рубля и тем самым привлекать капитал, что должно было со временем обеспечить снижение уровня процентных ставок. Однако иностранные инвесторы, пораженные непрерывным повышением процентных ставок, стали сомневаться в способности российского правительства обслуживать растущую сумму долга. Правительство нуждалось в дополнительных средствах для финансирования бюджетного дефицита, однако не могло обеспечить сбор налогов. Некоторые западные исследователи связывали это с тем, что сама идея стабилизации российской экономики носила “виртуальный” характер. Другие указывали на такие негативные последствия проводимой политики, как развитие бартерного обмена и распространение так называемых “квазиденег”, что компенсировало отсутствие достаточных ликвидных средств в экономике. При этом бюджетные субсидии заменялись скрытыми внебюджетными субсидиями. В этих условиях официальная российская статистика не отражала реального положения дел в экономике.

Нельзя сказать, продолжает Б.Гранвиль, что власти России ничего не предпринимали. Напротив, в ноябре 1997 г. было организовано казначейство, которому были переданы функции, прежде выполнявшиеся уполномоченными коммерческими банками. Эта мера привела к снижению ликвидности банков, что осложнило их финансовое положение в первой половине 1998 г. Одновременно были запрещены взаимозачеты, особенно при уплате налогов и оплате электроэнергии. Подобные новшества в первое время вызывали сопротивление со стороны экономических субъектов и поиски ими альтернативных (обходных) путей. К этому моменту относится падение мировых цен на нефть и другие сырьевые ресурсы, что также повлияло на снижение бюджетных доходов, которые зависели от небольшого числа предприятий-налогоплательщиков: всего 20 предприятий обеспечивали 75% всей суммы собранных налогов (1, с. 76). В результате действия этих и других факторов в первой половине 1998 г. баланс текущих операций России впервые после 1993 г. стал дефицитным, что ускорило отток иностранного капитала.

Финансирование бюджетного дефицита с помощью иностранных сбережений возможно только в том случае, если у операторов

международных финансовых рынков существует положительное впечатление о ситуации в национальной экономике. К концу 1997 г. такое впечатление о российской экономике окончательно рассеялось: все более повышающиеся процентные ставки, призванные защитить обменный курс рубля только пугали иностранных инвесторов, что приводило к утрате их доверия к правительству России. Уязвимость государственных финансов усиливалась и под воздействием того факта, что половину внутреннего долга России составляли краткосрочные заимствования (сроком менее одного года). В июне 1998 г. краткосрочный долг в четыре раза превышал сумму официальных валютных резервов России (1, с. 76). Этот факт полностью разрушил доверие иностранных инвесторов к российскому финансовому рынку, что вызвало серьезный кризис ликвидности, который неизбежно последовал за кризисом платежеспособности.

Таким образом, подчеркивает автор, принятая в июле 1995 г. стратегия поддержания обменного курса рубля обусловила приток иностранного капитала, который, в свою очередь, вызвал настоящий взрыв заимствований средств на рынках государственных обязательств и акций. Коммерческие банки получали займы в долларах и размещали полученные средства на рынках акций и других ценных бумаг, что обеспечивало им получение высокой прибыли. ЦБР не осуществлял над банковской системой должного контроля, что позволяло коммерческим банкам безнаказанно брать на себя высокие риски. При этом отсутствовали эффективные законы о банкротстве финансовых институтов и защите вкладчиков. Ограничительная политика ЦБР, лишавшая коммерческие банки необходимых ликвидных средств, еще более усложняла их положение и в конечном счете привела к неплатежеспособности банков и августовскому кризису 1998 г.

Повышение процентных ставок влияло не только на уровень задолженности, но и на позиции банковской системы, которые все более ослаблялись вследствие растущей предрасположенности банков к кредитному риску. Этот факт показывает, что частная задолженность имеет такое же значение, как и государственная. Частные займы представляли лишь небольшую часть активов российских банков: в 1998 г. их доля составляла всего 10% банковского продукта (в том числе 3% на срок более шести месяцев) против 120% у японских банков (1, с. 78). После введения валютного коридора российские банки конвертировали свои активы, вложенные в валюту, в приобретение ГКО (государственных казначейских облигаций), которые обеспечивали им высокие доходы. В сентябре 1997 г. доходы от ГКО составляли 41%

совокупных доходов 100 крупнейших российских банков (1, с. 78). По словам автора, подобное положение превратило ЦБР в заложника Министерства финансов. Однако политика стабилизации валютного курса рубля привела к тому, что доходность ГКО стала постепенно снижаться, что лишало банки “легкой прибыли”, начавшей уменьшаться с середины 1997 г. Осенью 1997 г., когда российские банки намеревались переориентировать свои ресурсы в пользу реальной экономики, стали проявляться первые признаки надвигающегося финансового кризиса.

Еще одним фактором, обострившим конфликт между кредитно-денежной и бюджетной политикой, был низкий уровень сбережений, что лишало российские банки необходимой депозитной базы. Власти также не могли привлечь сбережения для финансирования бюджетного дефицита из-за низкого доверия населения. До августа 1996 г. ЦРБ не решался открывать рынок ценных бумаг для нерезидентов, чтобы не допускать чрезмерных спекуляций, а также под давлением Ассоциации российских банков, которая стремилась защитить интересы крупнейших коммерческих банков. С увеличением притока иностранного капитала условия его допуска на российский финансовый рынок постепенно смягчались. После обретения независимости ЦБР надеялся завоевать доверие широкой публики, пытаясь до августа 1998 г. отражать атаки на рубль, используя такие инструменты, как регулирование ставок рефинансирования, обязательных резервов коммерческих банков и ставок по ломбардным кредитам.

До августа 1998 г. население России, в отличие от иностранных инвесторов, не проявляло особого беспокойства по поводу состояния национальной финансовой системы. Паника среди населения началась только в конце августа после отставки правительства С. Кириенко.

Однако, считает Б.Гранвиль, к краху финансовой системы России в августе 1998 г. привела не паника среди населения и не бегство иностранного капитала, а сама банковская система России (1, с. 81). ЦРБ отказался контролировать рынок фьючерсных контрактов, на который устремились коммерческие банки в поисках высоких доходов. На середину 1998 г. они продали иностранным партнерам фьючерсные контракты на несколько миллиардов долларов, используя полученные средства на приобретение ГКО и других инструментов. По мере того как коммерческие банки расширяли подобную деятельность, они испытывали все большие трудности в покрытии срочных покупок долларов своими рублевыми активами.

В результате произошедшая осенью 1998 г. девальвация рубля сделала многие из этих банков неплатежеспособными. Можно даже

сказать, что девальвация только подтвердила неплатежеспособность ведущих российских коммерческих банков, обязательства которых по фьючерсным контрактам в долларах в несколько раз превышали сумму их собственного капитала. Банки попытались избавиться от ГКО и других активов, чтобы приобрести необходимые ликвидные средства и купить на них иностранную валюту, необходимую для погашения долга. Однако ЦБР реагировал на приток ликвидных средств на валютный рынок мерами, которые еще больше ограничивали ликвидность финансовой системы, чтобы поддержать курс рубля в валютном коридоре. Порочный круг замкнулся, внутренний и внешний спрос на ГКО упал до нуля. Это означало, что правительство уже не могло платить по своим долгам за счет новых займов и что 1,2 млрд. долл. каждую неделю должны были погашаться только за счет налогов. В этих условиях дефолт стал неизбежным. После кризиса августа 1998 г. ЦБР отказался от всяких попыток фиксировать валютный курс рубля. Это решение, наряду с реструктуризацией ГКО и введением моратория на погашение внешнего долга, полностью подорвало доверие населения к банковской системе.

В принципе, пишет в заключение Б.Гранвиль, уязвимость российской экономики могла быть уменьшена и даже устранена тремя следующими способами:

- остановка бегства капитала и ограничение сбережений населения в валюте (в основном в долларах), что позволило бы финансировать бюджетный дефицит с приемлемым уровнем процентной ставки и изолировать российский рынок от превратностей международных финансовых рынков;
- разработка более уравновешенного бюджета, что избавило бы страну от необходимости заимствовать значительные средства и увеличивать тем самым бремя внешнего долга; к сожалению, эти два решения требовали проведения последовательной и твердой экономической политики, что было невозможно, в основном из-за высоких политических издержек такой политики и отсутствия доверия, для установления которого необходимо несколько лет;
- установление режима гибкого или плавающего валютного курса, позволяющего контролировать уровень процентной ставки с помощью внутренней кредитно-денежной политики; этот способ казался наиболее легким.

Как отмечалось выше, в 1995 г. была принята стратегия борьбы с инфляцией, базирующаяся на регулировании валютного курса рубля, которая явилась частью долгосрочного плана по предотвращению

бегства капитала. Поначалу эта стратегия принесла определенные позитивные результаты: климат на российском финансовом рынке в 1996 г. и в первой половине 1997 г. был весьма благоприятен для того, чтобы решить проблемы государственного бюджета. Однако российское правительство увидело в “финансовой манне”, поступавшей из-за рубежа, только возможность для получения еще больших займов. При этом Министерство финансов продолжало изобретать все новые финансовые долговые инструменты (агро, энерго и т.д.). В этих условиях начавшийся финансовый кризис в странах ЮВА только ускорил обострение кризиса в России. Конечно, сочетание неблагоприятных факторов не могло бы оказать столь отрицательного воздействия на Россию, если бы не хроническая слабость ее экономической и финансовой системы.

В статье П.Улд-Ахмед, сотрудницы университета Марны (Франция), рассматривается влияние кредитно-денежной политики России на поведение банков в области кредитования реального сектора экономики. По мнению автора, эта политика была неэффективной, поскольку затрудняла финансирование предприятий за счет банковских кредитов и заставляла многие предприятия изыскивать альтернативные источники финансирования. Это способствовало углублению кризиса реальной экономики, главными симптомами которого были непрекращающееся снижение темпов роста промышленного производства, фрагментация “денежного пространства”, хроническая неликвидность и неплатежеспособность целых отраслей экономики, бегство рубля из экономического оборота, кризис банковской системы, рост дефицита государственного бюджета, который все труднее было финансировать (2, с. 90). Конечно, подчеркивает автор, на ухудшение макроэкономического положения в России повлияла не только кредитно-денежная политика, но и другие факторы.

С января 1992 г. власти России стали проводить ограничительную кредитно-денежную политику, используя четыре основных инструмента: жесткое регулирование объемов кредитования, манипулирование ставкой рефинансирования коммерческих банков, введение норматива обязательных резервов в ЦБР и поддержание обменного курса рубля с целью борьбы с инфляцией и восстановления доверия к рублю. Либерализация цен, инфляция, рост издержек производства и ужесточение кредитно-денежной политики обусловили высокий уровень предрасположенности большинства предприятий к кризису ликвидности. В 1997 г. объем промышленного производства составил всего 48,4% от уровня 1989 г., а валовые вложения в основной

капитал в 1996 г. – 20,5% от уровня 1990 г. (2, с. 95). В условиях нехватки ликвидных средств (рублей) предприятия стали искать другие способы финансирования, среди которых важное место занимали межфирменные коммерческие кредиты. Все это привело к росту неплатежей, причем не только между предприятиями, но и между ними и государством, которое также не оплачивало свои заказы. Во втором квартале 1993 г. сумма неплатежей промышленных предприятий достигла 25,2% стоимости промышленного производства (2, с. 97). В результате механизм неплатежей охватил всю сеть взаимоотношений между всеми экономическими субъектами – государством, предприятиями, банками, местными органами власти. Пытаясь разрешить проблему неплатежей, которые затрудняли развитие обмена, предприятия стали практиковать систему взаимозачетов и бартерного обмена, который к началу 1997 г. достиг, по оценкам, 41% общего объема продаж промышленных предприятий (2, с. 97).

Одновременно с этим развивалась долларизация российской экономики: в 1994-1997 гг. доля приобретения иностранной валюты в общей сумме сбережений домашних хозяйств возросла с 61,7 до 84,7%, тогда как доля банковских вкладов снизилась с 22,6 до 8,6% (2, с. 97). Быстрое развитие получила эмиссия частными предприятиями и местными органами власти векселей, которые использовались в основном для расчетов трех типов: между предприятиями одной отрасли (энергетики, строительства, металлургии и т.д.), между предприятиями и местными органами власти, между предприятиями и федеральными властями. Некоторые предприятия стали выпускать собственную “валюту” для выплаты заработной платы. Подобная параллельная валюта (денежные суррогаты) позволила в некоторой мере погасить задолженность предприятий и обойти жесткие меры кредитно-денежной политики ЦБР. Однако рост массы денежных суррогатов создавал асимметрию в положении предприятий, которая обусловила, с одной стороны, формирование мощных финансово-промышленных групп, сосредоточивших в своих руках огромные капиталы, а с другой – вывод целых отраслей экономики из сферы денежного оборота, регулируемой ЦБР. Все это, в конечном счете, подорвало кардинальные функции национальной валюты (рубля) – быть мерой стоимости и главным инструментом регулирования обмена (2, с. 99).

Таким образом, делает вывод автор, ужесточение кредитно-денежной политики ЦБР не привело к усилению финансовой дисциплины предприятий. Напротив, эта политика побуждала их использовать в качестве главного средства стратегии адаптации

продление сроков погашения задолженности. Что касается государства, то его реакция носила двойственный характер: с одной стороны, оно само отказывалось погашать свои обязательства перед многими предприятиями, а с другой – стремясь противостоять финансовому хаосу, брало на себя часть долга частных предприятий, финансируя такие меры за счет кредитов ЦБР. Кроме того, государство освобождало некоторые испытывающие трудности предприятия от части или всех налогов, чтобы избежать обострения социальной напряженности. Подобная социализация (обобществление) частной задолженности государством, поддерживая предприятия “на плаву”, вместе с тем не позволяла им осуществлять реконструкцию и новые проекты и увеличивать инвестиции. Одновременно с ростом государственных расходов рос дефицит госбюджета. Государство было не в состоянии полностью собирать налоги, к тому же налоговая база в условиях продолжающейся экономической депрессии постоянно уменьшалась. В результате доля налогов на прибыль предприятий в общей сумме налогов снизилась в 1994 – 1996 гг. с 27 до 17% , в том числе на прибыль банков – с 12 до 2,5% (2, с. 100).

Ухудшение финансового состояния предприятий оказывало непосредственное влияние на банковскую систему. В условиях нехватки финансовых ресурсов предприятия обращались к банкам. Однако ЦБР создал механизм контроля за предоставлением кредитов, включавший такие инструменты, как сокращение объема кредитов, выдаваемых ЦБР коммерческим банкам, повышение ставок рефинансирования и манипулирование нормой обязательных резервов. Хотя многим банкам удавалось частично обойти введенные ЦБР нормативы, сами они пострадали от примиренческой политики в отношении предприятий, которым предоставляли кредиты без учета их реального финансового положения и перспектив развития.

Неэффективность введенных нормативов обязательных резервов банков проявлялась в том, что фактический уровень таких резервов, как правило, был ниже установленного норматива. Так, в марте 1992 г. ЦБР установил норматив обязательных резервов в размере 15% суммы вкладов до востребования и срочных вкладов до одного года и в 10% от суммы срочных вкладов более одного года, хотя фактически обязательные резервы не превышали 8% суммы банковских вкладов (2, с. 101). Одной из причин такого положения автор считает то, что вклады населения были сосредоточены в Сбербанке, у которого на июль 1997 г. 76,2% активов составляли вклады населения (2, с. 102). Кроме того, нормативы обязательных резервов относились лишь к рублевым вкладам,

тогда как в коммерческих банках рос объем валютных вкладов населения. Только с февраля 1995 г. ЦБР ввел норматив обязательных резервов, составлявший 2% от суммы валютных вкладов. Однако отсутствие регулярных проверок (ревизий) позволяло банкам не соблюдать установленные нормативы. Наконец, предусмотренные ЦБР санкции за нарушения нормативов практически никогда не применялись.

До марта 1995 г. коммерческие банки получали значительные прибыли за счет разницы между ставками денежного рынка и ставкой рефинансирования, по которой они получали кредиты ЦБР. В первые годы переходного периода коммерческие банки России делились на две группы. В 1991 г. две трети коммерческих банков, которые были “наследниками” прежних отраслевых государственных банков, пользовались льготными условиями рефинансирования ЦБР. На их долю приходилась основная масса кредитов, предоставляемых банками под 2-3% годовых. Получателями кредитов были в основном крупные государственные предприятия, подлежащие приватизации. Таким образом, рассматриваемые банки служили своего рода передаточными механизмами между ЦБР и другими центральными органами (бюджетом, Министерством финансов), с одной стороны, и предприятиями – с другой. Со временем стали появляться новые коммерческие банки, которые предоставляли кредиты по рыночным условиям (например, в 1992 г. под 20-25% годовых). Их клиентами были акционерные общества, приватизированные и кооперативные предприятия. Однако роль этих банков в кредитовании реальной экономики была незначительной.

Все более возрастающая нехватка ликвидных средств (рублевой массы) привела к тому, что банки стали испытывать все большие трудности, связанные с тем, что их активы были отягощены сомнительными долгами предприятий, а их пассивы – обязательствами перед ЦБР. Это привело к кризису ликвидности у одних банков и кризису неплатежеспособности – у других. Однако многие банки продолжали поддерживать предприятия, потому что кризис платежного механизма не позволял им отличать неликвидные, но прибыльные предприятия от неплатежеспособных предприятий. В этих условиях ЦБР должен был, во-первых, предупредить развязывание системного кризиса и, во-вторых, управлять последствиями частичной демонетизации обмена и появления “параллельных” денег, подрывавших функцию рубля как расчетной единицы. “В первой половине 90-х годов, подчеркивает автор, политика ЦБР характеризовалась чередованием мер по ужесточению и смягчению кредитно-денежной политики, что, в конечном счете, подорвало доверие к нему и тем самым скомпрометировало его собственные цели” (2,

с. 106). Единственным успехом этой политики было значительное снижение темпов инфляции, что, однако, не является исключительной заслугой ЦБР. Ограничительная кредитно-денежная политика сыграла существенную роль в ухудшении макроэкономического положения России, способствуя росту неплатежей, нехватке ликвидности, распространению бартера, частичной демонетизации обмена, уменьшению объемов кредитования реальной экономики, снижению инвестиций и непрекращающемуся падению промышленного производства (2, с. 107). Кроме того, эта политика заставила предприятия и банки приспосабливаться к складывающейся ситуации, что значительно ослабляло влияние ЦБР и других органов на условия финансирования. Все это заставило власти перейти в 1995 г. к новой кредитно-денежной политике.

С апреля 1995 г. ЦБР прекратил прямое финансирование дефицита госбюджета за счет кредитов, отныне главным источником такого финансирования стала продажа ГКО и облигации федерального займа (ОФЗ). Чтобы повысить дисциплину банков и усилить контроль за их ликвидностью, ЦБР увеличил с 2 до 9% норматив обязательных резервов для валютных вкладов (этот норматив действовал в 1995-1997 гг.); с февраля 1998 г. был введен единый норматив обязательных резервов, касающийся всех типов рублевых и валютных вкладов, составивший 11%. Повышение ставки рефинансирования ЦБР с 90% в августе 1995 г. до 170% в апреле 1996 г. еще более ограничило объем кредитов, предоставляемых коммерческими банками предприятиям. Все это заставило коммерческие банки приобретать государственные долговые обязательства ГКО и ОФЗ, которые обеспечивали им высокие доходы. В результате начиная с 1995 г. государственный долг стал финансироваться в основном за счет эмиссии ГКО, что, в свою очередь, приводило к быстрому росту госдолга. В результате в 1996 г. сумма обслуживания долга составила 30% расходов госбюджета против 4% в 1994 г. В 1997 г. половина налоговых поступлений расходовалась на выплату процентов по госдолгу (2, с. 112). Для финансирования таких расходов государство вынуждено было прибегать к новым эмиссиям ГКО. Однако уже скоро наступил момент, когда местные коммерческие банки оказались не в состоянии поглотить новые эмиссии ГКО, что заставило правительство в 1996 г. открыть рынок ГКО для нерезидентов. К апрелю 1997 г. последние, привлеченные высокой доходностью ГКО, приобрели их на сумму в 8 млрд. долл. Однако массированные продажи ГКО нерезидентам привели к снижению их доходности, что, в свою очередь, заставило нерезидентов продавать эти бумаги. ЦБР, обязанный

приобретать ГКО у нерезидентов, должен был расходовать на эти цели официальные валютные резервы, что угрожало подорвать стабильность рубля.

Подобное развитие событий отражало наличие сильной взаимосвязи между механизмами финансирования государственного долга и кредитно-денежной политикой. Стабильность рынка ГКО и ОФЗ была тесно связана с паритетом рубля и доходностью ГКО. Обменный курс рубля и уровень доходов ГКО и ОФЗ превратились в стратегические переменные кредитно-денежной политики. Финансовые органы должны были в этих условиях ужесточать кредитно-денежную политику, повышая, в частности, уровень процентов по банковским кредитам. Приобретая ГКО и получая от этого высокие доходы, коммерческие банки вместе с тем испытывали недостаток ликвидных средств, что усиливало напряженность на денежном рынке и заставляло ЦБР смягчать некоторые меры кредитно-денежной политики. Иными словами, кредитно-денежная политика ЦБР постоянно колебалась под воздействием поведения иностранных инвесторов на рынке ГКО и потребностей коммерческих банков в ликвидных средствах. Все это делало обострение финансового кризиса неизбежным.

Первый финансовый миникризис, разразившийся в России в ноябре 1997 г., имел, по мнению автора, две основные причины: 1) возросшие потребности российской экономики в ликвидных средствах (об этой потребности свидетельствовали, например, задержки в выплате заработной платы); 2) отказ МВФ предоставить заем в 700 млн. долл. из-за несоблюдения российским государством налоговой дисциплины. Определенное влияние на обострение кризисных явлений оказал и начавшийся финансовый кризис в странах Юго-Восточной Азии. Так, несмотря на повышение доходности ГКО, южнокорейские банки продали ГКО на 4 млрд. долл., что заставило ЦБР расходовать средства на выкуп этих ценных бумаг.

Таким образом, подчеркивает автор, если в 1992-1995 гг. государство брало на себя долги частных экономических субъектов, то после 1995 г. последние, особенно коммерческие банки и иностранные инвесторы, стали финансировать государственный долг. Иными словами, если в первой половине 90-х годов происходила “социализация частной задолженности государством, то во второй половине – приватизация финансирования государственного долга” (2, с. 114). Именно эта “приватизация” и явилась главной причиной финансового краха в августе 1998 г. Этот крах имел и другие причины, главным образом внутреннего характера, к числу которых относятся: увеличение импорта из-за

неспособности национального производства удовлетворить спрос на многие товары, падение экспортных доходов из-за снижения мировых цен на нефть и другие сырьевые товары, сокращение официальных валютных резервов ЦБР, массовое бегство капиталов, отказ резидентов от приобретенных ранее ГКО, неспособность коммерческих банков выполнять свои обязательства, неплатежеспособность многих предприятий. Все это заставило правительство России принять в августе 1998 г. в одностороннем порядке три решения: о девальвации рубля, о введении моратория (на 90 дней) на погашение внешнего долга и о дефолте в отношении внутреннего долга. Дополнительно были приняты меры по конверсии краткосрочных обязательств государства в рублевые облигации сроком на три-пять лет, по расширению валютного коридора, снижению нормы обязательных резервов для коммерческих банков. Несмотря на все эти меры, курс рубля продолжал снижаться. Как пишет в заключение автор, все это означало не только провал кредитно-денежной политики ЦБР, но и в более широком плане – неспособность финансовых органов страны твердо и стабильно следовать определенной линии поведения (2, с. 117). Постоянные изменения целей кредитно-денежной политики в 90-х годах заставляли экономических субъектов сомневаться в способности ЦБР проводить адекватную политику. В результате кредитно-денежная политика не только не достигала поставленных перед ней целей, но и усиливала экономический и финансовый кризис. Такие явления, как неплатежи, бартер, демонетизация обмена, развитие квазиденег, кризис банковской системы и финансирования производственной системы, непрекращающееся падение промышленного производства, являются свидетельствами провала кредитно-денежной политики и одновременно ее ответственности.

Все это требует проведения институциональных, экономических и политических реформ, способных восстановить доверие экономических субъектов к банковскому сектору и стимулировать тем самым увеличение производительных инвестиций и темпов экономического роста.

Л.А. Зубченко

В.И.ШАБАЕВА
РЕФОРМИРУЕМАЯ РОССИЯ: ОТНОШЕНИЯ
СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ
(Обзор)

В начале 1992 г. Б.Ельцин назвал две главные цели внешней политики своего правительства: облегчить вступление России в “цивилизованное сообщество государств” и, одновременно, обеспечить ей максимальную поддержку извне для проведения внутренних преобразований. “Россия сможет стать современным цивилизованным государством лишь в том случае, если будет преодолена замкнутость страны и общества и налажен полноценный контакт с международным сообществом государств, ... и прежде всего с европейским сообществом” (6, с.5). Предпосылки для такой политики казались благоприятными: прощание России с тоталитарными иллюзиями создавало основу для укрепления доверия между народами и партнерских отношений между странами. Однако, хотя перспективы для реализации провозглашенной Б.Ельциным политики были внешне вполне благоприятными, внутренние проблемы страны и ее экономическая слабость тормозили процесс включения России в мировую экономику.

Чрезвычайно осложнили ситуацию отношения с бывшими советскими республиками. На сложные в тот период отношения России со “старой границей” – европейско-атлантическими государствами – и с “новой границей” – Сообществом независимых государств (СНГ) – особое внимание обращает сотрудник Федерального института восточных и международных исследований (Кельн, ФРГ), профессор Х.Тиммерман, отмечая, что отношения со странами СНГ, с которыми Россия в течение почти столетия жила в одном государстве, складывались хуже, чем с прочими странами. В связи с этим, подчеркивал автор, решающим для будущего внешней политики России

является исход борьбы противоречивых политических сил и общественных движений вокруг идентичности страны и политики радикальных экономических реформ внутри нее, а также отношения с бывшими республиками СССР и отношение западных стран к Российской Федерации (6).

Кроме того, распад СССР не закончился уходом из него бывших советских республик. По мнению экспертов, риски дезинтеграции существуют и в нынешней России (4). При этом имеется в виду "дезинтеграция" в широком смысле слова, как сумма различных центробежных процессов, которые могут подорвать единство страны и привести к политической или экономической обособленности регионов. "Сепаратизм" как высшая стадия дезинтеграции может вылиться в прямую конфронтацию между государством и отдельными регионами. Поэтому чрезвычайно важной задачей для правительства России является выработка "новой региональной стратегии" для преодоления дезинтеграционных процессов, которые представляют опасность не только для единства страны, но и для внешнего мира. Правда, вместе с ростом самостоятельности регионов для международного сообщества помимо рисков появляются и шансы. Губернаторы ряда областей и городов (Новгород, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Татарстан) проводят эффективную экономическую политику, и в этих случаях Запад может оказывать финансовую и техническую помощь напрямую более успешно, чем через Центр (1, с.126)).

Развивая мысль о рисках, которые несет в себе реформируемая Россия, сотрудник Фонда науки и политики в Эбенхаузене (ФРГ) Х.Адомайт (1) указывает, что опасность, которую в настоящее время представляет Россия для сообщества западных государств, носит своеобразный характер. Если в первые четыре десятилетия после войны риски исходили от сильного централизованного государства с мощной военной промышленностью, то в настоящее время условия резко изменились. Главной опасностью для внешнего мира сейчас и в обозримом будущем является распад политической власти и государственного порядка, разложение военно-промышленного комплекса и даже, отчасти, военная слабость России. Поскольку политическая ситуация в стране и направление дальнейшего развития менее определены, чем в советский период, то и источники опасности для внешнего мира меньше поддаются просчету.

Причины эрозии политической власти в России многообразны. К ним, в частности, относятся более медленные, чем в странах Центральной и Восточной Европы, темпы преобразований (из-за

отсутствия исторического опыта демократии и самоопределения); полное отсутствие присущей гражданскому обществу частной собственности, которая была заменена государственной; необходимость реструктуризации после распада СССР мощного военно-промышленного комплекса, избавления от имперского наследия, выстраивания новых отношений с независимыми государствами на постсоветском пространстве и т.д. Кроме того, демократические преобразования тормозились парламентом, две трети которого не хотели или враждебно относились к реформам. Не последнюю роль играли и субъективные факторы, в частности решения и поведение президента Б.Ельцина, подрывавшие его авторитет. Наиболее тяжелые последствия, повлиявшие на отношение международного сообщества к России, имело введение войск в Чечню в декабре 1994 г.¹ Наряду с этим наличие у президента страны огромных властных полномочий способствовало созданию системы, при которой, как и в царской России, решение важнейших государственных задач и распределение ресурсов зависели от доступа к суверену. В то же время не уделялось должного внимания строительству демократических институтов, принимались непродуманные кадровые решения (например, далеко не всегда оправданные смены премьер-министров).

Значительное ослабление центральной власти в немалой степени способствовало разрушению финансовой системы страны; непрозрачности налоговой политики; низкой собираемости налогов (около 40% подлежащих уплате налогов не выплачиваются в денежном выражении); мошенничеству с таможенными пошлинами, в результате которого федеральная касса теряет приблизительно 6 млрд. долл. в год. (1, с.124). Доля бюджетных доходов в российском ВВП снизилась, по официальным данным, с 14,9% в 1993 г. до 10,5% в 1998 г. (1, с. 123). А проект государственного бюджета РФ на 1999 г. предусматривал расходы в размере всего лишь 573 млрд. рублей. Таким образом, огромная страна может израсходовать только около 29 млрд. долл., что является ничтожно малой величиной по сравнению, например, с американским бюджетом (1,7 блн. долл.) и меньше даже, чем расходы американских штатов Нью-Йорк или Техас (1, с. 123).

Неспособность власти обеспечить большинству населения минимум материальных благ привела к потере доверия граждан к

¹ Как отмечает Х.Тиммерман, грубое ведение войны в Чечне затормозило динамику отношений Россия – ЕС и вынудила Союз фактически аннулировать ряд объявленных проектов (8, с. 750).

существующему государственному и экономическому порядку, что выражается, в частности, и в неготовности инвестировать в российскую экономику и стремлении переводить деньги за границу. Согласно исследованиям Института экономики РАН и Центра исследований международной экономики университета Западный Онтарио, в период 1992-1997 гг. из страны “утекло” 140 млрд. долл., т.е. приблизительно по 23 млрд. долл. в год (1, с.124).

Тем не менее для консолидации своего статуса великой державы в многополярном мире Россия стремится к равноправному партнерству с другими странами и региональными объединениями государств, особенно с Европейским союзом (ЕС), подчеркивая свою особую заинтересованность в развитии торговли, научно-технического сотрудничества и финансовых отношений. Большое значение придается также включению страны в международное разделение труда. Такую позицию России Х.Тиммерман объясняет влиянием мощных экономических и торговых групп на формирование ее международных отношений. Эти группы (крупные банки, экспортеры нефти и газа, конкурентоспособные предприятия, производящие вооружение, самолеты, космическая отрасль) заинтересованы в усилении экономической составляющей внешней политики, в преобразованиях, модернизации и интернационализации российской экономики, а это предполагает не конфликты, а партнерство с Западом. Ярким примером такой ориентации служит российский газовый монополист “Газпром”, покрывающий 30% потребности стран ЕС в газе (7, с.10).

Уже сейчас ЕС является для России важнейшим торговым партнером: более 40% ее торговли приходится на ЕС, а после его расширения на Восток эта доля может превысить 50% (7, с.12). 64% прямых инвестиций поступают в Россию из стран – участниц ЕС. К тому же 80% компаньонов российских смешанных предприятий являются выходцами из Союза, и, наоборот, две трети всех предприятий с российским участием действуют на пространстве ЕС. Однако, по оценкам, торговля между Россией и ЕС составляет только третью часть от уровня, на который можно было бы рассчитывать, учитывая потенциал российской экономики и близость России к рынкам ЕС (9, с.25).

Останавливаясь на проблеме взаимоотношений России с международными европейскими структурами, Х.Тиммерман (7) отмечает, что они отмечены целым рядом противоречий, обусловленных поисками новой Россией своего места в мире и особенно в Европе. В

силу исторически сложившихся связей с Европой подавляющее большинство русских чувствуют себя европейцами, стремясь в то же время сохранить свои принципы, ценности, традиции и интересы. Известное дистанцирование от Запада является в глазах русской элиты важным признаком, утверждающим идентичность новой России.

Тем не менее, на протяжении последних лет Москва четко обозначала стремление к развитию внешних связей с Европой. Это, считает Х.Тиммерман, вполне логично, поскольку с Европой Россия тесно переплетена в историческом, политическом, экономическом и культурном отношениях. Он подчеркивает, что, “несмотря на все свои противоречия, Россия однозначно является частью Европы, и со своим богатым потенциалом людских ресурсов, природных богатств, научных знаний и культуры она может внести весомый вклад в дальнейшее развитие Европы” (7, с.9). Поэтому европейцы стремятся вовлечь ее в европейские структуры и процессы, во всяком случае, в той мере, в какой это отвечает, с одной стороны, их принципам и интересам, с другой – желанию и возможностям России.

В то же время многие признаки свидетельствуют о том, что Россия все больше рассматривает именно ЕС не просто как важного, а даже предпочтительного, партнера в своих международных отношениях. Это объясняется тем, что ЕС является важнейшим партнером по модернизации России; Россия не имеет по отношению к ЕС имперских намерений, напротив, в Москве рассматривают ЕС как важный фактор европейской безопасности; наконец, значение ЕС для России возрастает потому, что Вашингтон не заинтересован во всеобъемлющем партнерстве с Россией, а концентрирует внимание на военно-стратегических проблемах.

Большое значение ЕС для России определяется и ее стремлением вписаться в процессы международной кооперации. Особое значение Россия придает созданию зоны свободной торговли, считая дискриминационными антидемпинговые меры ЕС, которые, по российским оценкам, “стоят” ей 300 млн. долл. в год (7, с.17); Россия заинтересована в активном сотрудничестве в региональных организациях, таких как Советы Балтийского и Баренцева морей, а также в трансграничной торговле, особенно с учетом ограничений Шенгенского режима.

Со своей стороны, и ЕС заинтересован в добрососедских отношениях с Россией, что объясняется вполне прагматичными причинами: будущее РФ является важным элементом будущего всего континента и поэтому представляет стратегический интерес для ЕС;

Европа заинтересована в стабильной, демократической, процветающей России, являющейся активным субъектом международной политики – ее посредничество в решении югославского кризиса показывает, что она может играть важную роль в разрешении региональных конфликтов; большое значение имеет экономическое оздоровление России, поскольку возрастут возможности экспорта западных предпринимателей в огромную страну, а по мере реструктуризации и модернизации российской экономики она сама будет расширять свой экспорт и теснее вписываться в мировое хозяйство.

Говоря о незаменимости России как партнера для Европы, немецкий экономист Г.Руде (3) отмечает, что мир на Востоке изменился, создается впечатление, что с уходом советских войск он еще больше отделился от Запада. Однако в долгосрочном плане Россия с ее мощным потенциалом будет необходимым партнером ЕС: “Возможно это будет последний крупный рынок, который откроется для Европы” (3, с. 744). Но прагматичная политика по отношению к России осложняется тем, что ранее мощная империя оказалась бессильной, и в ней растет недоверие к партнерам и соседям. Соответственно и Запад теряет доверие к России, задаваясь вопросом, способна ли она к демократии, к восприятию современных форм экономического развития, к обеспечению порядка и соблюдению правовых норм. Мысль о необходимости придерживаться в отношениях с Россией трезвого, прагматичного подхода с четким формулированием собственных интересов высказывает и Х.Тиммерман, отмечая в то же время, что обе стороны, не предъявляя друг другу чрезмерных требований, должны предвидеть возможные неудачи.

Формально отношения ЕС – Россия институционализированы: ЕС имеет представительство в Москве с примерно 80 сотрудниками. Представительство России в Брюсселе значительно меньше, поскольку до недавнего времени Москва рассматривала ЕС почти исключительно как экономического и торгового партнера. Контрактной основой отношений ЕС-Россия является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве от 1 декабря 1997 г. (СПС).

Оценивая это Соглашение, Ю.Борко отмечает, что с вступлением его в силу, понятие “партнерство” стало не только политической, но и юридической формулой. Автор видит исторический парадокс в том, что за 70 лет коммунистического эксперимента дистанция между Россией и Европой увеличилась в экономическом, социальном, культурном и моральном отношениях и, одновременно, сократилась, поскольку, в отличие от начала XX в., Россия является сейчас индустриальным и урбанистическим обществом с довольно высоким уровнем образования и

информированности населения о внешней политике, высоким потенциалом культуры и ориентацией большинства граждан на европейские стандарты потребления и качества жизни. Если же учесть телекоммуникационные и транспортные артерии, связывающие Россию с Европой, достижения в области науки и техники, перенимаемый опыт государственного управления и менеджмента, можно констатировать, что Россия еще больше приблизилась к Европе, что позволит ей в исторически короткие сроки осуществить прорыв в экономике. Все это вселяет надежду на то, что процесс сближения между РФ и Европой вновь оживится и ускорится, но лишь при условии, что Россия продолжит свой путь к рыночной экономике и демократии без длинных пауз или контрреформ.

Автор рассматривает четыре возможных сценария развития сотрудничества между РФ и ЕС: интеграция и членство России в ЕС; партнерство на базе имеющихся соглашений; прагматичное сотрудничество на условиях “холодного мира”; новая конфронтация.

Если российское общество и дальше пойдет по пути изменения системы, мог бы реализоваться наиболее предпочтительный сценарий полной интеграции России в ЕС. Но хотя некоторые российские политики и ученые высказываются за этот вариант, в Европе к нему относятся скептически, да и для нынешней России “идея интеграции слишком оптимистична и преждевременна” (2, с. 8). Поэтому оптимальным сценарием долгосрочного развития отношений между Россией и ЕС автор считает партнерство на основе СПС.

Речь идет о новом качестве отношений, которые базируются на одинаковых ценностях и принципах, на согласовании и сближении жизненно важных целей и на высокой степени взаимопонимания и доверия. Модель партнерства привлекательна для обеих сторон, поскольку предполагает широкое и разностороннее сотрудничество, оставляя каждой стороне большую свободу действий во внешней и внутренней политике.

Оценивая реальность сценария партнерства и его отличие от прагматичного сотрудничества, Ю.Борко отмечает, что фактическое состояние современных отношений между Россией и Западной Европой лишь в малой степени отвечает предусмотренным в СПС критериям партнерства. Россия пока не готова полностью соответствовать принципам основных документов Европейского совета и Заключительного Хельсинкского акта, Хартии ООН по правам человека. Таким образом, партнерство является пока не более чем “опционом на будущее”. Ему препятствуют не только трудности в проведении

российских реформ, но и общественная структура, значительно отличающаяся от западной. Российскую экономическую систему можно назвать рыночной, но не либеральной, а политический порядок является симбиозом демократических институтов и авторитарных органов власти на всех уровнях. Труднопреодолимым препятствием на пути к взаимопониманию и партнерству для западноевропейской стороны является сформировавшийся за последние годы отрицательный образ новой России, которая воспринимается теперь в серых и черных тонах, благодаря западным журналистам, собирающим и распространяющим отрицательную информацию о стране и не замечающим положительные моменты.

С учетом всего этого, считает Ю.Борко, реальные отношения между Россией и ЕС, вероятно, будут развиваться по сценарию прагматичного сотрудничества, предполагающего достаточную стабильность в отношениях, многостороннее экономическое и культурное сотрудничество с тенденцией к постепенному расширению, стремление обеих сторон к урегулированию конфликтов в Европе и в соседних регионах. Отличием прагматичного сотрудничества от партнерства является качество и климат отношений: при партнерстве преобладает взаимопонимание, при прагматичном сотрудничестве – недоверие и отчуждение, которые можно назвать состоянием “холодного мира”, – а также различное отношение к механизмам разрешения споров. Но в любом случае, если исходить из долгосрочных интересов, обе стороны заинтересованы в стабильных партнерских отношениях, и этот сценарий должен быть основой для практических действий обеих сторон.

Касаясь той же проблемы, Х.Тиммерман считает, что СПС является солидной основой для плодотворного партнерства, но не обеспечивает его полностью. Оно может быть успешно реализовано лишь при полном взаимном доверии и понимании, согласии по поводу основных ценностей и принципов демократии, совместимости экономических порядков, тесном экономическом переплетении и постоянном выравнивании интересов. При этом нужно исходить из того, что возможности европейцев повлиять на развитие России извне ограничены в отличие от их отношений с восточноевропейскими странами – кандидатами на вступление в ЕС, которые для интеграции в единый внутренний рынок готовы к радикальному приспособлению к европейской своим экономическим, правовым и нормативным системам. “Россия же должна найти свой путь, и европейцы должны уважать это желание” (7, с.29).

В то же время расширение ЕС на Восток создает динамику, из которой Россия будет исключена, если не сможет приспособиться к европейским нормам. В этом случае она окажется отрезанной от важного потенциала экономического развития. Однако, отмечают эксперты, несмотря на появившуюся в результате расширения ЕС на Восток новую экономическую и политическую разделительную линию, политика вовлечения России в международные европейские структуры должна продолжаться и способствовать процессу ее преобразований.

Несмотря на разразившийся летом-осенью 1998 г. финансовый кризис, подтверждением продолжения курса, начатого с заключения СПС, является реализация, хотя и замедленная, некоторых совместных проектов, например создание объявленной зоны свободной торговли ЕС – Россия. Даже в ухудшающихся экономических и финансовых условиях Россия, по мнению Х.Тиммермана, должна продолжать строить партнерские отношения с европейцами и не чинить новых препятствий расширению ЕС. Такая стратегия позволила бы европейцам поверить в намерения российского руководства по корректировке прежнего курса преобразований.

Вспоминая в этой связи реформы Петра I, Х.Тиммерман в качестве его особой заслуги называет создание предпосылок для успешной деятельности в России деловых людей Запада и использования западных ноу-хау. Из современных государственных деятелей он отмечает В.Черномырдина, который “символизировал стремление значительной части российского руководства к открытию внешнего мира, особенно в направлении Европы” (2,с.16), что и нашло свое отражение в современной политике России.

И в будущем, пишет Х.Тиммерман, важнейшей задачей западной политики в отношении России будет стимулирование ее развития от страны с авторитарными имперскими традициями к “нормальному” европейскому государству. А последовательное и активное включение в международные организации и партнерские отношения с ними повысят роль России как международного партнера и позволят ей занять в международных отношениях место, соответствующее ее размерам и значению. Но при этом отношения с Россией не должны развиваться за счет стран Восточной Европы.

Экономический и финансовый кризис в России посеял на Западе сомнения в соответствии прежних проектов, координат и перспектив отношений ЕС – РФ. Обе стороны, считает Х.Тиммерман, должны переосмыслить эти отношения. Россия должна создать функционирующие институты, повысить профессионализм и больше

ориентироваться на собственные силы. Запад, в свою очередь, должен пересмотреть содержание и направление своей прежней поддержки России. Прежде всего, это относится к усилению государственного регулирования, которое должно быть направлено на смягчение денежной политики, обеспечение высоких темпов экономического роста и реализацию социальных целей, а также на усиление контроля над банковским и финансовым секторами внутри страны, осторожный протекционизм и строгий контроль за движением капиталов за ее пределами.

Для такой корректировки российского курса европейцы должны модернизировать инструменты поддержки и повышения его эффективности:

- экономическое стимулирование должно быть направлено на определенные проекты и точность реализации цели должна отслеживаться и проверяться;

- важнее “живых” денег могло бы быть предоставление “интеллектуальной помощи” в виде опытных менеджеров для промышленных предприятий, экономических экспертов, специалистов в области налогов и управления, в частности для банковского дела и банковского контроля;

- нужно проверить, возможно ли более широкое участие ЕС в российских регионах, предусмотреть возможность контроля за исполнением соответствующих проектов, возможность идентификации партнеров по переговорам, обеспечение непосредственного доступа к ним.

В кризисных условиях ЕС, в качестве влиятельного западного партнера, мог бы внести вклад в дальнейшее стимулирование политического, экономического и духовного развития России, которая в течение нескольких лет после советской диктатуры решительно изменила свою действительность. И удалось ей это, по мнению Х.Тиммермана, по двум причинам: во-первых, потому, что в партнерский диалог ЕС – Россия включились все серьезные политические силы; во-вторых, сторонники европейского направления развития стремились не просто к вестернизации России и вступлению ее в Европу, они хотели также, чтобы Россия создала в евразийском пространстве свой независимый центр притяжения, не поступаясь значительной частью национального суверенитета.

Повышение в последнее время заинтересованности России в тесных отношениях с ЕС встречает и соответствующий интерес Союза. В течение 1999 г. обе стороны уточнили характер, содержание и

перспективы своих отношений: сначала на встрече в верхах в Кельне в июне 1999 г. ЕС принял “Общую стратегию Европейского союза для России”, а затем в октябре 1999 г. Россия – “Среднесрочную стратегию для развития отношений между РФ и ЕС (2000-2010)” (СС). Особый вес этому документу придает, по мнению Х.Тиммермана, то, что именно тогда еще премьер-министр В.Путин представил его на встрече в верхах ЕС – Россия в Хельсинки. В принципе это первый документ, в котором Россия впервые достаточно полно сформулировала расширенную концепцию отношений с Европой и ЕС.

Особенно важны два основных положения СС. С одной стороны, впервые однозначно заявляется, что для России интеграция в Союз не стоит на повестке дня: как мировая держава и евроазиатское государство Россия хочет в будущем самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику. С другой – подчеркивается стратегический характер партнерства Россия – ЕС и высказывается стремление к тесному взаимодействию по созданию “Европы без разделительных линий”.

Эксперты обращают внимание на новые акценты, появившиеся в СС. Первостепенное значение Россия придает двум моментам: она настаивает, во-первых, на усилении роли ЕС как партнера России по модернизации; во-вторых, на недопущении создания на восточной границе расширяющегося ЕС новой разделительной линии, делящей население по уровню благосостояния.

Примечательно также, что, в соответствии с СС Россия обращается к ЕС с просьбой поддержать ее консультациями, предпочтительно с помощью экспертиз TACIS, при решении прежде всего следующих проблем.

Прямые иностранные инвестиции. Российское руководство связывает с ЕС большие надежды в плане его вклада в стабилизацию и модернизацию российской экономики в форме крупных прямых инвестиций в реальный сектор экономики. В этой связи в СС подчеркивается намерение России приспособить свое законодательство и правовую систему к законодательству ЕС для более тесного сотрудничества с Союзом, но при сохранении своей независимости в этих областях. Россия хотела бы подобным образом гармонизировать свою систему стандартов и сертификации с соответствующими системами ЕС в областях с наиболее оживленной торговлей и технической кооперацией.

Возможность непосредственного влияния со стороны ЕС на структурные приспособления в России является безусловным прогрессом, поскольку подталкивает Россию к реализации

предусмотренного СПС выравнивания своих норм и стандартов с европейскими. Главной предпосылкой для этого являются решительные внутренние структурные реформы: соизмеримое налоговое законодательство, возможность приобретения земли и вод, функционирующие институты, правовые гарантии, четко определенные и фактически выполняемые правила. В этой части формулировки СС довольно неопределенны и обещают в целом “благоприятное инвестиционное законодательство и гарантии иностранных инвестиций”. Остается ждать, попытается ли В.Путин реализовать обещания по радикальному улучшению экономических рамочных условий в консенсусе с важными политическими течениями и общественными группировками или установит для этого режим “твердой руки”.

Роль евро. В Москве в настоящее время внимательно следят за развитием евро, что вполне логично, поскольку стабильный евро может оказать сильное влияние на международные финансовые организации. В положительном случае евро мог бы трансформировать существующий однополярный мировой валютный порядок в биполярный, составив конкуренцию доллару как мировой резервной валюте, и вытеснить его из России и стран СНГ. Воздействие евро оценивается позитивно и в качестве вклада в укрепление партнерства России с ЕС. В подтверждение этого приводятся следующие аргументы.

1. Евро как “реальная альтернатива американскому доллару” способен, по крайней мере частично, “евроизировать” экономику и финансы России, освободив их от доллара. Это помогло бы России преодолеть зависимость от внешних обстоятельств, в частности, от одной единственной страны и ее валюты. Геополитическое положение России и ее экономическая безопасность требуют максимально использовать новые возможности, “последовательно преодолевая для этого фактическое неравноправие евро по отношению к доллару на ее внутреннем валютном рынке” (9, с. 27).

2. Важное значение придается геополитическому аспекту. США связаны с Россией лишь косвенно, тогда как ЕС, напротив, состоит с ней в договорных отношениях, они взаимозависимы во многих областях. Поэтому было бы целесообразно подвергнуть ревизии действующее законодательство и международные договоры России в валютной и финансовой сферах для приведения их в соответствие с правовыми нормами ЕС, касающимися евро.

3. Евро может существенно способствовать облегчению торговли между ЕС и Россией. Это касается не только основных членов еврозоны, но и кандидатов на вступление – стран Центральной и

Восточной Европы, а в перспективе и европейских стран СНГ. Северо-западные регионы России, особенно Калининградская область, быстро перейдут при расчетах на евро.

Учитывая все это, в СС подчеркивается необходимость “усиления евро как международной валюты путем его официального включения в валютные резервы банка России” (9, с. 27); расширенного использования евро на национальных финансовых рынках и во внешней экономической деятельности российских фирм и банков. Российским банкам рекомендуется “расширять и укреплять практическое сотрудничество с Европейским центральным банком, системой Центральных банков и другими институтами ЕС с целью координации их действий с учетом будущей реформы международной финансовой системы.

Учитывая экономическую и финансовую слабость России, возможность координированных с ЕС действий при становлении нового международного финансового порядка весьма важна для нее, тем более что евро тоже проявляет симптомы слабости по отношению к доллару. В целом позитивная оценка евро как ядра финансовой системы ЕС и стремление России к тесному переплетению с ним подчеркивают готовность страны к прочному партнерству с Союзом. Русская линия в деятельности ЕС определяется намерением создать лучший баланс между долларом и евро и, кроме того, с помощью ЕС сильнее вовлечь Россию в процессы экономической и финансово-политической глобализации.

Противодействие созданию разделительной линии.

Начавшееся расширение ЕС на Восток характеризуется в СС как “двойное” для России. С одной стороны, есть такие преимущества, как расширение рынка для российской продукции, объединение и большая надежность транзитных путей и пограничного режима в торговле, гармонизация таможенных тарифов в пространстве ЕС. Приближение к границам страны зоны благосостояния и модернизированной экономики дает ей шанс воспользоваться этим для собственной выгоды.

С другой стороны, выражаются опасения по поводу взаимных негативных последствий расширения ЕС на Восток, особенно потому, что в результате Россия потеряет традиционные рынки и окажется в Европе “деевропеизированной” и маргинализированной. Фактически кандидаты на вступление уже сейчас осуществляют 70% своей внешней торговли с ЕС. Поэтому не случайно в СС содержится положение о защите легитимных интересов России в ходе дальнейшего расширения ЕС на Восток (9, с.28). Российское руководство стремится к широким

консультациям между Москвой и ЕС в целом, а также к двусторонним – с кандидатами на вступление, с тем чтобы минимизировать возможный ущерб для своей страны.

Понимая эту озабоченность, ЕС подтвердил свое намерение после вступления России в ВТО заключить с РФ соглашение о свободной торговле, что помогло бы ей решить ряд проблем, возникающих в результате расширения ЕС. Правда, здесь встает вопрос, сможет ли российское руководство сохранить баланс между необходимым открытием рынка, с одной стороны, и выборочным протекционизмом, который защитил бы страну от разрушительной иностранной конкуренции – с другой.

Серьезность позиции российской стороны в плане дальнейшего развития отношений с ЕС доказывают заявления представителя РФ при ЕС в Брюсселе, в которых предлагается заключение нового “Договора о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в XXI столетии”, а в качестве первого шага – подписание “Заявления об основных целях и принципах” этого партнерства. На это ЕС не согласился, настаивая на полном использовании возможностей сотрудничества, заявленного в уже имеющемся соглашении.

Тем не менее президент В.Путин видит объективные предпосылки для того, чтобы “следующее десятилетие стало периодом практической работы по созданию новых, более высоких форм взаимодействия между Россией и ЕС” (8, с. 755). В результате дальнейшего сближения России и ЕС на принципах равноправия, партнерства и взаимной выгоды ЕС мог бы стать для РФ важнейшим торговым партнером, кредитором и инвестором. Со своей стороны В.Путин заявил о намерении России быть стабильным, конструктивным и предсказуемым партнером при создании Большой Европы и проводить честную и прозрачную политику. На встрече в верхах ЕС – Россия в мае 2000 г. он вновь подтвердил, что Россия придает первоочередное значение своим отношениям с Европой, особенно с Германией, осознавая в то же время, что слабая Россия не сможет на равных участвовать в мировой политике и что цель создания сильного в мировом масштабе государства не достижима в условиях изоляции. Но пока трудно понять, сможет ли В.Путин создать в России привлекательные для крупных иностранных инвестиций условия.

Однако, по мнению Х.Тиммермана, наметились признаки изменения российского понимания партнерства с ЕС. При подписании СПС Россия показала первоочередную заинтересованность в экономическом направлении. Политические положения СПС были для

Москвы второстепенными и увязывались с экономическими целями. Это соответствовало традиционной оценке ЕС как экономического колосса и политического карлика. Теперь же российская сторона ориентируется на всестороннее партнерство с ЕС, в том числе в политике безопасности и в военной области. Партнерство с ЕС все чаще рассматривается как самостоятельный элемент международных отношений, а не как зависимая переменная от отношений с США. Москва предлагает вести с ЕС широкий и предметный политический диалог, особенно в области предупреждения конфликтов в пространстве ОЭСР. Обе стороны должны консультироваться и координировать свои позиции в международных организациях. Примером возможных консультаций могло бы быть более активное обсуждение проблем Кавказа и Калининграда, а также чувствительных проблем Белоруссии.

Анализ показывает, пишет Х.Тиммерман, что с интенсификацией интеграции ЕС возрастает заинтересованность России в Союзе, который массовыми прямыми инвестициями и целенаправленным трансфертом ноу-хау может внести вклад в ускорение инноваций и повышение конкурентоспособности страны. Кроме того, с развитием Европейской политики обороны и безопасности Москва воспринимает ЕС и как политического и военного партнера, и эта линия сотрудничества могла бы усиливаться. "Широкое сотрудничество России с ЕС, вместо прежнего селективного партнерства в экономической области, могло бы в будущем сделать их отношения еще более тесными" (9, с.30).

В более широком контексте партнерство Россия – ЕС могло бы помочь Москве в реалистичной оценке собственной роли и собственной силы в международных отношениях. В условиях возрастающей глобализации Россия должна быстро воспользоваться ее преимуществами, поскольку ее будущее зависит непосредственно от притока иностранных инвестиций и новейших технологий, в том числе в области менеджмента.

В то же время по мере укрепления отношений Россия – ЕС снижается значение концепции "многополярности". Это объясняется двумя причинами: во-первых, Москва преодолевает прежнюю позицию, в соответствии с которой отношения с европейцами представляли интерес, лишь когда они были направлены против США. Уже отмечается тенденция, при которой отношения с ЕС активизируются и тогда, когда ЕС действует в рамках трансатлантического альянса. В этом случае Россия воспринимает США как европейскую страну, а ЕС – как трансатлантическую державу. Во-вторых, ЕС считается в Москве

потенциальным партнером, который может привлечь значительные иностранные инвестиции для модернизации страны и поможет ей стать активным и равноправным членом международных политических, экономических и финансовых институтов. Тем самым партнерские отношения России с ЕС способствуют глобализации страны, помогают Москве осторожно “вписаться” в мировую экономику.

Для европейцев же “партнерство с Россией является важнейшим вызовом начала XXI в.” (9, с. 32). Развитие России будет и в дальнейшем сильно влиять на развитие Европы, поскольку изолировать такую большую и богатую ресурсами страну невозможно. К тому же, как показывает опыт, отказ европейцев от сотрудничества в виде эмбарго, санкций и стратегии изоляции может действовать против них самих в виде таких, не признающих границ факторов дестабилизации, как разрушение окружающей среды, издержки массового уничтожения оружия, распространение криминалитета. В то же время европейцы, считает Х.Тиммерман, должны учитывать, что большая часть российской элиты дистанцируется от важных европейских ценностей. Поэтому партнерство с Россией нужно оценивать прагматично-реалистично, не питая иллюзий о ее быстром включении в европейское хозяйство и проявляя “стратегическое терпение”. Сюда относятся четкое формулирование собственных интересов и критическая реакция на противоречащее договору поведение России. ЕС сохранит свой интерес в отношениях с Россией, если будет рассматривать ее не только как партнера, но и как потенциального оппонента.

Однако в любом случае, пишет Г.Руге, можно утверждать, что “Россия не всегда будет лежать на земле, и Запад в кризисный для нее период не должен ни списывать ее со счетов, ни унижать ее” (3, с.748). Но, сотрудничая с Россией, Западная Европа не должна игнорировать и страны Южной и Восточной Европы. Нужно искать трудный баланс между желанием этих стран вступить в ЕС и в НАТО и отношениями с Россией, по возможности минимально осложняя их политикой расширения на Восток.

Г.Руге считает, что не следует ни демонизировать развитие России сценариями ужасов, ни высокомерно взирать сверху вниз на ее трудности. Страна имеет огромный потенциал природных богатств, рабочей силы, научно-технической интеллигенции и людей с духом предпринимательства. Новое поколение людей моложе 40 лет входит в мир с новыми представлениями. Они надеются использовать свой шанс, ищут свой путь в изменившемся мире – между русскими традициями и новыми реалиями периода глобализации. Они хотят экономических и

демократических свобод, понимая одновременно, что слабое государство может подвергнуть их опасности. А сформировать новую Россию, создав основы для ее процветания, можно быстрее при условии тесных деловых отношений с Европой.

Наряду с этим, подчеркивает Х.Тиммерман, при президенте В.Путине Россия не будет, вероятно, ни демократией европейского типа, ни репрессивным авторитаризмом, а скорее всего, управляемой или “манипулируемой” демократией. Такой вариант “вряд ли позволит осуществить настоящее партнерство ЕС – Россия в смысле полного согласия в отношении ценностей и принципов формирования государства и общества, но, пожалуй, сделает возможным широкое прагматичное и предсказуемое сотрудничество” (9, с. 3).

В целом ЕС весьма заинтересован в том, чтобы “стабильная, демократически ориентированная и экономически здоровая Россия вышла из самоизоляции коммунистического периода и осознала себя активным и конструктивным членом международного сообщества государств” (с. 33). С точки зрения европейцев, Россия будет принадлежать к Европе лишь в том случае, если она сама этого захочет и будет в состоянии это сделать. Обе стороны должны решить, хотят ли они существующее ныне прагматично-реалистичное партнерство перевести в стратегическое.

Список литературы

1. Adomeit H. Russland im Chaos // Krisen – Kriege – Konflikte : Die Weltgemeinschaft vor neuen Gefahren. Beitr. aus intern. Politik / Dt. Ges. für ausw. Politik; Volle A., Weidenfeld W. (Hrsg.). – Bonn, 1999. – S 121-128.
2. Борко Ю., Timmermann H. Russland und die Europäische Union: Eine widersprüchliche Zwischenbilanz / Borko J., Timmermann H. – Köln, 1999. – 26 S. (Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien; 3).
3. Ruge G. Russland – ein unentbehrlicher Partner // Osteuropa. – Stuttgart, 2000. – Jg. 50, N 7. – S. 743-749.
4. Стрелецкий Вл. Desintegrationsrisiken und “neue Regionalstrategie” im Russland / Strelezki W. – Köln, 2000. – 28 S. (Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien; 9).
5. Timmermann H. Politisch-gesellschaftliche Perestroika in der Sowjetunion : Ursachen, Konzeptionen, Widerstände. – Köln : Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien, 1989. – III, 37 S. – (Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien; 54-1989).
6. Timmermann H. Profil und Prioritäten der Außenpolitik Russlands unter Jelzin : Vorrang für die Eingliederung in die “zivilisierte Staatengemeinschaft”. – Köln, 1992. – III, 46 S. – (Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien; 21).
7. Timmermann H. Russland und die internationalen europäischen Strukturen. – Köln, 1999. – 33 S. – (Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien; 29).
8. Timmermann H. Russlandspolitik gegenüber der EU (I). – Osteuropa. – Stuttgart, 2000. – Jg. 50, N 7. – S. 750-757.

9. Timmermann H. Russlands Strategie für die Europäische Union: Aktuelle Tendenzen, Konzeptionen u. Perspektiven. – Köln: BIOst, 2000. – 37 S. – (Ber. des Bundesinst. für ostwiss. u. intern. Studien; 5/2000).